

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Том 5 № 4
Volume 5 2019

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 5, №4. 2019

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 5, № 4. 2019

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенико Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинювич В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стянова Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тоценко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якоба, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Chernysh M.F. Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjević, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihalik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Атласкиров А. Р. Трансформации в системе ценностных ориентаций молодежи Кабардино-Балкарской Республики	3	Albert R. Atlaskirov Transformations in the system of value orientations of youth of the Kabardino-Balkarian Republic	3
Бакрач В., Самарджич О. Бог и пол. Динамика изменений религиозности в странах бывшей СФРЮ	14	Vladimir Bakrac, Obrad Samardzic God and gender. The Dynamics of Changes in Religiosity in the Countries of the Former SFRY	14
Вукчевич Н. Дескриптивный анализ фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению	26	Nemanja Vukchevich A descriptive analysis of the religion factor in relations of migrants to a new environment	26
Гаджимурадова Г. И. Этнорелигиозные аспекты миграционных процессов	37	Gul'nara I. Gadzhimuradova Ethnoreligious aspects of migration processes	37
Логунова Л. Ю., Маженина Е. А. Социокультурный анализ практик питания в системе жизнеобеспечения: традиции и современность	47	Larisa Yu. Logunova, Ekaterina An. Mazhenina Socio-cultural analysis of the nutrition practice in a system of life support: traditions and modern times	47

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Любутов А. С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов	58	Alexander S. Lyubutov The method of structural taxonomy: research potential for analysis of social and spiritual processes	58
Сорокин О. В. Особенности девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности	80	Oleg V. Sorokin The characteristics of deviant behavior of Russian youth in the circumstances of changing social reality	80
Шаповалова И. С., Генкин (Филонова) Ю. Ю. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи	91	Inna S. Shapovalova, Yuliana Y. Genkin (Filonova) Online perspective in educational trajectories of Youth	91
Шлыкова Е. В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса	103	Elena V. Shlykova Countering terrorism as adaptation to risks of the present: social essence and subjects of the process	103
Яницкий О. Н. Критические ситуации и гражданский активизм в «цифровую эпоху»	119	Oleg N. Yanitsky Critical Situations and Civil Activism in the Digital Era	119

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Гусейнова К. Э. Оценка уровня инновационного развития регионов в контексте проблем пространственного взаимодействия (по критерию «свои» – «не свои»)	130	Ksenia E. Guseynova Assessment of the level of innovative development of regions in the context of spatial interaction problems (based on the "insiders and outsiders" criteria)	130
Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности	139	Yulia Al. Zubok, Elena V. Chankova Communicative competence of the personality in the space of virtual reality	139
Ковин Е. А., Лысенко О. В. Теория поколений в контексте социологии управления	151	Egor An. Kovin, Oleg V. Lysenko The theory of generations in the context of sociology of management	151
Леньков Р. В., Богданов В. С. Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс	163	Roman V. Lenkov, Vladimir S. Bogdanov The problems of «assembly» of future Russian intellectuals as a potential of socio-cultural modernization: sociological and management discourse	163
Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации	176	Aleksandr V. Tikhonov, Andrey A. Merzlykov Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization	176
Щербина В. В., Попова Е. П. Вуз как специфический тип организации, его функции и взаимоотношения с внешним окружением	184	Vyacheslav V. Shcherbina, Elena P. Popova University as a specific type of organization, its functions and relationships with the external environment	184

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE**

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-1

Атласкиров А. Р.

**Трансформации в системе ценностных ориентаций молодежи
Кабардино-Балкарской Республики**

Центр социально-политических исследований,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук
ул. Балкарова, 2, г. Нальчик, 360002, Кабардино-Балкарская Республика
Atlaskirov.albert@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-4032-2106

*Статья поступила 6 сентября 2019 г.; принята 31 октября
опубликована 30 декабря*

Аннотация. Современные глобализационные процессы и бурное технологическое развитие являются источником фундаментальных сдвигов в структуре ценностных ориентаций народов нашей планеты. Некогда закрытые, консервативные сообщества постепенно приобщаются к постматериальным ценностям глобального мира, оставляя традиционные ценности своих народов для учебников истории. Северный Кавказ не является исключением. Народы региона находятся под давлением глобализации, вследствие чего, традиционные ценности теряют свою значимость в структуре ценностных ориентаций населения. Трансформационные процессы на Северном Кавказе протекают неравномерно, в зависимости от социокультурных особенностей сообществ, и, зачастую, служат источником возникновения конфликтов. Предметом исследования является система ценностных ориентаций населения. Цель работы заключается в исследовании трансформации ценностных ориентаций молодежи Кабардино-Балкарской Республики. Методологической основой исследования являются системный и междисциплинарный подходы. Методом исследования является вторичный анализ данных. Выявлено, что структура ценностных ориентаций молодежи республики трансформируется под влиянием глобализационных процессов. Отношение к семье, являющейся одной из ключевых ценностей традиционного общества, меняется, что проявляется в большом количестве разводов, нехарактерных для консервативных обществ Северного Кавказа. В Кабардино-Балкарии позиции традиционных ценностей, передаваемых из поколения в поколения, все еще высоки в структуре ценностных ориентаций молодежи. Однако в последние годы большую популярность приобретают постматериальные ценности, пропагандирующие свободу индивидуального выбора жизненного стиля и самовыражения.

Ключевые слова: глобализация; Кабардино-Балкарская Республика; молодежь; традиционные ценности; постиндустриальные ценности; семья; разводы; карьера.

Благодарность: Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых (грант МК-2488.2019.6).

Информация для цитирования: Атласкиров А. Р. Трансформации в системе ценностных ориентаций молодежи Кабардино-Балкарской Республики // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-1

Albert R. Atlaskirov

Transformations in the system of value orientations of youth of the Kabardino-Balkarian Republic

Center for Social and Political Studies,
Kabardino-Balkarian Scientific Center,
Russian Academy of Sciences
2 Balkarov St., Nalchik, 360002, Kabardino-Balkarian Republic
Atlaskirov.albert@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-4032-2106

*Received September 6, 2019; accepted October 31, 2019
published December 30, 2019*

Abstract. Modern globalization processes and rapid technological development are a source of fundamental shifts in the structure of the value orientations of the peoples of our planet. Once closed, conservative communities are gradually becoming attached to the post-material values of the global world, leaving the traditional values of their peoples in the past. The peoples of the North Caucasus are no exception. The population of the region is under the pressure of globalization, as a result of which, traditional values lose their significance in the structure of the value orientations of the population. Transformational processes in the North Caucasus are uneven, depending on the sociocultural characteristics of communities, and often serve as a source of conflict. The subject of the study is the system of modern value orientations. The purpose of the paper is to study the transformation of the value orientations in youth of the Kabardino-Balkarian Republic. The methodological basis of the study are systemic and interdisciplinary approaches. The research method is a secondary data analysis. It has been revealed that the structure of the value orientations of the republic's youth is being transformed under the influence of globalization processes. The attitude towards the family, which is one of the key values of traditional society, is changing. It is manifested in a large number of divorces that are not characteristic of conservative communities in the North Caucasus. In Kabardino-Balkaria the positions of traditional values passed down from one generation to another are still high in the structure of young generation value orientations. However, in recent years, post-industrial values that popularize the freedom of individual choice of lifestyle and self-expression have gained great popularity.

Keywords: globalization; Kabardino-Balkarian Republic; youth; traditional values; post-industrial values; family; divorces; career.

Acknowledgment: This work was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of young scientists (grant МК-2488.2019.6).

Information for citation: Atlaskirov A. R. (2019), "Transformations in the system of value orientations of youth of the Kabardino-Balkarian Republic", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-1

Введение (Introduction). Начало XXI века характеризуется ускорением глобализационных процессов и технологического развития сообществ. Доступ к интернету получают все больше и больше людей, аудитория социальных сетей увеличивается в геометрической прогрессии, локальные, самобытные культуры испытывают на себе возрастающее влияние унифицированных ценностей потребительского общества (Flanagan, Lee, 2003; Welzel, 2011). Данные процессы протекают с различной степенью интенсивности, в зависимости от социокультурных особенностей народов, живущих на нашей планете. В Европе, Северной Америке и других высокоразвитых регионах мира отмеченные нами процессы протекают наиболее активно (Inglehart, 1977). Однако влияние глобализационных процессов, в настоящее время, заметно и в менее развитых, традиционных обществах.

В России глобализационные процессы протекают неравномерно, в силу наличия существенной диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов. Выделяются высокоразвитые регионы (Москва, Санкт-Петербург), наиболее активно включенные в современные глобализационные процессы, и регионы, значительно отстающие от лидеров в уровне социально-экономического и технологического развития, население которых в своей жизнедеятельности руководствуется ценностями традиционного общества (Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Республика Дагестан и т.д.). Проникновение ценностей постмодерна (Инглхарт, 1997) в национальные республики Северного Кавказа является одним из факторов, лежащих в основе конфликтов, периодически возникающих в данном регионе.

Методология и методы (Methodology and methods). Молодежь – наиболее открытая для новых идей, смыслов и технологических достижений, часть общества. Именно она, приобщаясь к результатам прогресса современного общества, транслирует их последующим поколениям. Молодежь выступает одновременно и в качестве субъекта, и в качестве объекта социализации. В соответствии с Постановлением Верховного Совета РФ об «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 год) к числу молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 30 лет¹. Изучению проблем молодого поколения посвящено множество работ современных авторов. Ю. Р. Вишневецкий и В. Т. Шапко отмечают, что в обстановке быстрых изменений и обновления всех сфер общественной жизни первостепенное значение имеет преодоление противоречий между молодежью и обществом, укрепление их взаимодействия и согласования интересов. В своей работе они предлагают сочетание двух стратегий молодежной политики: собесовской и инновационной (Вишневецкий, Шапко, 1997). Различные аспекты молодежной политики раскрываются в трудах В. А. Смирнова (Смирнов, 2014) и В. Т. Лисовского (Лисовский, 1996).

Проблемы и особенности трансформации ценностных ориентаций молодого поколения исследуются в работе Д. А. Гугуевой и О. В. Фетисовой. Они проводят анализ ценностных стратегий современной российской молодежи в реальном и виртуальном социуме (Гугуева, Фетисова, 2016).

¹ Постановлением Верховного Совета РФ об «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» 1993 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102023954>.

И. В. Шевченко и Р. Н. Шматков отмечают, что, в силу общественно-политических потрясений конца XX века, в нашей стране система современных образовательных ценностей молодежи «передвинулась с общегосударственного уровня на социально-групповой и индивидуальный» (Шевченко, Шматков, 2014: 292). Изучению системы ценностей современной студенческой молодежи посвящены работы Г. Б. Кошарной и Л. В. Рожковой (Кашарная, Рожкова, 2012), И. В. Малолетневой, Ж. В. Жиратковой, Т. С. Элиаровой (Малолетнева, Жираткова, Элиарова, 2018), Н. В. Смола (Смола, 2014). О. В. Новиченко анализируя политические ценности современной российской молодежи и особенности их политической социализации, приходит к выводу, что противоречивость и размытость политического пространства не позволяет сформироваться устойчивой структуре идентичностей молодого поколения (Новиченко, 2013).

Помимо выше перечисленных работ, можно отметить наличие большого пласта трудов, посвященных региональным особенностям трансформации ценностных ориентаций молодежи. Е. А. Авдеев отмечает, что «дрейф к модернистским ценностям является базовой тенденцией и для Северо-Кавказского региона» (Авдеев, 2019: 115). По его мнению, среди молодого поколения национальных республик существует тенденция к уменьшению роли традиционных ценностей в повседневной частной жизни. Также можно отметить региональные исследования, проведенные И. А. Шаховой (Шахова, 2015), Э. С. Абдулаевой (Абдулаева, 2016), Л. В. Рожковой (Рожкова, 2011). Большое внимание в современных исследованиях уделяется трансформациям семейных ценностей молодежи. Можно отметить исследования проведенные ВЦИОМ² и рядом

отечественных авторов: Е. Л. Башманова (Башманова, 2016), Н. А. Ростовская (Ростовская, 2013), С. А. Ильиных (Ильиных, 2012).

Р. Инглхарт отмечает, что собранные в ходе масштабных исследований данные показывают на глубокие структурные изменения базовых ценностей жителей индустриальных и постиндустриальных стран во всем мире. Изменения эти связаны с процессом смены поколений, следовательно, происходят постепенно, но обладают долговременным импульсом. Он утверждает, что достижение высоких показателей экономического роста, и, следовательно, высокого уровня экономической безопасности населения стран, первыми осуществивших индустриализацию, привело к тому, что граждане постепенно стали делать больший упор на постматериальных ценностях, отдавая приоритет качеству жизни, а не экономическому росту. Этот сдвиг происходит на всем пространстве наиболее развитых постиндустриальных стран на протяжении последних двух десятилетий, «сопровождаясь сдвигом от политики классового конфликта к политическому конфликту по таким проблемам, как защита окружающей среды, положение женщин и сексуальных меньшинств» (Инглхарт, 1997: 7). «В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения» (Инглхарт, 1997: 5).

Данный процесс актуален и для современного российского общества. На примере семейных ценностей, являющихся одними из основополагающих, базовых категорий традиционного общества, можно проследить изменения, происходящие в

²Брак в России: вчера и сегодня // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2807 от 03.04.2015 г. URL:

<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214> (дата обращения: 01.07.2019).

структуре ценностных ориентаций молодежи под влиянием глобализационных процессов. Несмотря на то, что семья все еще воспринимается молодым поколением как наиболее важная жизненная ценность, меняется отношение к вопросам создания семьи, ролевым моделям взаимоотношения супругов и т.д. Так, в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ, было выявлено, что семья постепенно перестает быть безусловной ценностью, а брак все чаще рассматривается как партнерство. Современные исследования показывают, что, в отличие от конца 1980-х годов, все меньшее количество людей предпочитают вступать в брак и создавать семьи, а популярность сожительства растет. В 1989 году сторонников регистрации брака было – 89%, в 2014 году – 79%. 12% респондентов отметили, что в наши дни предпочтительно не связывать себя брачными обязательствами (среди 18-24 –летних – 17%)³. Ряд региональных исследований показывают более серьезную девальвацию семейных ценностей. Так, С. А. Ильиных изучая отношение студентов Новосибирска и Минска к зарегистрированному браку и сожительству выявила, что большинство респондентов положительно относятся к зарегистрированному браку (Новосибирск: М – 94,4%, Ж – 97,3%; Минск: М – 88,5%, Ж – 96,1%). Однако примерно половина респондентов также положительно оценили и свободное сожительство (Новосибирск: М – 50,0%, Ж – 53,2%; Минск: М – 44,5%, Ж – 43,6%) (Ильиных, 2012: 222). И. А. Шахова отмечает, что большинство студентов Амурской области относятся к сожительству положительно и наблюдается рост числа сторонников данной формы взаимоотношений между мужчиной и

женщиной (М: 2010 год – 56%, 2013 год – 72,2%; Ж: 2010 год – 63,4%, 2013 год – 67,2%) (Шахова, 2015: 32). Еще одним важным показателем снижения значимости для молодых людей семейных ценностей является рост числа внебрачных детей. По данным Всероссийской переписи населения, доля детей, которые были рождены вне брака, в период с 1989 года по 2002 год составляет около 30% (Чернова, Шпаковская, 2010: 40).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Молодое поколение Кабардино-Балкарской Республики, являясь частью российского общества, испытывает на себе такое же влияние глобализационных процессов, которые сказываются на процессах трансформации структуры ценностных ориентаций данной социально-демографической группы. В мае 2016 года Центром социологических исследований КБГУ был проведен социологический опрос, в ходе которого было опрошено 1500 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет. Результаты опроса позволили получить данные, показывающие структуру ценностных ориентаций республиканской молодежи.

Респонденты отметили, что наиболее важной жизненной ценностью для них является – семья, родные и близкие (76,7%). Следующими по значимости идут ценности карьеры/труда (45,64%) и образования (46,15%). Треть молодежи указала на ценность материального достатка – 33,88% (рис. 1). Также, по мнению респондентов, определяющими условиями жизненного благополучия являются – устроенная личная жизнь (53%), карьера, работа (46,6%), физическое и духовное здоровье (41,7%)⁴.

³Брак в России: вчера и сегодня // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2807 от 03.04.2015 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214> (дата обращения: 01.07.2019).

⁴Аналитическая справка (отчет) по материалам конкретного социологического исследования: «Ценностные ориентации современной молодежи Кабардино-Балкарской Республики» / Исполнители: Кумыков А. М., Шогенов З. А., Чеченов А. М. Нальчик: Каб.-Балк. гос. университет, 2016. С. 10.

Рис. 1. Отметьте, пожалуйста, наиболее важные для Вас ценности в жизни⁵
Fig. 1. Please, mark your most important values in life

Результаты исследования показывают, что, несмотря на то, что ценность семьи все еще высока в молодежной среде республики, ценности присущие обществам Запада (карьера, материальный достаток, образование) достаточно популярны. Можно сделать вывод, о том, что структура ценностных ориентаций населения республики в целом, и молодежи в частности, трансформируется, перенимая унифицированные ценности, насаждающиеся глобализационными процессами во всех уголках мира. Однако ситуация не столь однозначная. Результаты социологического исследования, полученные Лабораторией социологических исследований при кафедре политологии КБГУ в 2000 году, показывают, что среди трех наиболее важных целей в жизни, студентами были отмечены следующие: счастливая и здоровая семья – 61,2%, высокое положение на работе и в обществе – 55,1%, материальный достаток – 52% (Шанибов, Кочесоков, 2000: 136). Сравнивая результаты исследований, проведенных в 2000 году и в 2016 году, можно увидеть, что значимость

семьи как наиболее важной ценности для молодежи не убавилась, только выросла. В это же время ценности, карьеры и материального достатка за 16 лет потеряли свою значимость в молодежной среде.

Представленные данные могут создать впечатление, что глобализационные процессы обходят республику стороной, однако, на наш взгляд, это будет ошибочным суждением. Во-первых, большая популярность материального достатка и высокого положения на работе и в обществе среди молодежи в 2000 году обусловлены тяжелым не только политическим, но и экономическим кризисом конца XX века в России. Населению, особенно молодежи, часто негде и не на что было жить. Старые идеалы стремительно обесценивались, а новые не были четко сформулированы. Р. Инглхартом была выдвинута гипотеза ценностной значимости недостающего, которая аналогична принципу убывающего приращения пользы в экономической теории. Согласно данной гипотезе «приоритеты индивида отражают состояние социально-экономической среды: наибольшая субъективная ценность придается

⁵ Аналитическая справка (отчет) по материалам конкретного социологического исследования: «Ценностные ориентации современной молодежи Кабардино-Балкарской Республики» / Исполнители: Кумыков А. М., Шогенов З. А., Чеченов А. М. Нальчик: Каб.-Балк. гос. университет, 2016. С. 10.

тому, чего относительно недостает» (Инглхарт, 1997: 9). В конце 90-х годов XX века и начале XXI века молодежь остро нуждалась в высококвалифицированных рабочих местах, достойной зарплате, качественном жилье, что и отразилось на результатах опроса.

Во-вторых, показательными являются данные о количестве разводов в Кабардино-Балкарии. Для традиционных обществ характерны крепкие семьи. Разводы, распады семьи представляются крайне редкими явлениями в таких обществах и сопровождаются всеобщим порицанием.

Данные рисунка 3 показывают, что в республике количество разводов ниже, чем средние показатели по стране. Увеличение количества разводов обычно происходит в годы социально-экономических кризисов, когда появляющиеся бытовые сложности разрушают семейные отношения. Подобные всплески показателей разводов

характерны и для Кабардино-Балкарии. В городах, где живет более «продвинутое» население, люди реже склонны в проблемных ситуациях сохранить семью, и предпочитают развестись и жить отдельно.

В сельской местности, где все еще сильны традиционные устои общества, семьи распадаются реже (рис. 2).

Анализ данных по разводам в Российской Федерации в целом, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Ингушетия в частности, подтверждает, что трансформация семейных ценностей происходит неравномерно (рис. 3). Семья все еще имеет определяющее значение в молодежной среде Кабардино-Балкарии, однако, ценность семьи, ее устойчивость под воздействием жизненных трудностей заметно снизилась, что подтверждает сравнительный анализ данных с показателями количества разводов в Ингушетии, население которой сохранило более традиционный уклад жизни.

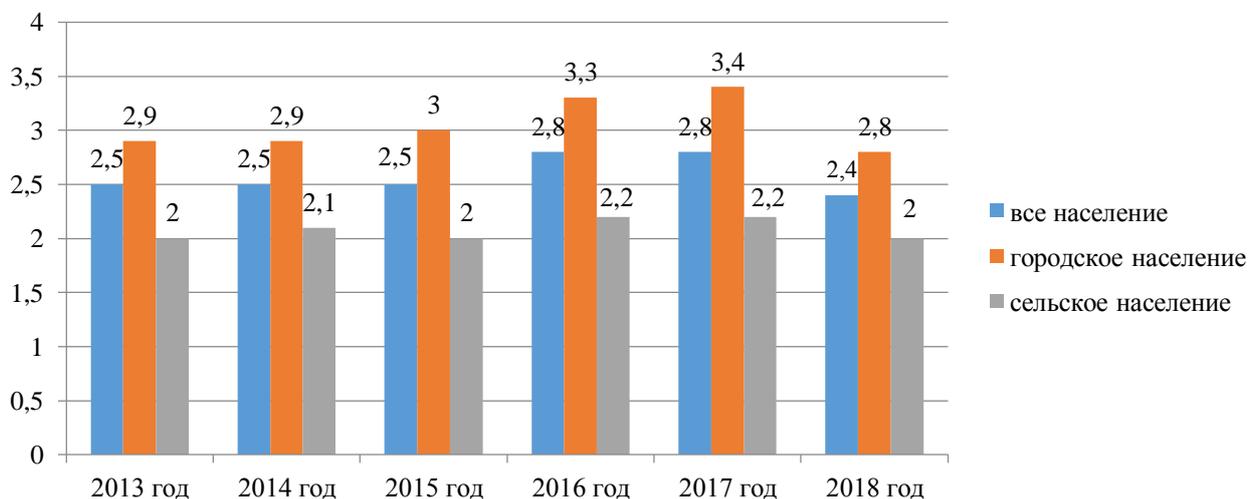

Рис. 2. Количество разводов в городской и сельской местности Кабардино-Балкарской Республики (промилле)⁶
Fig. 2. The number of divorces in urban and rural areas of the Kabardino-Balkarian Republic (ppm)

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Браки и разводы.
URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31268> (дата обращения: 01.07.2019).

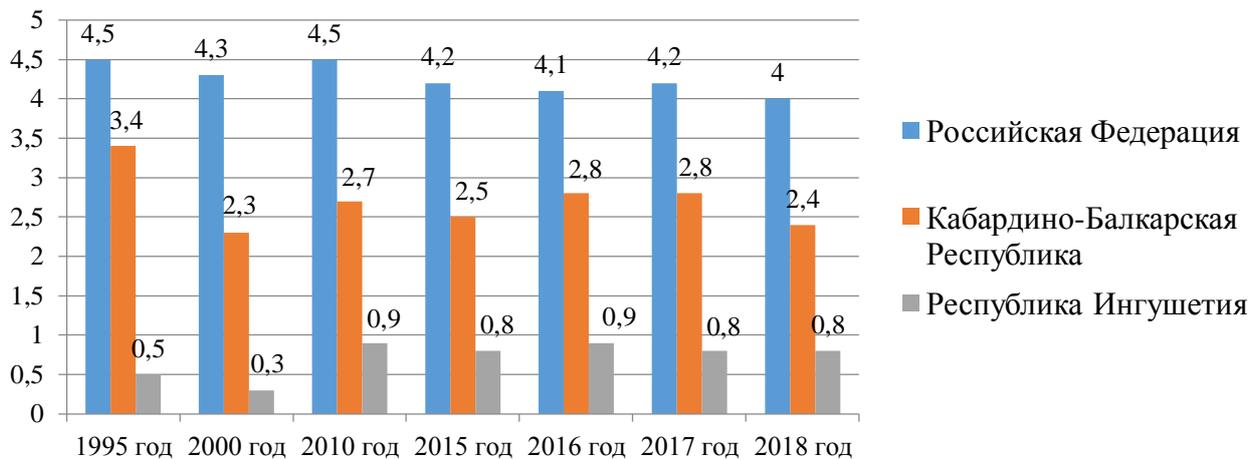

Рис. 3. Количество разводов на 1000 человек (промилле)⁷
Fig. 3. The number of divorces per 1000 people (ppm)

Следует отметить, один важный региональный аспект. В республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне, Ингушетии и Дагестане, широко распространены практики религиозных браков — *нэчыхь*. Такие браки совершаются по мусульманскому обряду и регистрируются религиозными служителями. Заключенные подобным образом браки, и, следовательно, разводы, не попадают в официальную статистику. Однако к подобным практикам прибегают семьи, руководствующиеся традиционными ценностями, и разводы крайне редки. В Кабардино-Балкарской Республике официальный брак и *нэчыхь* заключаются одновременно, что стало неотъемлемым элементом современной культуры. Религиозный брак без официального оформления не получил широкого распространения, и практикуется мусульманской общиной республики.

Заключение (Conclusions). Начало XXI века характеризуется ускорением глобализационных процессов и технологического развития сообществ. Доступ к интернету получают все больше и больше людей, аудитория социальных сетей

увеличивается в геометрической прогрессии, локальные, самобытные культуры испытывают на себе возрастающее влияние унифицированных ценностей потребительского общества. В России глобализационные процессы протекают неравномерно, в силу наличия существенной диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов. Выделяются высокоразвитые регионы (Москва, Санкт-Петербург), наиболее активно включенные в современные глобализационные процессы, и регионы, значительно отстающие от лидеров в уровне социально-экономического и технологического развития, население которых в своей жизнедеятельности руководствуется ценностями традиционного общества (Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика, Республика Ингушетия и т.д.).

Молодое поколение Кабардино-Балкарской Республики, являясь частью российского общества, испытывает на себе нарастающее давление глобализационных процессов, которые сказываются на процессах трансформации структуры ценностных ориентаций данной социально-демографической группы. Отношение к

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Демография. Браки и разводы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31268> (дата обращения: 01.07.2019).

семье в молодежной среде региона неоднозначное. Высокая популярность семейных ценностей, выявляемая в ходе социологических исследований, соседствует с достаточно высокими, для национальных республик Северного Кавказа, показателями бракоразводных процессов. Представляется, что семейные ценности молодежи республики находятся на переломной стадии, когда позиции традиционных ценностей, передаваемых из поколения в поколения, все еще сильны в обществе, однако с каждым годом все большую популярность приобретают постиндустриальные ценности, пропагандирующие свободу выбора жизненного стиля и самовыражения.

Список литературы

Авдеев Е. А. Трансформация ценностей молодежи Северного Кавказа: социально-философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 1. С. 112-116.

Абдулаева Э. С. Антропокультурный кризис и трансформация жизненных ценностей чеченской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 13-15.

Башманова Е. Л. Социальная готовность регионального студенчества к семье, браку и родительству в призме трансформации ценностей современной молодежи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). С. 185-198.

Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие. Екатеринбург: Науч.-исслед. центр при институте молодежи, 1997. 211 с.

Гугуева Д. А., Фетисова А. В. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21. № 5. С. 85-92.

Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4-1 (20). С. 220-232.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис.

1997. № 4. С. 6-32.

Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Трансформация базовых ценностей современной студенческой молодежи // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 3 (41). С. 290-296.

Лисовский В. Т. Социология молодежи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 460 с.

Малолетнева И. В., Жираткова Ж. В., Элиарова Т. С. Трансформация ценностей студенческой молодежи: миф и реальность // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2018. № 4. С. 150-155.

Новиченко О. В. Основные тенденции трансформации политических ценностей молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 50-53.

Ростовская Н. А. Информационные технологии и массовая культура как источники трансформации семейных ценностей молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 2 (30). С. 48-52.

Рожкова Л. В. Модернизационные ориентации и ценности современной студенческой молодежи: монография. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2011. 330 с.

Смирнов В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3 (359). С. 72-80.

Смола Н. В. Трансформация ценностей молодежи в современном российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 207-212.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 19-43.

Шевченко И. В., Шматков Р. Н. Трансформация системы ценностей молодежи в современных экономических условиях // В сборнике: Актуальные проблемы модернизации высшей школы. Материалы Международной научно-методической конференции. Сибирский государственный университет путей сообщения, НТИ-филиал МГУДТ, 2014. С. 291-294.

Шахова И. А. Трансформация брачных ценностей амурской молодежи // Теория и

практика общественного развития. 2015. № 7. С. 31-32.

Шанибов Ю. М., Кочесок П. Х. Ценностные ориентации студенческой молодежи // RES PUBLIKA. Альманах социально-политических и правовых исследований. Майкоп, 2000. Вып. 1.

Flanagan S., Lee A. R. The new politics, culture wars, and the authoritarian-libertarian value change in advanced industrial democracies // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36.

Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton Legacy Library, 1977. 496 p.

Welzel C. The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys // Japanese Journal of Political Science. 2011. Vol. 12, № 1. Pp. 1-31.

References

Avdeev, E. A. (2019), "Transformation of the values of the youth of the North Caucasus: a socio-philosophical analysis", *Economic and humanitarian studies of the regions*, (1), 112-116. (In Russian).

Abdulaeva, E. S. (2016), "Anthropocultural crisis and the transformation of life values of Chechen youth", *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, (1), 13-15. (In Russian).

Bashmanova, E. L. (2016), "Social readiness of regional students for family, marriage and parenthood through the prism of the transformation of the values of modern youth", *Uchenye Zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University*, (4), 185-198. (In Russian).

Vishnevsky, Yu. R. and Shapko, V. T. (1997), *Sociology of youth*, Scientific. Center at the Institute of Youth, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).

Gugueva, D. A. and Fetisova, A. V. (2016), "Values of today's Russian youth in real and virtual societies", *Humanitarian of the South of Russia*, 21 (5), 85-92. (In Russian).

Plyinykh, S. A. (2012), "Family values of youth: traditions and transformations", *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (4-1), 220-232. (In Russian).

Inglehart, R. (1997), "Postmodern: Changing Values and Changing Societies", *Polis*, (4), 6-32. (In Russian).

Kosharnaya, G. B. and Rozhkova, L. V. (2012), "Transformation of basic values of modern student youth", *Questions of modern science and practice. University named after V. I. Vernadsky*, (3), 290-296. (In Russian).

Lisovsky, V. T. (1996), *Sociology of Youth*, Publishing House of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Maloletneva, I. V., Zhiratkova, Zh. V. and Eliarova, T. S. (2018), "Transformation of values of students: myth and reality", *Bulletin of the University (State University of Management)*, (4), 150-155. (In Russian).

Novichenko, O. V. (2013), "The main trends in the transformation of political values of the youth of modern Russia", *Theory and practice of social development*, (9), 50-53. (In Russian).

Rostovskaya, N. A. (2013), "Information technology and mass culture as sources of transformation of family values of youth", *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, (2), 48-52. (In Russian).

Rozhkova, L. V. (2011), *Modernization orientations and values of modern student youth*, Publishing House Penza State University, Penza, Russia. (In Russian).

Smirnov, V. A. (2014), "Youth policy: the experience of a systematic description", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 72-80, (In Russian).

Smola, N. V. (2014), "The transformation of youth values in modern Russian society", *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, (2), 207-212. (In Russian).

Chernova, Zh. and Shpakovskaya, L. (2010), "Young adults: matrimony, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in modern Russia", *Laboratorium. Journal of Social Research*, (3), 19-43. (In Russian).

Shevchenko, I. V. and Shmatkov, R. N. (2014), "Transformation of the system of values of youth in modern economic conditions", *Actual problems of modernization of higher education. Materials of the International scientific and methodological conference*, Sibirskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshheniya, NTI-filial MGUDT, Russia, 291-294. (In Russian).

Shakhova, I. A. (2015), "Transformation of marriage values of Amur youth", *Theory and practice of social development*, (7), 31-32. (In Russian).

Shanibov, Yu. M. and Kochesokov, R. Kh.

(2000), "Value orientations of students", *RES PUBLIKA. Almanac of socio-political and legal studies*, 1.

Flanagan, S. and Lee, A. R. (2003), "The new politics, culture wars, and the authoritarian-libertarian value change in advanced industrial democracies", *Comparative Political Studies*, 36.

Inglehart, R. (1977), *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*, Princeton Legacy Library, Princeton, USA.

Welzel, C. (2011), "The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys", *Japanese Journal of Political Science*, 12 (1), 1-31.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Атласкиров Альберт Русланович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Albert R. Atlaskirov, PhD in Sociology, Senior Researcher, Center for Social and Political Studies, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-2

Бакрач В.
Самарджич О.

Бог и пол. Динамика изменений религиозности
в странах бывшей СФРЮ¹

Университет Черногории
Бульвар Джорджа Вашингтона, г. Подгорица, 81000, Черногория
bvladimir@t-com.me
obradsamardzic@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-8744-993X
ORCID iD: 0000-0001-6917-9449

Статья поступила 30 сентября 2019 г.; Принята 22 октября
Опубликована 30 декабря

Аннотация. В статье рассматриваются различия между отношением мужского пола и отношением женского пола к (не)религиозности в республиках бывшей Югославии. Человеческий род создан божьим сотворением мужского и женского, а Эрих Фромм утверждает, что в потребности человеческого рода в религии укоренилось само стремление человека к религии. Исследуя периодичность (не)религиозности в рамках различий между полами, можно заметить преобладание религиозности женского пола по сравнению с мужским. В некоторых социо-психологических теориях мы находим определенные объяснения доминанции женщин в религиозности. Вторая часть статьи посвящена анализу некоторых исследований, проведенных в Черногории, Сербии, Боснии и Герцеговине, Македонии и Хорватии. Предметом анализа является сравнение половой структуры религиозности в данных республиках в период с 1989 по 2003 гг. Нас интересовало, существуют ли изменения в динамике религиозности мужчин и женщин, как и направление данных изменений. Важным результатом сравнительного анализа является установленная динамика изменения половой структуры и религиозности. В соответствии с этим, установлен и рост доли мужчин на фоне незначительного уменьшения количества женщин в религии.

Ключевые слова: пол, половые различия, религиозность, секуляризация, десекуляризация, ревитализация религии.

Информация для цитирования: Бакрач В., Самарджич О. Бог и пол. Динамика изменений религиозности в странах бывшей СФРЮ // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 14-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-2

¹Социалистическая Федеративная Республика Югославия

Vladimir Bakrac
Obrad Samardzic

**God and gender. The Dynamics of Changes in Religiosity
in the Countries of the Former SFRY**

University of Montenegro
George Washington Boulevard, Podgorica, 81000, Montenegro
bvladimir@t-com.me
obradsamardzic@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-8744-993X
ORCID iD: 0000-0001-6917-9449

Received on September 30, 2019; Accepted October 22, 2019

Published December 30, 2019

Abstract. In this paper, the author analyzes the differences between male and female gender in relation to (non-)religiosity. The humankind began with divine creation of male and female, and Erich Fromm claims that the need for religion is rooted in the basic conditions of humankind. We can notice more frequent religiosity of the females in relation to the males by following the periodicity of (non-) religiosity in relation to gender differences. Starting from some psycho-sociological theories, we find a kind of explanation for female domination in religiosity. The second part of the paper is based on the results of a study conducted in the former Yugoslav republics. In the analysis, we used a comparative methodology in these republics in the period from 1989 to 2010. We were interested in whether there are any changes in the dynamics of religiosity of men and women, and in what direction they are going. An important result of the comparative analysis is an insight into dynamics of the changes of gender and religiosity. Accordingly, we can detect an increase in the proportion of men, and a slight decrease in the proportion of women in religiosity. The basic conclusion of this analysis is that at the beginning of the twenty-first century, there was a kind of egalitarianism in religiosity of the male and female gender in comparison with the studies from the socialist period. The studies in the socialist period gave a plausible advantage to the religiosity of the female gender. Obviously, the new millennium brings certain changes in religiosity of the gender in the countries of the former Yugoslavia.

Keywords: gender; gender differences; religiosity; secularization; desecularization; revitalization of religion

Перевод на русский язык: Весна Вукичевич

Information for citation: Bakrac V., Samardzic O. (2019), "God and gender. The Dynamics of Changes in Religiosity in the Countries of the Former SFRY", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 14-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-2

«В прежние времена и христианство, и иудаизм воспринимали бога не только в виде мужчины»

Ю. Гордер

Введение (Introduction). В статье речь идет о масштабных качественных исследованиях, установивших уровень религиозности в бывших югославских республиках. Одна часть данных исследований посвящена показателям религии, что дало нам возможность обнаружить своеобразные изменения религиозности в конце XX и в начале XXI века. Конечно, сравнительный анализ такого рода имеет определенные недостатки. Анализ религиозности базируется не только на устойчивых, но и на таких редуцирующих переменных как, например, самооценка религиозности, вера в Бога и жизнь после смерти. Поэтому главное направление сравнения в данной работе обусловлено формой опроса, которая определяет его структуру и его реализацию.

Исходной целью является сравнительное рассмотрение социологических показателей религиозности в исследованиях 1989-2003 гг., т.е. выявление и изоляция возможных изменений. Анализ результатов будет базироваться на тестировании значимости различий в основных показателях религиозности в вышеупомянутых исследованиях. Мы ограничимся исследованием исключительно независимой переменной, касающейся пола опрошенных, а также взаимоотношением данной переменной с определенными показателями религиозности. Здесь речь идет о количественных показателях религиозности: религиозная самооценка опрошенных, вера в Бога, как и показатель веры в жизнь после смерти. Следующей целью является интерпретация результатов вне зависимости от того, обнаружены ли различия или нет. Обобщенно говоря, возможности, которые стоят перед нами, следующие: повышение религиозности мужчин и женщин, снижение религиозности, стабильность религиозности или возможное изменение сценария в отношении пола и религиозности в

зависимости от переменных.

Полученные данные мы будем трактовать через анализ сравнительных исследований, а также через современные теоретические знания из области социологии религии. Структура работы состоит из следующих частей: после теоретического введения в рамках социо-психологических теорий и понятий секуляризации и десекуляризации, мы сделаем короткий методологический обзор, а затем представим результаты сравнительного анализа половой структуры населения как независимой переменной по отношению к некоторым качественным показателям религиозности.

Методология и методы (Methodology and methods). *Социо-психологический обзор половых различий.* Многие общества характеризуются более частотной религиозностью женского пола по сравнению с уровнем религиозности мужского пола. В середине и конце XX века под давлением критики феминистских организаций предметом исследований стали женщины, как и их опыт маргинализации и постоянного подчинения практически во всех религиях. В данный контекст следует включить и традиционализм, т.е. традиционную теорию, в рамках которой необходимо учитывать священные тексты и пророчества. Трудности, с которыми мы сталкиваемся, исследуя традиционные верования, заключаются в том, что они меняются довольно медленно. Пол, уже концептуально принятый в гуманитарных науках, с трудом вписывался в теологию и догматику. Симона де Бовуар скажет: «В приключениях человека она никогда не была Субъектом, но, по крайней мере, могла быть оправданием и двигателем: ее судьба отличается странным и важным направлением» (Бовуар, 1987: 105).

Подход к религиозным различиям с точки зрения биологических различий – а различия полов являются именно биологи-

ческими – характерен не только для теологических, но и, как нам кажется, для социологических исследований. Суть заключается в том, что между мужчиной и женщиной существуют различия в определенных психологических свойствах и способностях, связанных исключительно с тем или иным полом. Здесь речь идет именно о стереотипном мнении, касающемся некоторых «женских особенностей»: эмоциональности, чувствительности, интуитивности, заботливости, в то время как так называемыми мужскими особенностями являются рациональность, агрессивность, независимость и т.д. Мужчины в большей степени занимаются интеллектуальной деятельностью или спортом, а женщины – культурой, искусством и т.п. Традиционные и, в определенной мере, анахроничные теории связывают с женщиной рождение и воспитание детей, и, следовательно, место женщины находилось всегда в частной сфере, отдельно от общественной жизни. В этом заключается и концепция Ницше, касающаяся женщин. Ницше цитирует восточные размышления о женщине, которая: «...человек, обладающий как умственной глубиной, так и глубиной вождений, включая глубину благоволения, которая способна на строгость и жесткость, и поэтому эти понятия с лёгкостью путают, может думать о женщине всегда только по-восточному: он должен видеть в женщине предмет обладания, собственность, которую можно запирать, нечто, предназначенное для служения и совершенствующееся в этой сфере». У меня не сложилось впечатление, что Ницше смотрит на женщину по-восточному, но он отрицает ее самостоятельность и свободный дух, о котором говорит феминизм. Ницше боится, что из-за этой самостоятельности и независимости, как он говорит, «женщина жертвует своими наиболее женственными инстинктами (...) женщина вырождается» (Ницше, 2003).

Когда мы говорим о половой разнице в религиозности, Сергей Флере обращает наше внимание на «понимание монотеиче-

ского Бога, который для мальчика является могущественным властелином, а для женщин – это образ, которому можно доверять, с которым она имеет личный контакт и ведёт диалог. К тому же, мальчики чаще молятся об особенных целях, чтобы получить определенную роль и ответ, а для девочек ценным является сам диалог с Богом, целью является сам контакт¹» (Флере, 2002). Разницы в религиозности на основании пола базируются на психологических объяснениях, видах личности и т.п.

Когда речь идет о религии, доминирующие теоретические основы своими корнями уходят в концепт модернизации, прежде всего – в теорию секуляризации (Бакрач, Благоевич, 2016). Во многих теоретических дискуссиях о секуляризации, доминирует теория, базирующаяся на индустриализации, урбанизации и индивидуализации. Данный концепт влияет на снижение религиозности в обществе. Индивидуализация как посредник между секуляризацией, с одной стороны, и религиозностью, с другой, является продуктом экономической ситуации, урбанизации, а также влияния секулярного образования на человека (Halman, Pettersson, 2006). Некоторые исследователи (Inglehart, 1997) считают, что снижение религиозности обусловлено повышением социальной и экономической безопасности в постмодернистском обществе, и поэтому в таких обществах можно ожидать в определенной мере и снижения религиозности. Насколько общества отдаляются от материального и приближаются к постматериальному, настолько же степень религиозности будет снижаться. Вилсон, обращая свое теоретическое внимание на западные общества, утверждал, что секуляризация возникает в таком историческом контексте, когда преимущество получают светские, а не религиозные институты (Wilson, 1998).

¹В качестве оправдания своего тезиса о большей религиозности женщин Сергей Флере приводит тот факт, что женщина часто сталкивается с чувством вины. Религиозная и конфессиональная самоидентификация являются скорее количественными показателями религиозности.

Но несмотря на тот факт, что религия проигрывает на макроуровне, на микроуровне – в сфере личности – религия продолжает существовать. Весьма интересным кажется и утверждение Бергера о том, что религиозность продолжает существовать, как и всегда, за исключением определенной части мира, в то время как Грейс Дейви в религиозности подчеркивает индивидуальную основу, благодаря которой появляется идея «веры без принадлежности» (Davie, 2002).

Поэтому одна значительная часть теоретиков считает, что теорию секуляризации можно поставить под сомнение, и для них секуляризация представляет собой своего рода фикцию или миф (Lukman). В исходной теоретической основе предполагается, что постмодернизация не оказала какого-то определённого влияния на религиозность человека, хотя и признается, что институциональная форма религиозности в определенной мере уменьшилась. В пример приводится США как индустриализованная и постмодернистская страна, в которой уровень религиозности все еще высок (Finke, Starks, 1992). Здесь речь идет о восстановлении религии, т.е. о процессе десекуляризации. Понятие десекуляризация является предметом достаточно амбивалентных анализов среди теоретиков и социологов религии. Термин десекуляризация должен обозначать «возрождение» религии в современном мире, предполагая, что мы согласны с теорией, что секуляризация существовала, а это значит, что теперь в силу вступил «rise of faith» в обществе. В то же время существует и группа теоретиков, считающих, что мир (за исключением Западной Европы) никогда не был секуляризован. Все-таки теоретики (Habermas, 2008; Dillon, 2010; Brus, 2011)² соглашаются с тем, что понятие десекуляризация может быть намного полезнее понятия «постсекулярность».

Короткий сравнительный анализ взаимоотношений пола и религиозности. При рассмотрении религиозности, особен-

но религиозной ортодоксии и ортопраксии, появляются определённые различия между полами. Почти все проведенные анализы установили различия в религиозности по половой структуре. На некоторые данные исследований наше внимание обращает Ален Миллер, указывая на больший процент религиозности женщин, большую заинтересованность женщин в религии, их большую преданность религии, к тому же женщины намного чаще ходят в церковь (на литургии или мессы), больше и чаще молятся, чем мужчины, и чаще читают Библию. Также автор пишет, что религиозные различия в соответствии с полом остаются в течение всей жизни.

С другой стороны, некоторые релевантные исследования предупреждают, что не существует статистически значимой дистанции в религиозности в соответствии с полом – мужчины приблизительно также религиозны, как и женщины, и, таким образом, ставят под сомнение гипотезу, что дистанция на основании пола является постоянной в течение всей жизни. Например, Грейс Дейви указывает на анализ, согласно которому благодаря заботе о детях уровень религиозности мужчин поднимается до уровня религиозности женщин (Walter, Davie, 1998).

Идентичная ситуация наблюдается и с другими, так называемыми «твердыми», показателями, характерными для социологической методологии анализа религиозности. На основании некоторых анализов религиозности, касающихся показателя веры в Бога, сделаны выводы, что не существует значительной разницы между мужчинами и женщинами (Balssett, Miller, Anstey, 1990: 73-81).

Методологическая стратегия. Стратегия нашего исследования подразумевает пересечение половой структуры населения с некоторыми качественными показателями, что является условием сравнительного анализа религиозности. Во-первых, мы попытаемся определить уровень повышения или снижения религиозности структуры населения на основании пола в

²Habermas J. "Notes on a post-secular society", Sign and Sight. URL: <http://print.signandsight.com/features/1714> (Accessed 16 September 2014).

период с 1989 по 2003 гг., учитывая процесс транзитуции, продолжающийся в данном периоде на разных уровнях и с разной интенсивностью. Во-вторых, мы сделаем попытку выявить и изолировать возможное появление повышения или снижения половой дистанции в рамках религиозности. В-третьих, наше намерение – оценить, происходит ли рост, снижение или стабилизация религиозности структуры населения на основании пола.

Первое исследование было проведено в рамках проекта *Общественная структура и качество жизни* в 1989 году. Отбор выборки для кластеризации был проведен в городах, районах и хозяйствах, общая численность респондентов – 650. Следующее исследование проводилось в 2003 году в рамках проекта *South East European Social Survey (SEESSP)*. В исследованиях проводилось анкетирование респондентов при помощи опроса. Общая численность респондентов – 1500.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Религиозная самооценка как показатель религиозности.* Если уровень религиозности оценивается на основании показателя религиозной самоидентификации, то следует подчеркнуть обобщенность данных показателей. Эмпирическая эвиденция чаще всего показывает высокий процент верующих в десекуляризационной эре, когда речь идет о данном показателе (Бакрач, Благоевич, 2016). Респондент под религиозностью может понимать и некоторые элементы, которые не обладают собственно религиозным содержанием. Осторожный и систематичный подход, конечно, необходим! Измерение религиозности на основании самоидентификации принадлежит к группе самых употребляемых показателей в социологических исследованиях религиозности.

Таблица 1
Table 1

Религиозность на основании религиозной самоидентификации
(% от числа опрошенных)¹

Religiosity based on religious self-identification (% of the respondents)

Пол	Убежденные верующие		Религиозны		Не уверены		Рвнодушны		Не религиозны		Противники религии	
	1989	2003	1989	2003	1989	2003	1989	2003	1989	2003	1989	2003
Босния и Герцеговина												
М	15,4	48,2	17,2	25,0	5,9	12,3	10,5	5,4	47,1	7,8	3,5	1,3
Ж	11,1	59,2	10,9	17,8	7,5	11,4	9,1	4,8	57,0	6,4	3,9	0,4
Черногория												
М	2,2	35,4	12,4	19,2	10,5	19,2	19,1	7,0	48,4	18,0	6,9	1,1
Ж	5,5	41,4	22,4	19,3	11,4	22,3	16,5	3,2	38,6	13,4	5,5	0,6
Хорватия												
М	11,9	28,6	23,1	25,8	8,7	20,0	11,4	10,0	42,0	14,6	2,9	1,0
Ж	14,4	41,5	27,5	26,0	13,5	20,1	9,3	2,5	33,8	8,9	1,4	1,1
Македония												
М	17,0	52,5	14,5	20,1	12,4	9,9	11,0	6,1	42,0	10,7	2,3	0,8
Ж	9,0	59,1	23,4	17,0	7,7	16,1	11,3	3,9	42,8	3,7	6,1	0,1
Сербия (без авт.областей)												
М	8,9	24,9	17,9	31,7	12,4	15,7	10,6	7,4	46,7	18,5	3,2	1,8
Ж	12,7	33,7	16,8	33,5	17,3	15,0	11,0	4,0	39,4	13,1	2,1	0,7

¹Общественная структура и качество жизни в 1989 г. South East European Social Survey (SEESSP). 2003. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 14.11.2019)

Полученные результаты однозначно указывают на тот факт, что религиозная самоидентификация, как качественный показатель религиозности, в данных двух измерениях достаточно амбивалентна. К тому же, приведенные показатели имеют определенную консистентность, т.е. сниженные различия между значимостью данных двух фиксированных переменных. Оба исследования показывают, что женщины более религиозны, чем мужчины, но в дальнейших исследованиях можно ожидать, что разница между полами будет уменьшаться. При анализе полученных данных необходимо подчеркнуть, что первое исследование было проведено в Социалистической Югославии. Напомним, что здесь речь идет о периоде, когда еще продолжали оказывать влияние следы системно управляемой атеизации населения. Нельзя игнорировать тот факт, что в исследованиях заметна статистическая значимость. Если объединить переменные «убежденные верующие» и «религиозные», религиозность мужчин составит от 35,0% в Хорватии до 14,6% в Черногории. Следует отметить очень интересный факт, что в 1989 году преимущественно православные территории (Сербия и Черногория) доминируют в отсутствии религиозности. Похожая ситуация наблюдается и среди женского пола – от 41,9% в Хорватии до 27,9% в Черногории. В почти всех республиках дистанция по полу в религиозности составляет около 15%, к тому же, женщины намного религиознее, чем мужчины. Черногорцы являются самыми не религиозными по сравнению с жителями других республик. Но в исследовании, проведенном позже (в 2003 г), эпистемиологическая эвиденция показывает значительное повышение религиозности: в Македонии и Боснии и Герцеговине процент религиозных мужчин составляет около 73%, а женщин около 77%. Во всех других республиках процент остается стабильным, составляя свыше 50%. Анализ данно-

го показателя показывает снижение дистанции полов в религиозности, и сейчас она в среднем составляет около 7%, с тенденцией дальнейшего снижения в будущем¹.

Вера в Бога как качественный показатель религиозности. Вера в Бога представляет собой важный показатель религиозности, а также динамики движения религии в обществе. Некоторые показатели религиозности можно проблематизировать, но показатели, касающиеся веры в Бога, нельзя. Как бы мы смогли представить себе религиозность конкретного человека или общественной группы, если они не верят в Бога? Интеллектуальные рамки религиозности выражаются через религиозные верования или догматическую базу веры. Ходить в церковь, осуществлять религиозные обряды, не веря при этом в догматические постулаты, представляет собой верование, лишенное сути, в то время как верить в Бога и не ходить в церковь, есть часть субъективного верования. Поэтому кажется истинным утверждение Корнелла: «Вера, как и речь, является и общественной, и индивидуальной» (Корнел, 2002: 122).

Основной целью данной работы является анализ веры в Бога мужского пола в сравнении с верой в Бога женского пола и установление возможных изменений в религиозности на основании данного показателя. Кроме этого, интересно было бы уточнить, существует ли разница между полами на основании верования в данную догматическую позицию.

Судя по результатам данного исследования, уровень веры в Бога и его существования среди мужчин и женщин в анализируемых республиках является очень амбивалентным, в какой-то мере и неопре-

¹Ссылаясь на новейшие исследования, можно заметить стабилизацию, а также и эгалитарность религиозности полов (Ср: Бешич, Джуканович, 2000; Бакрач, 2013; Зриншчак, Црпич, 2000; Црпич, Кушар, 2003; Маринович, Еролимов, 2004; Анич, 2008; Бишчан, 2000).

данным. Первое исследование показывает, что мужчины и женщины во всех республиках имеют положительный результат по поводу данной догматической позиции. На вопрос *Вы верите в Бога*, утвердительно больше всех остальных ответили граждане Хорватии – 31,2% – 40,1%, в то время как самый низкий процент религиозности наблюдался в православных республиках Сербия и Черногория. Процент меньше 50% наблюдается во всех республиках, а дистанция между полами составляет около 7-10%. Исследование 2003 г. подтверждает тенденцию десекуляризации и ревитализа-

ции религии, когда речь идет о вере в Бога. На вопрос *Верите ли Вы, сомневаетесь или не верите в существование Бога* (Do you believe, have doubts about, or do not believe in the existence of God), результат религиозности мужской доли населения составляет около 70%, а женской – 80% верующих. Дистанция полов наблюдается на уровне около 7%. И данный показатель однозначно свидетельствует о повышении религиозности (исследование 2003 г.), а также и о снижении дистанции полов с выраженной тенденцией к эгалитарности.

Таблица 2
Table 2

Верование в Бога (% от числа опрошенных)¹
Belief in God (% of the respondents)

Пол	Не верю		Сомневаюсь		Верю	
	1989	2003	1989	2003	1989	2003
Босния и Герцеговина						
М	47,2	11,4	19,8	10,8	32,5	77,8
Ж	51,0	10,0	21,7	8,3	25,9	81,7
Черногория						
М	57,3	11,6	20,4	17,7	21,6	70,7
Ж	43,0	4,6	24,6	17,9	31,6	77,4
Хорватия						
М	44,7	15,6	23,9	18,9	31,2	65,6
Ж	29,0	5,8	30,6	16,8	40,1	77,5
Македония						
М	54,5	8,0	14,7	18,7	30,7	73,4
Ж	46,8	2,4	27,6	17,3	25,6	80,3
Сербия (без авт.областей)						
М	51,4	16,6	31,2	30,8	28,2	53,0
Ж	40,0	9,0	27,6	27,7	24,7	63,4

¹Общественная структура и качество жизни в 1989 г. South East European Social Survey (SEESSP). 2003. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 14.11.2019)

Вера в загробную жизнь. Вера в жизнь после смерти является одной из основных догм в монотеистических религиях. Религия здесь играет огромную роль, потому что в духовных и душевных проблемах она дает человеку смысл и значение. Вера в жизнь после смерти (рай, ад), как эсхатологические категории, прежде всего имеет функцию компенсации: от поведения в этом мире во многом зависит положение в том мире. Мы полностью согласны с утверждением Питера Бергера, что религиозность на самом деле подразумевает веру в жизнь после смерти и жизненные разрушения, которые, как нам всем известно, не угрожают только какому-то конкретному человеку, но и всему обществу в целом. Поэтому данные и похожие на них вопросы интересуют всех нас, человечество в целом, вселенную. Может быть кто-то не верит в данную позицию, но нельзя сказать, что есть кто-то, кого не интересует это. Религия является той реальностью, которая дает смысл человеческому абсурду. Это, по словам Бергера, самая сильная мысль, появившаяся когда-

либо у человечества (Бергер, 2004).

Данный показатель достаточно хорошо подчёркивает диссолюцию догматического верования. Процент религиозности у данного типа вопросов всегда ниже, чем, например, у самооценки религиозности и веры в Бога. Показатели, которые ближе к эсхатологии, чаще всего имеют более низкий процент религиозности

В таблице 3 показана картина религиозности опрошенных на основании показателя, касающегося веры в жизнь после смерти. Исследование 1989 года зарегистрировало очень высокий процент респондентов и мужского, и женского пола, не верящих в данную догматическую позицию. Интересно то, что и мужчины, и женщины показали одинаковое соотношение веры в загробную жизнь. Согласно данному исследованию, наблюдается минимальный процент верующих в православных странах, в то время как большинство верующих зафиксировано в преимущественно римско-католической Хорватии, а также в Македонии, хотя процент и составляет менее 50%.

Таблица 3
Table 3

Жизнь после смерти (% от числа опрошенных)¹
Life after death (% of the respondents)

Пол	Не верит		Сомневается		Верит	
	1989	2003	1989	2003	1989	2003
Босния и Герцеговина						
М	62,6	50,7	17,2	24,6	19,6	24,7
Ж	66,7	59,7	16,6	20,8	15,0	19,5
Черногория						
М	81,5	31,2	11,2	21,2	6,6	47,6
Ж	80,5	29,2	12,9	27,5	5,9	43,4
Хорватия						
М	64,1	39,8	19,2	23,6	16,5	36,6
Ж	51,8	46,5	28,0	27,8	20,0	25,7
Македония						
М	65,9	45,9	12,1	18,3	21,9	35,7
Ж	71,5	45,2	19,4	21,6	9,0	33,1
Сербия (без авт.областей)						
М	69,4	25,3	20,4	27,9	9,8	46,8
Ж	59,9	31,8	26,4	31,0	13,1	37,2

¹Общественная структура и качество жизни в 1989 г. Soth East European Social Survey (SEESSP). 2003. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 14.11.2019).

Но исследование 2003 года отражает в какой-то мере другую картину. И этот показатель свидетельствует о росте религиозности. Интересен тот факт, что процент тех, кто верит в загробную жизнь, продолжает оставаться ниже 50% во всех республиках. Разница между полами снизилась примерно на 7%, с тенденцией дальнейшего выравнивания.

Заключение (Conclusions). В данной работе, базирующейся на исследованиях 1989-2003 гг., мы хотели показать результаты исследований, а также и проверить, в каком направлении движутся изменения религиозности половой структуры населения в бывших югославских республиках. Мы определили три гипотезы, которые хотели проверить в сравнительном анализе.

Что касается первого вопроса, мы считаем, что невозможно с точностью определить динамику религиозности половой структуры респондентов на основании всего нескольких социологических показателей религиозности. Но результат показателей касается ожидаемого повышения религиозности, особенно по сравнению с исследованием 1989 года. Хотя некоторые показатели, имеющие эсхатологическую направленность (жизнь после смерти), как и некоторые исследования (2003 г.), подтверждают статистически значимые результаты, общее впечатление складывается в пользу роста религиозности мужчин и женщин во всех республиках. Рискуя не показывать ликования, когда речь идёт об очевидной тенденции, мы в настоящий момент, скорее всего, готовы сделать вывод, что наблюдается динамика религиозности мужского и женского пола. Обобщенный вывод показывает, что религиозность половой структуры населения проходила через разные фазы, но мужчины и женщины теперь находятся на высоком уровне религиозности, т.е. на более низком уровне секуляризации.

Когда речь идет о секуляризации и дистанции полов, исследование 1989 года

свидетельствует о том, что в зависимости от показателя, дистанция полов составляет около 15%. Период транзиции повлиял на то, что последующие исследования показали незначительные различия между мужчинами и женщинами. Как объяснить рост, стабильность и тенденцию к выравниванию религиозной картины в течение данного периода? Причин, как нам кажется, несколько. Прежде всего, речь идет о территории, пережившей развал социального государства, неуверенность в материальной стабильности, что, как нам кажется, повлияло на оба пола. Нельзя пренебречь тем фактом, что в определенных республиках велась война, и это также оказало влияние на рост религиозности, особенно мужской части населения. К тому же, этнонационализм, этнофилетизм, в сочетании с религиозной необразованностью населения, дополнительно повлияли на усиление чувства принадлежности к своей религии, что впоследствии могло привести к росту религиозности. Наконец, развал социализма, как своего рода гражданской религии, мог привести к тенденции, или точнее сказать, к возвращению населения к традиционным религиям. Значит, разница в религиозности мужчин и женщин движется в сторону эгалитарности. Можно сделать вывод, что существует тенденция выравнивания религиозности структуры населения по полу. В данном сопоставительном анализе мы приходим к выводу, что различия между полами в религиозности 1989 года становятся исключением по сравнению с последующими исследованиями, свидетельствующими о снижении дистанции полов, которое часто встречается в социологических исследованиях религиозности в европейских странах (Davie, 2005: 93).

Итак, сравнительный анализ показывает, что мы имеем дело не только с ростом религиозности, но и с тем, что в данный момент она является стабильной. Это подтверждают полученные данные 2003 года.

Список литературы

Anić R. J. Spolne razlike u religioznosti pod vidom obrazovanja // Bogoslovska smotra. 2008. 78, № 4. S. 873-903.

Bakrač V. Religija i mladi – religioznost mladih u Crnoj Gori. Podgorica- Belgrade: Narodna knjiga & Miba book, 2013.

Бакрач В., Благојевич М. Конвенционална религиозност младежи в Черногорији // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 104-110.

Bassett L., Miller S., Anstey K. Picturing God: A nonverbal measure of God concep for conservative Protestants // Journal of Psychology and Christianity. 1990. № 9. S. 73-81.

Berger L.P. Questions of Faith – A Sceptical Affirmation of Christianity, United Kingdom and USA: Blackwell Publishing, 2004.

Bovoar S. Starost I. Beograd: BIGZ, 1987.

Bruce S. Secularization: In Defence of an Unfashionable Theory. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Črpić G., Kušar S. Neki aspekti religioznosti u hrvatskoj // Bogoslovska smotra. 1998. № 4. S. 513-563.

Črpić G., Bišćan Ž. Muško i žensko između uloge i osobe // Bogoslovska smotra. 2000. № 2. S. 421-442.

Davie G. Europe: The exceptional Case. London: Darton, Longman and Todd Ltd, 2002.

Davie G. Religija u suvremenoj Europi. Zagreb: Golden marketing i Tehnička knjiga, 2005.

Finke R., Starks R. The Churching of America, 1776-1900: Winners and Losers in Our Religious Economy. New Brunswick: Rutgers University Press, 1992.

Flere S. Rod i religioznost // Sociologija. 2002. № 3. S. 255-270.

Dillon M. Can post-secular society tolerate religious differences? // Sociology of Religion. 2010. № 2. S. 39-56.

Habermas J. Notes on a post-secular society // Sign and Sight. URL: <http://print.signandsight.com/features/1714> (дата обращения: 16.09.2014).

Halman L., Paterson T. A decline of religious values? // Globalization, Value Change and Generations; P. Ester, M. Braun, P. Mohler (eds.). Leiden – Boston: Brill, 2006. S. 117-143.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political

Change in 43 Societies. Princeton, Nj: Princeton University Press, 1997.

Kornel V. Plod drveta saznanja // Oksfordska istorija islama; Dz. Espozito. Beograd: CLIO, 2002. S. 81-113.

Marinović-Jerolimov D. Tradicionalna religioznost u Hrvatskoj 2004-između kolektivnoga i individualnoga // Sociologija sela. 2004. № 2. S. 289-302.

Niče, F. S one strane dobra i zla. Beograd: Dereta, 2003.

Walter T., Davie G. The Religiosity of women in the modern West // British Journal of Sociology. 1998. № 4. S. 640-660.

Wilson B. The Secularization Thesis: Criticism and Rebutals in Rudy Learnans // Secularization and Social integration; Wilson Bryan & Jaak Billiet. Belgium: Leuven Univerzity Press, 1998.

Zrinščak S., Črpić G., Kušar S. Vjerovanje i religioznost // Bogoslovska smotra. 2000. № 2. S. 233-255.

References

Anich, R. J. (2008), “Gender Differences in Religiosity in the Form of Education”, *Bogoslovska smotra* [Theological Review]. 78 (4). 873-903.

Bakrač, V. (2013), *Religion and the Young – Religiosity of Young People in Montenegro*, Narodna knjiga & Miba book, Podgorica-Belgrade, Serbia-Montenegro.

Bakrac, V. and Blagojevic, M. (2016), “Conventional religiosity of youth in Montenegro”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), 104-110. (In Russian).

Bassett, L., Miller, S. and Anstey, K. (1990), “Picturing God: A nonverbal measure of God concep for conservative Protestants”, *Journal of Psychology and Christianity*, (9).

Berger, L. P. (2004), *Questions of Faith – A Sceptical Affirmation of Christianity*, Blackwell Publishing, United Kingdom and USA.

Bovoar, S. (1987), *Old Age*, BIGZ, Belgrade. (In Serbian).

Bruce, S. (2011), *Secularization: In Defence of an Unfashionable Theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Chrpić, G. and Kushar, S. (1998), “Some Aspects of Religiosity in Croatia”, *Bogoslovska smotra* [Theological Review], (4), 513-563. (In Serbian).

Chrpić, G. and Bishchan, Z. (2000), “Male

and Female between Role and Person”, *Bogoslvska smotra* [Theological Review], (2), 421-442. (In Serbian).

Davie, G. (2002), *Europe: The exceptional Case*, Darton, Longman and Todd Ltd, London, UK. (In Serbian).

Davie, G. (2005), *Religion in Modern Europe*, Golden marketing and Tehnichka kniga, Zagreb. (In Serbian).

Finke, R. and Starks, R. (1992), *The Churching of America, 1776 – 1900: Winners and Losers in Our Religious Economy*, Rutgers University Press, New Brunswick, Canada.

Flere, S. (2002), “Gender and Religiosity”, *Sociologiya* [Sociology], (3), 255-270. (In Serbian).

Dillon, M. (2010), “Can post-secular society tolerate religious differences?”, *Sociology of Religion*, (2), 39-56.

Habermas, J. (2008), “Notes on a post-secular society”, *Sign and Sight*, [Online], available at: <http://print.signandsight.com/features/1714> (Accessed 16 September 2014).

Halman, L. and Paterson, T. (2006), “A decline of religious values?”, in Ester, P., Braun, M. and Mohler, P. (eds.), *Globalization, Value Change and Generations*, Brill, Leiden – Boston.

Inglehart, R. (1997) *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*, Princeton University Press, Princeton, USA.

Cornell, V. (2002), “The Fruit of the Tree of Knowledge”, in Espozito, Dz., *The Oxford History of Islam*, CLIO. Belgrade, Serbia. (In Serbian).

Marinovich-Jerolimov, D. (2004), “Traditional Religiosity in Croatia 2004 – between the Collective and Individual”, *Sociologiya sela* [Sociology of the Village], (2), 289-302. (In Serbian).

Nietzsche, F. (2003), *Beyond Good and Evil*, Dereta, Belgrade, Serbia. (In Serbian).

Walter, T. and Davie, G. (1998), “The Religiosity of women in the modern West”, *British Journal of Sociology*, (4), 640-660.

Wilson, B. (1998), “The Secularization Thesis: Criticism and Rebutals in Rudy Learmans”, in Wilson Bryan and Jaak Billiet, *Secularization and Social integration*, Leuven Press, Belgium.

Zrinshchak, S., Chrpich, G. and Kushar, S. (2000), “Belief and Religiosity”, *Bogoslvska smotra* [Theological Review], (2), 233-255.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Бакрач Владимир, доктор социологических наук, профессор философского факультета Университета Черногории.

Самарджич Обрад, ассистент Университета Черногории.

Vladimir Bakrac, Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro.

Obrad Samardzic, Assistant, University of Montenegro.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3

Вукчевич Н.

**Дескриптивный анализ фактора религии
в отношении мигрантов к новому окружению**

Университет Белграда
Студенческая площадь, 1, г. Белград, 11000, Сербия
Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия
n.vukchevich@yahoo.com

*Статья поступила 28 февраля 2019 г.; Принята 8 декабря
Опубликована 30 декабря*

Аннотация. Миграция является одной из проблем, формирующих повестку дня на глобальном уровне, и Республика Сербия не является исключением. Предметное поле статьи представлено отношением мигрантов к принимающему государству и социуму. В рамках реализуемого автором исследования механизма управления миграционными процессами, в части изучения интеграции мигрантов в принимающее сообщество был проведен анализ фактора религии. Основным методом исследования выступил анкетный опрос мигрантов во всех пяти существующих в Республике Сербия центрах их постоянного пребывания; в выборку вошли 173 респондента, что составляет порядка 17% от всего количества резидентов центров. В работе представлен дескриптивный анализ предмета по результатам соответствующего репрезентативного опроса мигрантов. Несмотря на то, что проведенное исследование не выявило статистически значимой взаимосвязи между фактором религии и собственным отношением мигрантов к новому окружению, полученные результаты позволили сделать вывод о том, что вероисповедание не является барьером для интеграции мигрантов в местное сообщество. Наиболее оптимистично в этом вопросе настроены мигранты – индуисты и мусульмане-шииты, наименее – христиане-протестанты. Также работа показала, что мигранты, постоянно пребывающие в республике Сербия, готовы там остаться и высоко оценивают возможность своей интеграции, что обуславливает необходимость подготовки государства и общества к последствиям этого процесса. В этой связи целесообразным представляется продолжение исследования данной проблемы, отслеживание актуальных тенденций, а возможно, и проведение повторно-сравнительного опроса в перспективе.

Ключевые слова: миграция; мигранты; управление миграционным процессом; интеграция; фактор религии; центры постоянного пребывания мигрантов.

Информация для цитирования: Вукчевич Н. *Дескриптивный анализ фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 26-36. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3*

Nemanja Vukchevich

A descriptive analysis of the religion factor in relations of migrants to a new environment

University of Belgrade
1, Studentski trg., Belgrade, 11000, Serbia
Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia
n.vukchevich@yahoo.com

Received on February 28, 2019; Accepted December 8, 2019

Published December 30, 2019

Abstract. Migration is one of the issues shaping the agenda at the global level and the Republic of Serbia is no exception. The subject field of the article is represented by the attitude of migrants to the host state and society. In the framework of the study of the mechanism of migration management implemented by the authors, in terms of studying the integration of migrants to the host community, an analysis of the factor of religion was carried out. The paper presents a descriptive analysis of the subject based on the results of a representative survey of migrants in all centers of permanent residence in the Republic of Serbia. Although the work did not allow revealing a statistically significant relationship between the factor of religion and the migrants' attitude to the new environment, the results obtained led to the conclusion that religion is not a barrier to the integration of migrants in the local community. The most optimistic about this issue are migrants – Hindus and Shiite Muslims, least Protestant Christians. The work also showed that migrants who are constantly staying in the Republic of Serbia are ready to stay there and appreciate the possibility of their integration, which necessitates the preparation of the state and society for the consequences of this process. In this regard, it seems advisable to continue researching this problem, tracking current trends, and possibly conducting a second comparative survey in the future.

Keywords: migration; migrants; management of the migration process; integration; factor of religion; centers of permanent residence.

Information for citation: Nemanja Vukchevich. (2019), “A descriptive analysis of the religion factor in relations of migrants to a new environment”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 26-36. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3

Введение (Introduction). Республика Сербия в последние два десятилетия столкнулась с бурными и нестабильными миграционными потоками. Приток беженцев из бывшей Югославии и временно перемещенных лиц из Автономного края Косово и Метохия, как и возвращение перемещенных лиц, наряду с большим оттоком населения, которое иммигрирует в страны Западной Европы и Северной Америки, дополнились трендом запроса на предо-

ставление убежища от эмигрантов из стран Азии и Африки, а также притоком нелегальных мигрантов. Все вместе это обусловило актуальность нового подхода к вопросу управления миграциями и более тщательного анализа факторов интеграции мигрантов в новое окружение. В рамках данного исследования авторы приняли решение сосредоточить внимание на факторе религии как одном из важных аспектов данной проблемы.

Целью нашего исследования являлось аналитическое описание роли фактора религии в отношении мигрантов к сербскому обществу как примера нового окружения. Теоретико-методологической основой нашего исследования стали работы Александра Гридчина (Гридчин, 2008; Бедин, Гридчин, 1992; Вукчевич, Гридчин, 2017), Анны-Мари Дюпре (Dupré, 2005), Вадима Стрелковского, Юрия Билана и Олега Дёмкива (Strielkowski, Bilan and Demkiv, 2016), Пегги Левит (Levitt, 2002), Марии Александской и Барри Р. Чизвека (Aleksynska and Chiswick, 2011), Эльвиры Королёвой (Королёва, 2008) и Гюльнар Гаджимурадовой (Гаджимурадова, 2015, 2016). Проблема нашей работы состоит в том, что к настоящему моменту были проведены исследования и получены результаты, описывающие отношение общества к мигрантам, при этом отношение самих мигрантов к новому обществу остается за пределами сферы внимания большинства современных ученых, как и общественности в целом. Новизна нашего исследования и наш вклад в приращение научного знания непосредственно заключается в фокусе на мигрантах как объекте исследования на фоне широко представленного подхода, в рамках которого внимание сосредоточено на отношении мигрантов к принимающему государству и социуму. Предметом нашего изучения стало непосредственно роль фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению. При этом нашей гипотезой является влияние фактора религии на отношение мигрантов к новому окружению.

Методология и методы (Methodology and methods). Для достижения цели нашего исследования нами были поставлены задачи: обзора теоретико-методологической базы, разработки собственной методики исследования данной проблемы, проведения анкетирования мигрантов, постоянно находящихся в Республике Сербия, и дескриптивного анализа полученных с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics v.23 и G Power

v.3.1.9.2 на основе различных характеристик целевой группы (пола, возраста, этнической принадлежности, религиозной принадлежности, семейного положения, количества детей в семье, социального статуса, уровня образования, владения языками) результатов. Эмпирическим методом исследования стал статистический опрос в формате сплошного индивидуального анкетирования. Как уже отмечалось выше, в рамках данной работы мы приняли решение сосредоточить внимание на исследовании статистики мигрантов по религиозной принадлежности.

В рамках проведенного исследования в период весны 2019 года мы провели анкетирование мигрантов во всех существующих в Республике Сербия центрах постоянного пребывания. На сегодняшний день таких центров постоянного пребывания в Республике Сербия всего пять, и они находятся соответственно в городе Тутин, в городе Сеница, в городе Банья Ковильяча, в селе Боговаджа и в предместье Белграда поселке Крнеча. Данные организации находятся в ведении Отдела приема, защиты и возвращения, Отдела координации работ в центрах для беженцев и центров постоянного пребывания, подчиняющегося заместителю комиссара государственного Комиссариата по вопросам беженцев и миграции. При этом наша выборка составила 173 респондента, что составляет порядка 17% от всего количества резидентов центра (анкетирование резидентов центра продолжалось в течение нескольких дней, при этом ежедневно количество резидентов в каждом центре незначительно менялось): 27 респондентов было опрошено в центре в Банье Ковильяче, что составило 34% от общего находящегося там мигрантов; в центре в Боговадже было опрошено в 37 человек, что составило 33 % от общего количества находящегося там мигрантов; 35 человек, опрошенных в Сенице, составило 65% от общего количества находящегося там мигрантов; 40 человек было опрошено в Тутине, что составляет 52% от общего количества находящегося

там мигрантов; 34 человека было анкетировано в Крняче, что составило 4% от общего количества мигрантов, находящихся в этом крупнейшем центре. Необходимо пояснить, что интенсивность анкетирования (охват респондентов) в разных центрах зависел от ряда технических и субъективных факторов: открытость к сотрудничеству сотрудников центра и самих мигрантов, наличие переводчиков, загруженность расписания работы центров различными мероприятиями (административными, образовательными, профилактическими, социальными, культурными, спортивными и

т.д.), погодных условий (для тех центров, где опрос, по договоренности с их руководством, проводился в помещении, хорошая погода обуславливала нахождение большинства мигрантов на улице, а для тех центров, где анкетирование, наоборот, проводилось во дворе – плохая погода обуславливала сравнительно небольшое присутствие мигрантов), и т.д.

В целом же распределение выборки опрашиваемых по различным центрам постоянного пребывания мигрантов имело следующий вид:

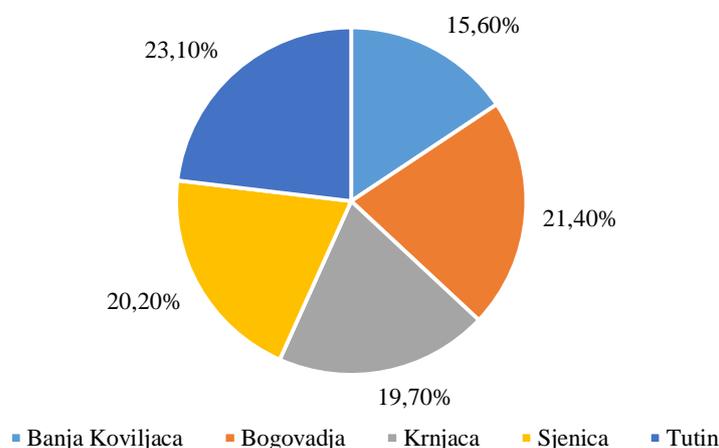

Рис. 1. Распределение выборки по центрам постоянного пребывания мигрантов
Fig. 1. Distribution of the sample among the centers of permanent stay of migrants

Анкетирование проводилось в очной форме волонтерами-интервьюерами (анкетерами). Анкета состояла из 34 вопросов, сгруппированных в 5 блоков (профиль мигранта, политико-правовые аспекты интеграции, общественно-экономическая вовлеченность, культурно-религиозная интеграция, отношения с обществом). Роль фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению – в нашем случае, к сербскому обществу и государству – мы исследовали посредством соотнесения двух групп данных. Первую группу данных составила такая характеристика профиля мигранта, как религиозная принадлежность (вероисповедание). Вторую группу данных составили результаты ответов респондентов на следующие закрытые

вопросы с предложенными стандартизированными ответами: Как вы оцениваете уровень своих взаимоотношений с местным населением? («очень хорошее», «достаточно хорошее»; «ни плохое – ни хорошее»; «скорее плохое», «очень плохое»); Думаете ли вы, что мигранты вызывают отторжение у местного населения? («да, это имеет место повсеместно»; «да, эпизодически это имеет место»; «я не могу сказать, что это имеет место, но также я не могу сказать, что это не имеет место»; «нет, почти нет»; «нет, вообще нет»); Были ли у вас когда-либо какие-либо проблемы с местным населением в Республике Сербия? («да»; «нет»); Были ли у вас когда-либо какие-либо проблемы с органами власти в Республике Сербия (миграцион-

ные центры, полиция, социальные центры и т.д.)? («да»; «нет»); Думаете ли вы, что вы сможете интегрироваться в местное сообщество, если вы останетесь жить в Республике Сербия? («я не могу сказать, что я смогу полностью интегрироваться в местное сообщество, но я также не могу сказать, что я не смогу в него интегрироваться совсем»; «нет, я считаю, что для меня будет сложно интегрироваться в местное сообщество»; «нет, я думаю, что для меня будет невозможно полностью интегрироваться в местное сообщество»); Считаете ли вы, что мигранты получают необходимый уровень поддержки от государственных органов для полной интеграции в местное сообщество в Республике Сербия? («да, в полном объеме»; «да, в «удовлетворительно объеме»; «ни да, ни нет»; «в основном нет», «совсем нет»).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В части первой группы данных было выяснено, что 67,1% опрошенных респондентов испове-

дуют ислам (при этом 1,2 % опрошенных сочли нужным подчеркнуть, что они являются шиитами), 7,1% опрошенных позиционировали себя как атеисты, а остальные опрошенные отнесли себя к представителям других религий – 24,6% к христианам (при этом 1,8% опрошенных сочли нужным подчеркнуть, что они являются протестантами), 1,2% к индуистам. В части соотнесения данных были получены результаты, представленные на диаграммах ниже. Однако оговоримся сразу, что проверка статистической гипотезы взаимосвязи фактора религии и блока рассматриваемых нами данных (гипотеза H_0), рассчитываемая при помощи непараметрического критерия Хи-квадрат, показала отсутствие статистической значимости (P – значение $> 0,05$), что не исключает наличие такой взаимосвязи и возможности дескриптивного анализа, поскольку в целом мощность исследования составила более 0,87 (для анализа опроса необходимо 170 респондентов, а их было опрошено 173).

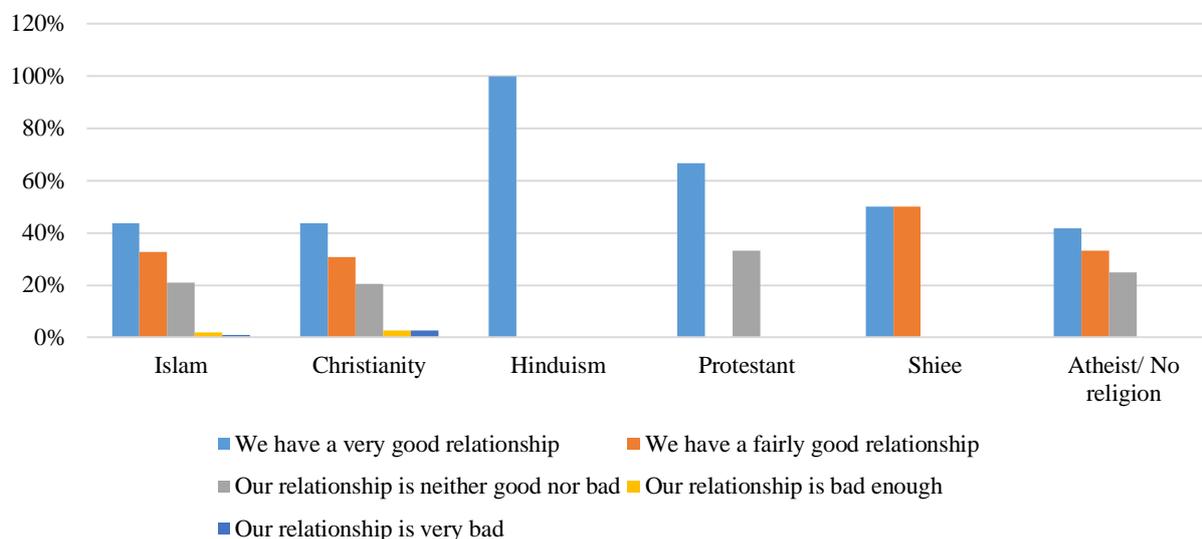

Рис. 2. Оценка респондентами уровня взаимоотношений с местным населением
Fig. 2. Respondents' assessment of the level of relations with the local population

Как мы видим, индуисты лучше всего оценивают уровень взаимоотношений с сербским сообществом с точки зрения мигрантов, что, по нашему предположению, можно объяснить спецификой данной ре-

лигии, а самую худшую оценку дают атеисты и протестанты (которых мы посчитали необходимым выделить в отдельную категорию). Интересно, что мусульмане не отмечают низкий уровень взаимоотношений

с местным населением, которое в большинстве регионов Республики Сербия является христианским (православным). Однако, исключение составляет ряд отдельных мест, в том числе Сеница и Тутин, где расположены два из пяти центров постоянного пребывания мигрантов. Средняя оценка у представителей всех вероисповеданий примерно одинаковая (рис. 3).

Индуисты и шииты (которых мы также посчитали необходимым выделить в отдельную категорию) едины во мнении, что в сербском обществе нет неприятия мигрантов. Интересно, что более 20% остальных мусульман, как и христиан, отмечают, что

«нельзя сказать, что отторжение есть, но также нельзя сказать, что его нет», а около 40% респондентов, исповедующих указанные религии, говорят, что неприятия нет. Протестанты и атеисты уверены в этом чуть в меньшем количестве. Также отметим, что атеисты также не дают полностью негативный ответ на этот вопрос. Однако, именно у протестантов наблюдается самая многочисленная статистика выбора ответа о повсеместном присутствии отторжения. В целом, мы можем говорить о положительной ситуации по вопросу принятия мигрантов у местного населения по оценкам самих мигрантов (рис. 4).

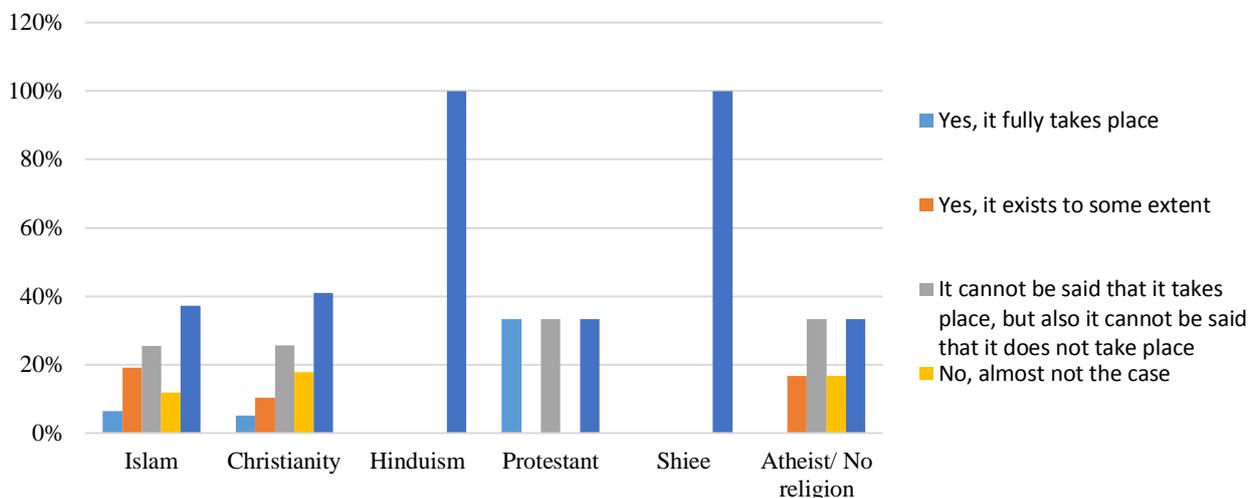

Рис. 3. Мнение мигрантов об отношении к ним местного населения
Fig. 3. The opinion of migrants on the attitude of the local population towards them

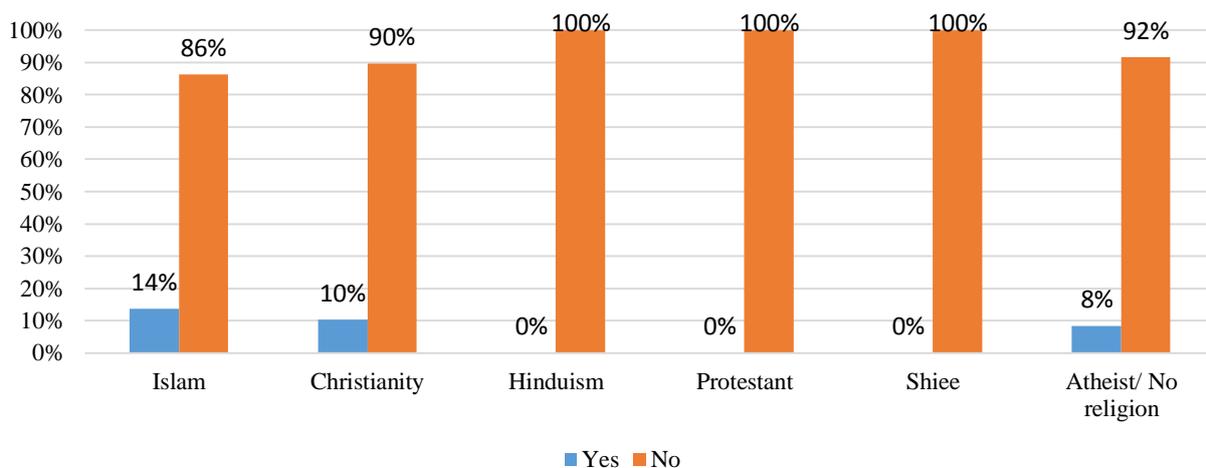

Рис. 4. Проблемы между мигрантами и местным населением в Республике Сербия (по самооценке мигрантов)

Fig. 4. Problems between migrants and the local population in the Republic of Serbia (based on self-assessment of migrants)

Весьма позитивным и обнадеживающим фактором является то, что, за исключением редких случаев (20 человек из 173), у мигрантов не было проблем с местным

населением, что позволяет говорить о его толерантности и веротерпимости, поскольку оно (население) может считаться секулярным.

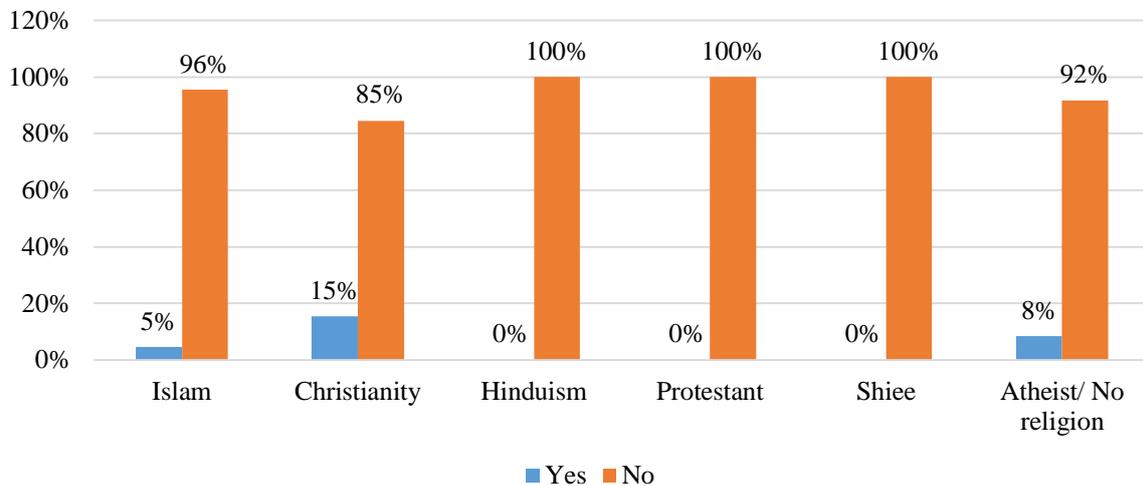

Рис. 5. Проблемы между мигрантами и органами власти в Республике Сербия (по самооценке мигрантов)

Fig. 5. Problems between migrants and authorities in the Republic of Serbia (based on self-assessment of migrants)

То же самое касается аспекта взаимоотношений с органами власти в Республике Сербия (всего 12 человек из 173 отметили случаи возникновения здесь проблем), которые активно совершенствуются в направлении работы с мигрантами. В частности, в качестве последствий интенсивных миграционных движений ряд различных государственных структур был обличен ответственностью за различные категории мигрантов, которые классифицированы в соответствии с многочисленными специализированными стратегиями. Специализированная стратегия, которая непосредственно относится к группе мигрантов и систему управления миграциям – это «Стратегия противодействия нелегальным миграциям в Республике Сербия на период 2009-2014 гг.», «Стратегия реинтеграции соотечественников», «Стратегия интегрированного управления границей», «Стратегия борьбы с торговлей людьми» и т.д. Если говорить о системе государственного регулирования, то в Республике Сербия существует специальная структура Комис-

сариат по вопросам беженцев и миграций, который реализует деятельность по защите, возвращению и интеграции мигрантов на предусмотренных законом основаниях (рис. 6).

В продолжение данной темы и рассмотрения оценки мигрантами достаточности государственной поддержки, которая скорее позитивная (за исключения протестантов, которые опять демонстрируют сдержанность и даже скептицизм в своих оценках), необходимо отметить, что в Республике Сербия были приняты закон о беженцах, закон об убежище и временном пребывании и закон об управлении миграциями; также соответствующие органы власти руководствуются международным законодательством в области миграций (Dupré, 2005). В Республике Сербия принята Стратегия решения вопросов беженцев и перемещенных лиц на 2015-2020 годы. Комиссариат занимается вопросами: предоставления статуса беженца, защиты беженцев, регистрации беженцев, оказания помощи мигрантам, координации

помощи мигрантам различных организаций в стране и за рубежом, обеспечения размещения, т.е. предоставлением жилья мигрантам, принятия мер по возвращению мигрантов, составления отчетов и ведения баз банных, анализа информации, обучения специалистов, координации структур, оказания финансовой помощи. Уже упомянутый Комиссариат по вопросам бежен-

цев и миграций стремится постоянно наращивает свой потенциал и стремится к высоким стандартам в области управления миграциями – преимущественно в области реализации принятых решений, улучшения условий жизни мигрантов и их интеграции в соответствии с новейшими мировыми подходами и тенденциями.

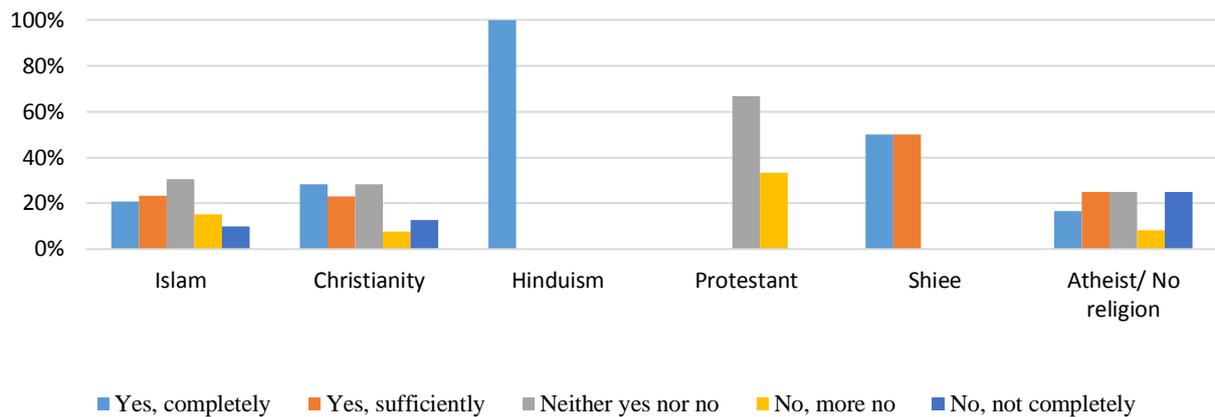

Рис. 6. Оценка мигрантами уровня поддержки от государственных органов для полной интеграции в местное сообщество в Республике Сербия
Fig. 6. Assessment by migrants of the level of support from state bodies for full integration into the local community in the Republic of Serbia

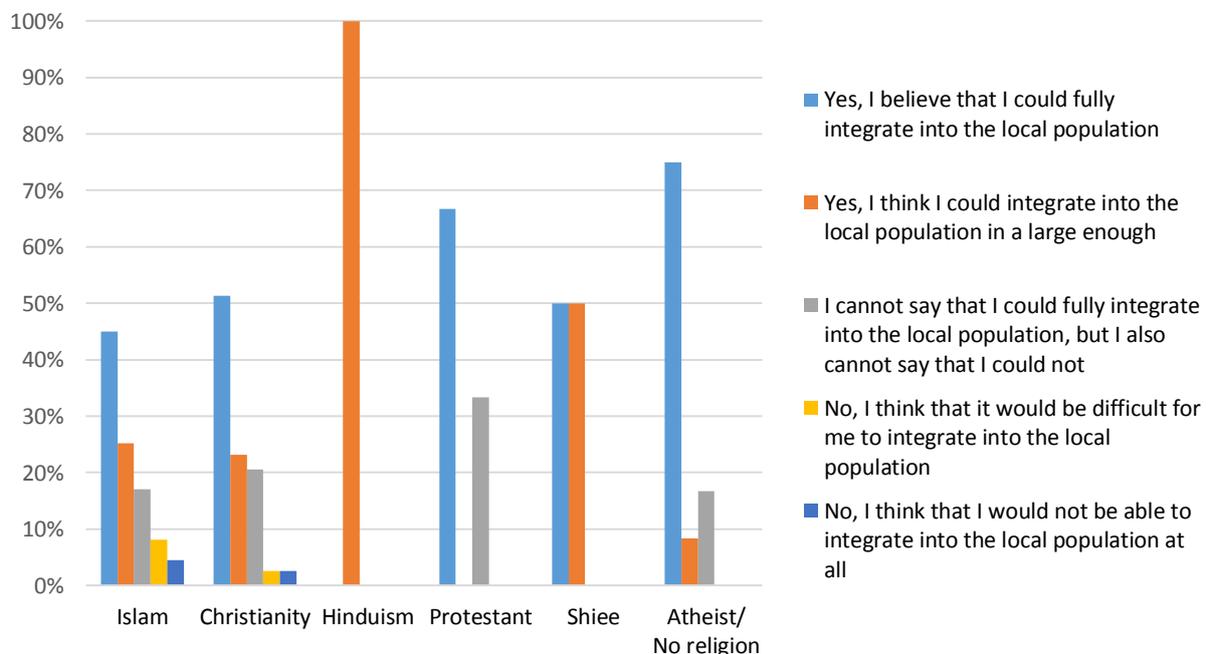

Рис. 7. Оценка мигрантами перспектив собственной интеграции в местное сообщество в Республике Сербия
Fig. 7. Assessment by migrants of the prospects for their own integration into the local community in the Republic of Serbia

Как мы видим на графике (рис. 7), в целом мигранты, вне зависимости от вероисповедания, позитивно оценивают перспективу интеграции в местное сообщество в Республике Сербия: незначительное количество негативных ответов наблюдается у мусульман и христиан, которые дают высокую оценку вероятности полной или частичной интеграции, атеисты демонстрируют наибольшим оптимизм по этому вопросу, тогда как протестанты опять более умеренны в своей оценке.

Заключение (Conclusions). В заключение можно сделать вывод о том, что, по мнению самих мигрантов, религиозная принадлежность не является негативным фактором или барьером интеграции в местное сообщество в Республике Сербия и не влияет на качество их социальной жизни. В сравнительном плане, наиболее оптимистично в этом вопросе настроены мигранты – индуисты и мусульмане-шииты, наименее – христиане-протестанты. Однако, по мнению ряда исследователей, такая ситуация подвержена изменениям. Если говорить об отношении к мигрантам и их интеграции со стороны местного сообщества, то это косвенно подтверждает и проведенное нами исследование медиакартины процессов миграции методом качественного и количественного анализа контента на интернет-порталах в Сербии за 2017-2018 гг., которое, в частности, показало, что вероисповедание мигрантов не является негативным фактором их восприятия в Сербии. Незначительная часть медиа-сообщений проводит связь восприятия мигрантов с исламом, а в большинстве своем негативный характер новостных сообщений о миграционных процессах не является последствием религиозной принадлежности мигрантов ни в том случае, когда речь идет о миграционных процессах в Сербии, ни в том случае, когда речь идет о миграционных процессах в мире.

Статистическая оценка взаимосвязи анализируемых факторов была достаточно низкой, что, тем не менее, не говорит о

том, что ее нет, и что не снижает практической значимости проведенного нами исследования. В этой связи целесообразным представляется продолжение исследования данной проблемы, отслеживание актуальных тенденций, а возможно, и проведение повторно-сравнительного опроса в перспективе. Необходимо принимать во внимание тот факт, что Республика Сербия официально является секулярным государством, а это также находит отражение в жизнедеятельности общества. Мигрантов, постоянно находящихся в Республике Сербия, все еще достаточно мало, традиции терпимости, сочувствия и милосердия, как и гостеприимства, исторически и культурологически сильны в местных сообществах. Мы можем говорить о высоком уровне толерантности сербского общества, а также о его безопасности и низком уровне «уличного» криминала. На данном этапе миграционного процесса местное население Республики Сербия очевидно демонстрирует высокий уровень веротерпимости. Следует понимать, что, с учетом актуальных политических, социальных и демографических процессов в Республике Сербия, можно говорить, что мигранты – это будущее, которое наступает уже сегодня, и к этому нужно готовиться как в общественном, так и в государственном секторе.

Список литературы

- Aleksynska M., Chiswick B. R. *Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures* // IZA Discussion Papers. Bonn, Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit Institute for the Study of Labor. May 2011. № 5724.
- Dupré An. *Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process?* // Migration and Religion in a Globalized World. Rabat: IOM, 5-6 December 2005.
- Levitt P. *Religion and transnational migration. Final Draft.* 6 August 2002. Wellesley College and Harvard University.
- Strielkowski V., Bilan Yu., Demkiv O. *Religion and International Migration: A Case Study of Ukraine* // Religions. 2016. 7 (6).

Бакрач В. Религия, плюрализм, диалог // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 1. С. 3-11.

Бедин Д. А., Гридчин А. А. Межрелигиозные отношения, как источник социальной напряженности // Современная социология: состояние и перспективы. Материалы международного семинара-дискуссии в городе Белгороде. Белгород: Белгородский технологический институт строительных материалов, 1992. С. 76-78.

Вукчевич Н. Медиа-картины процессов миграции на интернет-порталах в Сербии 2017-2018 гг. // Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития. Сборник статей. Серия «Демография. Социология. Экономика». 2019. Т. 5, № 3. С. 127-134.

Вукчевич Н., Гридчин А. А. Актуальные проблемы влияния «исламских идей» на миграционные процессы: потенциальные противоречия и социальные конфликты // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности: материалы IX Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Владимир, 2017.

Гаджимурадова Г. И. Интеграция мусульман в Европе: история и современное состояние // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 3-7.

Гаджимурадова Г. И. Мигранты в Европе: интеграция или дезинтеграция? // Наука сегодня: теория и практика: сборник научных трудов международной заочной научно-практической конференции. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. С. 157-159.

Гридчин А. А. Проблема миграции, беженцев и вынужденных переселенцев в деятельности международных организаций // Общество: экономика, политика, право. 2008. № 2. С. 2-5.

Королева Э. В. Социальная роль религии в миграционных процессах в современной России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 2.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rol-religii-v-migratsionnyh-protsessah-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 24.09.2019).

References

Aleksynska, M. and Chiswick, B. R. (2011), "Religiosity and Migration: Travel into One's Self versus Travel across Cultures", *IZA Discussion Papers*, (5724), Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit Institute for the Study of Labor, Bonn.

Dupré, An. (2005), "Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process?", in *Migration and Religion in a Globalized World*, IOM, Rabat.

Levitt, P. (2002), *Religion and transnational migration*, Final Draft, Wellesley College and Harvard University.

Strielkowski, V., Bilan, Yu. and Demkiv, O. (2016), "Religion and International Migration: A Case Study of Ukraine", *Religions*, 7 (6).

Bakrach, V. (2019), "Religion, pluralism, dialogue", *Research result. Sociology and Management*, 5 (1), 3-11. (In Russian).

Bedin, D. A. and Gridchin, A. A. (1992), "Interreligious relations as a source of social tension", *Modern sociology: state and prospects. Materials of the international seminar-discussion in the city of Belgorod*, Belgorodskiy Gosudarstvennyy Technologichesky Universitet stroitelnykh materialov, Belgorod, Russia, 76-78. (In Russian).

Vukchevich, N. (2019), "Media pictures of migration processes on Internet portals in Serbia 2017-2018", *Migration as a resource of socio-economic and demographic development. Collection of articles. Series "Demography. Sociology. Economy"*, 5 (3), 127-134. (In Russian).

Vukchevich, N. and Gridchin, A. A. (2017), "Actual problems of the influence of 'Islamic ideas' on migration processes: potential contradictions and social conflicts", *Actual problems of international law and foreign economic activity: proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference of Teachers and Students*, Vladimir, Russia, 7-8 December. (In Russian).

Gadjimuradova, G. I. (2016), "Integration of Muslims in Europe: history and current state", *Scientific Review. Series 2: Humanities*, (3), 3-7. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (2015), "Migrants in Europe: integration or disintegration?", *Science today: theory and practice: a collection of scientific papers of the international correspondence scientific-practical conference*, Ufa, Russia, 157-159. (In Russian).

Gridchin, A. A. (2008), "The problem of

migration, refugees and internally displaced persons in the activities of international organizations”, *Obshchestvo: ekonomika, politika, pravo*, (2), 2-5. (In Russian).

Korolyova, E. V. (2008), “The social role of religion in migration processes in modern Russia”, *Gumanitarnye isslefovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, (2) [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rol-religii-v-migratsionnyh-protsessah-v-sovremennoy-rossii> (Accessed 24 September 2019). (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Вукчевич Неманя, аспирант, Университет Белграда.

Nemanja Vukchevich, PhD Student, University of Belgrade.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Гаджимурадова Г. И. | Этнорелигиозные аспекты миграционных процессов

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ
пр-т Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Россия
gadjhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 000-0003-3080-1813

*Статья поступила 20 ноября 2019 г.; Принята 10 декабря
Опубликована 30 декабря*

Аннотация. Статья посвящена этнорелигиозным аспектам миграционных процессов на примере последствий миграционного кризиса 2014-2016 г. в Европе и миграционной ситуации в России. На примере Германии, Франции, Великобритании и России автор дает анализ демографической и миграционной ситуации. Особое внимание уделено проблеме интеграции мусульман в Европе и в России. Автор сравнивает жизненные установки иммигрантов-мусульман в Европе и в России. Чем может грозить плохая интеграция иммигрантам, как этим пользуются вербовщики радикальных религиозных течений и что им можно противопоставить. Автор приводит официальные статистические данные и данные независимых статистических центров по прогнозу численности иноконфессиональных иммигрантов в Европе. В статье предлагается компаративный анализ ситуации в Европе и России с иммигрантами и их интеграцией в принимающее общество. В чем разница между мусульманскими сообществами в России и в Европе и каковы перспективы разрешения миграционного кризиса. Существует ли в России проблема с самосегрегацией мусульман, как в Европе? Автор анализирует связь между неконтролируемой иммиграцией и проблемой безопасности в России и Европе. Также в статье приводится подробный анализ литературы по данной проблеме как российских, так и зарубежных ученых. Европа также, как и Россия испытывает демографические проблемы, а поэтому остро нуждается в трудовых мигрантах. Возможен ли баланс между решением демографической проблемы, проблемы безопасности и интеграцией иноконфессиональных иммигрантов и почему политика мультикультурализма не оправдала ожиданий европейцев? Какие аспекты миграционной политики наиболее успешных стран можно применить в России? Автором сделана попытка осветить эти и другие вопросы этнорелигиозных аспектов современных миграционных процессов.

Ключевые слова: иммиграция; мусульманские сообщества; Европа; ислам; Россия; мусульмане; терроризм; экстремизм.

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И. Этнорелигиозные аспекты миграционных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 37-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Gul'nara I. Gadzhimuradova | Ethnoreligious aspects of migration processes

Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
MGIMO University of the MFA of Russia
76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 000-0003-3080-1813

Received on November 20, 2019; Accepted December 10, 2019

Published December 30, 2019

Annotation. The article is devoted to the ethno-religious aspects of migration processes as an example of the consequences of the migration crisis of 2014-2016 in Europe and the migration situation in Russia. On the example of Germany, France, Great Britain and Russia, the author gives an analysis of the demographic and migration situation. Particular attention is paid to the integration of Muslims in Europe and in Russia. The author compares the life attitudes of Muslim immigrants in Europe and in Russia: what threats can poor immigrants face, how recruiters of radical religious movements can take advantage of this and what can be opposed to them. The author provides official statistics and data from independent statistical centers on the forecast of the number of Muslims in Europe. The article offers a comparative analysis of the situation in Europe and Russia with immigrants and their integration into the host society. What is the difference between Muslim communities in Russia and Europe and what are the prospects for resolving the migration crisis? Is there a problem with self-segregation of Muslims in Russia, as it can be seen in Europe? The author analyzes the relationship between uncontrolled immigration and the security problem in Russia and Europe. The article also provides a detailed analysis of the literature on this issue by both Russian and foreign scientists. Europe, like Russia, is experiencing demographic problems and therefore is in dire need of labor migrants. Is there a balance between solving the demographic problem, the security problem and the integration of immigrants from Arab-Muslim countries, and why did the multiculturalism policy not meet the expectations of Europeans? What aspects of the migration policy of the most successful countries can be applied in Russia? The author makes an attempt to highlight these and other issues of ethno-religious aspects of today's migration processes.

Keywords: immigration; Muslim communities; Europe; Islam; Russia; Muslims; terrorism; extremism.

Information for citation: Gadzhimuradova G. I. (2019), "Ethnoreligious aspects of migration processes", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 37-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Введение (Introduction). Миграция населения является сложным по природе, многообразным по формам и последствиям процессом, включающим в себя в том числе этнорелигиозный компонент. Опыт

анализа межнациональных отношений показывает, что непонимание и конфликты чаще возникают и острее проявляются в полиэтничных обществах. А учитывая, что население большинства стран мира поли-

этнично, практически все государства в той или иной степени сталкиваются с проблемами межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений.

В связи с усилением миграционных процессов в современном мире особое значение приобретает изучение проблем, связанных с этническими и религиозными векторами миграционной политики большинства стран.

Фонд ООН в области народонаселения ЮНФПА (United Nations Population Fund¹) и Всемирная книга фактов ЦРУ² приводят приблизительно одинаковые коэффициенты рождаемости³, где видно, что в странах с низким уровнем жизни (преимущественно это страны с мусульманским населением) достаточно высокая рождаемость. Низкий уровень жизни, избыток трудовых ресурсов, гендерный дисбаланс в сторону избытка мужского населения являются идеальными условиями для последующей миграции в страны с более высоким уровнем жизни.

Современные миграционные процессы, независимо от типов, видов, а также причин неизменно приводят к этническим и конфессиональным изменениям в структуре населения, а также, как показал опыт последних лет, связанный с миграционным кризисом 2014-2016 годов, и к межконфессиональной напряженности. Справедливо замечено, что «современная миграционная волна еще более усиливает дезинтеграционные тенденции и конфликтность, обусловленные разнообразием» (Цапенко, Монусова, 2018).

Сегодня одним из динамично растущих этноконфессиональных сообществ в мире, которые проживают вне своих стран, являются мусульманские сообщества, представленные мигрантами из стран Юго-Восточной и Средней Азии, стран Ближне-

го Востока и Северной Африки. Они представляют разные этносы со своими традиционными установками, но их объединяет мощный консолидирующий фактор – религия. Рост численности мусульманских общин, в основном проживающих в таких странах Европы, как Великобритания (Юго-восточная Азия), Германия (Ближний Восток), Франция (Северная Африка), Россия (Средняя Азия) существует благодаря стабильному миграционному приросту и расширенному режиму воспроизводства, который характерен для иммигрантов-мусульман особенно в первом и втором поколениях. В третьем поколении количество рождений в семье чаще всего приближается к стандартам коренного населения).

Это привело к формированию во многих странах Европы значительных по своей численности и влиянию мусульманских общин.

Статья ставит целью; а) анализ миграционных процессов в Европе и в России в современную эпоху; б) выявление роли этно-религиозного фактора при формировании интеграционной политики и в) предложение мер по предотвращению появления этнических анклавов и радикализации иммигрантских сообществ.

Методология и методы (Methodology and methods). Кризис беженцев 2014-2016 годов явился катализатором еще большей обособленности этих сообществ от принимающего общества. Точная численность мусульман еще плохо представлена, но несомненно, что мусульманские общины стали важным фактором, определяющим рост населения в основных странах ЕС.

Данные Комиссии по демографии Совета Европы прогнозируют уменьшение людей европейского происхождения к 2050 году. Вместе с тем население Европы стремительно стареет. Если население Европы в 2000 г. насчитывало 728 млн.чел., то к 2050 г., при нынешней демографической ситуации и без учёта иммиграции, оно будет насчитывать 600 млн.чел. Таким

¹<http://www.un.org/ru/ecosoc/unfpa/>

²<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2054rank.html>

³Коэффициент рождаемости сравнивается с среднегодовым числом рождений в течение года на 1000 человек среди населения в середине года; также известный как сырая рождаемость.

образом, Европа может потерять одну треть своего населения. На растущую численность мусульман в своем исследовании указывает и Pew Research Center (Pew Research, 2017)⁴. По самому «высокому» сценарию при существующей миграции мусульмане могут составить 14% населения Европы к 2050 году – почти в три раза больше нынешней доли, но все же значительно меньше, чем население как христиан, так и людей, не исповедующих никакой религии.

В последний раз столь значительное сокращение европейского населения наблюдалось только во время эпидемии чумы в 1347-1352 гг. Особенно серьезной представляется ситуация в Германии, где по самым худшим прогнозам население страны может сократиться с 82 до 59 млн человек к 2050 году. Но доля населения с иммиграционным фоном преимущественно из мусульманских стран увеличится с 3% до 6% от общей численности населения. По предварительным прогнозам, доля мусульманского населения в Германии может возрасти до 5,8 млн. человек к 2050 г. (против 4,3 млн. человек в 2014 г.).

По мнению Гашкова И. «демографические прогнозы для Европейского союза основываются на трех вариантах развития событий. Согласно наименее вероятному, победу одержат сторонники жестких мер. Но закрытие границ, которого они требуют, скорее всего, не позволит переломить ситуацию. Доля коренного населения при уровне рождаемости 1,6 ребенка на одну женщину будет сокращаться, а исламского – расти за счет уже приехавших в Европу мусульман, поскольку в этой социальной группе одна женщина в среднем рождает 2,6 ребенка» (Гашков, 2017).

В действительности численность иммигрантов-мусульман может превышать данные прогнозов при сохранении иммиграции на уровне 2015-2016 годов, а также сохранении высокого уровня рождаемости

в мусульманских общинах. Таким образом, рост численности мусульман будет опережать рост численности автохтонного населения Германии. Мусульман в Европе будет становиться больше и по отношению иностранного населения из немусульманских стран. На этом фоне наблюдается увеличивающийся с каждым годом рост числа мечетей и молельных домов. По мнению Е. В. Пинюгиной «строительство мечетей воспринималось скорее, как завершающий этап интеграции ислама, показывающий мусульманам, что они здесь свои, такие же, как все. Но с ростом числа мечетей и школ (по изучению авт.) Корана религиозная идентичность мусульман, особенно молодежи, посещающей такие учреждения, стала укрепляться и влиять на отношение к социализации» (Пинюгина, 2018).

Справедливо отмечено, что «В современной Европе на смену религиозной системе ценностей пришла секулярная, сменился приоритет ценностных установок с религиозных на светские. В основе европейской идентичности лежат уже не христианские, а так называемые европейские ценности» (Гаджимурадова, 2017). И мусульмане, для которых религия, традиционная система ценностей – это образ жизни, не готовы принять новую ценностную парадигму.

Как пишет И. П. Добаев «прибывшие в западные страны мусульмане, как оказалось, живут по законам своей культурной идентичности, а не по законам общеевропейского гражданского общества. Потому что культурная и религиозная идентичности намного серьезней, фундаментальней и глубже, чем нормативы и коды гражданского общества» (Добаев, 2015). По мнению А. Пономаревой, «говорить о совпадении культурного кода у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность

⁴<https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>

молодых мусульман и препятствует их полноценной интеграции» (Пономарева, 2007).

Г. Хайнзон в своей книге «Сыновья и мировое господство» объясняет явление, которое породило волну терроризма и экстремизма по всему миру (Heinsohn, 2003). По его мнению, всплеск насилия имеет место в тех обществах, где количество молодых мужчин в возрасте от 15 до 29 лет составляет больше 30% от общего числа населения. И если это сопровождается социально-экономическими проблемами в стране, то «парад революций» и волны насилия неизбежны. О взаимосвязи миграции и безопасности на примере ситуации в Финляндии в период миграционного кризиса 2014-2016 годов рассуждает в своей работе Й. Вирккунен (Virkkunen, 2018). Действиям стран Евросоюза в условиях миграционного кризиса и противодействии угрозам безопасности граждан стран еврозоны посвящена работа Пиньол-Хименес (Pinyol-Jiménez, 2016). Д. Л. Сэм в своей статье «Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism» (Понимание позитивной адаптации иммигрантской молодежи в контексте мультикультурализма) поднимает вопросы аккультурации и развития мультикультурализма среди иммигрантской молодежи (Sam, 2018). Л. Родин в своем исследовании определяет границы интеграции и вводит понятие «гражданская интеграция» (Rodin, 2017).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Миграционный кризис 2015 г. стал серьезным испытанием для немецкого общества, резко усилив в нем поляризацию позиций по вопросу об отношении к инокультурным переселенцам. С одной стороны, значительная часть немцев и структур гражданского общества оказали огромную поддержку прибывшим в страну беженцам, стали волонтерами, выступавшими и участвовавшими в инициативах, призванных облегчить их тяготы. С другой стороны, часть общества сдержанно или отрица-

тельно восприняла наплыв миллионной массы мигрантов; произошел всплеск правого экстремизма и антимиграционной риторики (Бардин, 2018).

По данным исламского информационного портала, «в Германии с 2000 г. было закрыто более 400 католических церквей и более 100 протестантских. С 1990 г., по данным Евангелической церкви Германии, по меньшей мере 277 протестантских церквей были проданы или снесены. В стране действуют сотни мечетей, еще более 120 находятся на стадии строительства»⁵. Факты превращения методистских, лютеранских и католических церквей в мечети в последние годы имели место в Берлине, Дортмунде и Мёнхенгланббахе.

Подобная ситуация распространена не только в Германии, но и в большинстве стран современной Европы. К примеру, во Франции только за период с 1990 по 2015 гг. численность мусульман выросла с 5,9 млн. до 7,8 млн. человек⁶, что составляет от 8% до 10% общей численности населения страны.

Можно констатировать тот факт, что за последние 40 лет численность мусульман во Франции значительно возросла, прежде всего, за счет иммиграции. И сегодня Франция является первой европейской страной с самой многочисленной мусульманской общиной, которая составляет 43% от численности иностранного населения страны.

Иммиграционные потоки во Франции представлены в основном выходцами из стран Магриба, в прошлом бывших колониями этой страны. Затем потянулись мигранты из зон военных конфликтов, а также политические беженцы и пр. Благодаря иммигрантам из бывших колоний (Алжира, Туниса и Марокко) численность иностранного населения Франции за несколько десятилетий выросла примерно на 1 млн. человек. Кроме того, во Франции ста-

⁵<http://www.islam.ru/news/2015-09-04/34624>

⁶Рассчитано на основании: Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015 (www.un.org)

ла родным домом для целого поколения детей иммигрантов, которые переселились сюда в 1960-1970-е гг. Социально-демографическая структура мусульманской иммиграции во Франции тоже претерпела изменения: из практически мужской иммиграции прежде, она стала более семейной⁷. Известно, что «в мусульманском праве действует установка на патриархальность, где доминирующим фактором является воля отца и большинством прав обладают мужчины» (Гаджимурадова, 2016). Поэтому «новые граждане» в стране приема пытаются сохранять традиционные установки, принятые у себя на родине, что не способствует их скорой интеграции.

В связи с ростом мусульманских общин наблюдаются две тенденции, одна из которых имеет интегрирующую, а другая – дифференцирующую направленность. Интегрирующая заключается в необходимости интеграции посредством включенности на всех уровнях (социальном, культурном, политическом, экономическом и т.п.) в жизнь принимающего общества, а дифференцирующая – во все более усиливающейся самосегрегации сообществ.

Распространением ислама и расширением исламской религиозной инфраструктуры во Франции занимались мусульманские общины, численность которых увеличивалась за счет иммиграции и высокой рождаемости. Большую роль в распространении и закреплении ислама во Франции сыграла финансовая поддержка Саудовской Аравии и Ливии во второй половине 1970-х гг., что привело к значительному проникновению ислама во всех его проявлениях в повседневную жизнь французов. В настоящее время во Франции действует пять «соборных» (основных) мечетей (в Париже, Лионе и Марселе), а также более 1500 обычных мечетей. В стране работают свыше 2000 исламских ассоциаций, религиозных и культурных

центров, а также филиалы различных исламских политических партий и движений. Широко развита сеть магазинов, где торгуют халяльной продукцией, имеются национальные кафе и рестораны.

В Великобритании также за последние 25 лет (с 1990 по 2015 гг.) численность иностранного населения увеличилась с 3,7 млн. до 8,5 млн. человек. Здесь мусульманские общины формировались преимущественно выходцами из стран Южной Азии, Ближнего Востока и Африки. Для примера, численность выходцев из Пакистана за указанный период выросла более, чем в два раза (с 228,3 до 540,5 тыс. человек), выходцев из Турции – почти в четыре раза (с 25,9 до 100,9 тыс. человек), Афганистана – с 2,1 до 68,3 тыс. человек, Ирака – с 15,2 до 80,9 тыс. человек, Ирана – с 31,6 до 91,1 тыс. человек⁸. Иммигранты-мусульмане в Великобритании сконцентрированы, в основном, в крупных городах. Наиболее высок процент мусульман в Лондоне (около 38% мусульманского населения страны), в Уэст-Мидлэндсе они составляют (14%), Северо-Западном регионе (13%), Йоркшире и Хамбаре (в общей сложности 12%), в Германии, во Франции и в Великобритании для мусульман характерен меньшим медианный возраст по сравнению с коренным населением. Они предпочитают компактное расселение, образуя своеобразные анклав, или гетто.

Миграционный кризис 2014-2016 годов обнажил и проблему радикализации ислама в Европе. Вместе с беженцами и под видом беженцев на территорию стран ЕС проникли радикальные исламисты, задачей которых являлась вербовка новых членов для ИГИЛ (организация запрещена на территории РФ) и подготовка резонансных террористических атак на территории европейских государств. Рост численности радикальных мусульман закономерно привел к эскалации насилия, религиозного экстремизма и терроризма в Европе. «По

⁷Авт. Доля мужчин среди иммигрантов из перечисленных выше стран составляла около 52% вплоть до событий кризиса беженцев 2014-2015 гг.

⁸Рассчитано на основании: Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015 (www.un.org)

данным расследования журналистов британской газеты Sunday Express, более 4 тысяч боевиков ИГИЛ (запрещена в России) могли попасть в Европу под видом беженцев. Они вместе с беженцами прибывают в турецкие города Измир и Мерсин, а откуда через Средиземное море попадали в Италию, а после отправлялись в Германию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Швецию» (Гаджимурадова, 2016). Поэтому «из-за резкого роста террористических угроз и особенно их реализации исламистами в 2015-2018 гг. во Франции, Бельгии, Великобритании, Швеции, ФРГ, Испании и России большинство населения европейских стран видит в беженцах потенциальных террористов» (Цапенко, Монусова, 2018).

Молодые мусульмане-иммигранты активно вовлекаются в террористическую деятельность, не сумев интегрироваться в новое общество, не зная языка и не имея перспектив найти подходящую работу. Часто именно они выступают с протестами в пригородах Парижа и других европейских городов, проявляют акты насилия и неповиновения стражам порядка, нападением на них, поджогами и угонами автомобилей, погромами магазинов.

Важным фактором радикализации мусульман в Европе является их социальная исключенность. Этим пользуются радикальные проповедники, предлагая им путь радикального или, как они говорят, «правильного ислама». По мнению С. А. Ланцова, «исламский экстремизм, как и любая другая разновидность политического экстремизма, означает приверженность крайним, преимущественно насильственным средствам достижения целей. Среди этих средств центральное место занимают террористические акции» (Ланцов, 2013). Из Бельгии и Франции с началом боевых действий в Сирии, в районы боевых действий выехало большое число граждан мусульманского вероисповедания. По возвращении они становились участниками террористических атак на территории своих стран. Например, убийство возле Ев-

рейского музея, совершенное в 2014 г. гражданином Бельгии, приехавшим после джихада из Сирии. Теракты 2015-2016 гг. в Париже и Брюсселе являются звеньями этой цепи.

Для Российской Федерации также, как и для Европы, характерна иммиграция из других стран. Страна-донорами для России, в основном, являются республики бывшего Советского Союза. Но основными «поставщиками» иммигрантов для нашей страны в настоящее время являются страны Центральной Азии. Формирование потоков трудовой миграции, в Россию, обусловлено действием, в основном, экономического фактора, который связан со спадом производства в этих странах, низким уровнем заработной платы, высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест, распространением бедности, избытком трудовых ресурсов.

В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов произошло сокращение численности трудоспособного населения, что обострило дефицит трудовых ресурсов на внутреннем рынке труда, усилило конкуренцию за трудовые ресурсы, активизировало трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии, для которых характерен избыток трудовых ресурсов, выглядит кардинально противоположной. По данным Миграционной службы МВД РФ только за январь-март 2017 года в страну въехали и поставлены на учет 407963 граждан Таджикистана, из них 202949 приехали с целью трудоустройства; 192750 граждан Кыргызстана, из них 89061 с целью трудоустройства в России; 775692 граждан Узбекистана, соответственно 391942 готовы работать в РФ⁹. Прогнозы свидетельствуют о том, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста в странах Центральной Азии увеличится. Это приведет к тому, что даже при ускоренном развитии

⁹<https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>

экономики этих государств все трудоспособное население в них не сможет быть трудоустроено.

Несмотря на то, что мигранты, прибывающие в Россию из Средней Азии, в основном исповедуют ислам, проблем, связанных с появлением анклавов пока не наблюдается, но не подлежит сомнению, что с увеличением численности иммигрантов, будут появляться своего рода этнические кварталы. Однако ислам в России традиционная религия, поэтому здесь нет кардинального противопоставления на «свой»-«чужой» по признаку конфессиональной принадлежности. Хотя необходимо отметить, что в России есть еще проблемы, связанные с интеграцией мигрантов инокультурной принадлежности, особенно среди молодежи.

После распада Советского Союза полиэтничные общества, оказались без мощного регулятора межнациональных и межконфессиональных отношений, в роли которого раньше выступала идеология интернационализма. На место образовавшегося вакуума и идеологической дезориентации пришла исламистская идеология (не путать с исламской!), которая, как казалось тогда многим, могла стать объединяющим фактором для мусульман.

В среде трудовых мигрантов появились террористические агентурные сети, спонсируемые ИГ, «спящие ячейки», которые пытаются использовать молодых мусульман из числа трудовых иммигрантов в своих преступных целях. Одной из задач ИГ (организация запрещена в России) является дестабилизация обстановки в России и Центральной Азии, в том числе и с помощью радикальных исламистов, в сети которых часто попадают иммигранты. Велик риск того, что их исключенность из российского общества, изоляция и самоизоляция, могут привести к появлению «параллельных» иммигрантских сообществ, что может способствовать разобщенности групп населения, проживающих и работающих в РФ и снизить сопротивляемость иммигрантов экстремистской идеологии,

усиливая риски их вербовки представителями радикальных и экстремистских групп уже внутри самой РФ.

Заключение (Conclusions). Несомненно, что миграционные потоки, имеющие тенденцию к турбулентности, являются реальностью сегодняшнего дня. Для стареющей Европы миграция является средством самосохранения, как ни парадоксально это не звучит, и возможного экономического подъема, а для стран исхода во многом является решением внутренних социально-экономических проблем. Особую актуальность в сложившейся ситуации имеют характер и направленность миграционных потоков. Миграция «юг»-«север» существовала и раньше, но не носила столь массового характера, и миграционная политика принимающих стран была вполне адаптирована под прибывающих «новых граждан». Но новые политические реалии, а именно: «арабская весна», локальные войны, террористическая деятельность ИГИЛ (запрещена в России) и других радикальных движений усилила миграционные процессы и породило волны беженцев. Иммигранты с иными культурными установками, в большинстве своем исповедующие ислам, оказались не готовы к принятию «европейских ценностей» и скорейшей интеграции в принимающее их общество. Это привело к появлению этно-религиозных анклавов на территории европейских государств, которые предпочли жить по своим правилам и законам, отличных от европейских, что привело к появлению радикальных экстремистских движений внутри мусульманской уммы.

Появление радикального ислама в России носит несколько иной характер и связано, прежде всего, с проблемами социально-экономического порядка, если говорить о регионах Северного Кавказа, Южного федерального округа и некоторых других. Трудовая иммиграция из Центральной Азии также остается фактором религиозной нестабильности в России. Вербовка трудовых иммигрантов членами

террористических организаций происходит часто уже на территории нашей страны в среде таких же иммигрантов. Плохо зная религию, будучи часто идеологически незрелыми, они идут на поводу у вербовщиков. В Россию едут иммигранты, воспитанные в иной парадигме и в иной социокультурной среде. Очень скоро мы можем столкнуться с проблемами по интеграции иммигрантов, которые сегодня пытаются решить страны Европы.

Поэтому необходима социальная работа по линии этнических и культурных представительств, включая языковые курсы и интернациональные мероприятия, способствующие скорейшей интеграции. Нужно дать возможность мигрантам жить в стране пребывания социальной жизнью, а не искать ее суррогат в сектах и радикальных кружках.

И самое главное: нужна прозрачность и ясность в формировании и распределении миграционных потоков, внятная миграционная политика, учитывающая культурные, религиозные, этнические и иные особенности миграционных сообществ и включающая в себя все аспекты жизнедеятельности человека.

Список литературы

Гаджимурадова Г. И. Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины и современное состояние // *Власть*. 2016. Т. 24, № 12. С. 147-149.

Гаджимурадова Г. И. Система европейских и исламских ценностей в контексте миграции мусульман в Европу // *Власть*. 2017. Т. 25, № 11. С. 177-181.

Гаджимурадова Г. И. Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции // *Власть*. 2016. Т. 24, № 10. С. 194-197.

Цапенко И., Монусова Г. Социальное взаимодействие в условиях этнокультурного разнообразия // *Интеграция инокультурных мигрантов. Перспективы интеркультурализма* / Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.

Ланцов С. А. Исламистский экстремизм как угроза безопасности постсоветской Цен-

тральной Азии в начале XXI в. // *Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции* / Отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб., 2013. 162 с.

Добаев И. П. Ислам и миграции в Европе // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 2.

Пономарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий индекс страха // *Индекс безопасности*. 2007. Т. 13, № 3 (83).

Гашков И. «Исламский халифат» в Европе. Почему мусульмане в ЕС заменят христиан. URL: <https://ria.ru/20171201/1509962540.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Пинюгина Е. В. Политические риски институционализации Ислама в Европе // *Политическая наука*. 2018. № 4.

Бардин А. Германия: интеграционная политика перед вызовами миграционного кризиса // *Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма* / Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.

Heinsohn G. *Söhne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG, 2003.

Virkkunen, J. *Borders, Polarisation, and Activisms: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland during the 2015-2016* // *How to deal with refugees? Europe as a Continent of Dreams*; Besier Gerhard (ed.). Berlin: LIT Verlag, 2018.

Pinyol-Jiménez G. *The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union* // *Amsterdam Law Forum*. 2016. Vol. 4, № 1. Pp. 36-57.

Sam D. L. *Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism* // *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 62. Pp. 222-225.

Rodin L. *From othering to belonging: integration politics social intervention and the limits of cultural ideology* // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 4.

References

Gadzhimuradova, G. I. (2016), "Female migration from Arab-Muslim countries to Europe: causes and current status", *Vlast*, 24 (12), 147-149. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (2017), "The system

of European and Islamic values in the context of the migration of Muslims to Europe”, *Vlast'*, 25 (11), 177-181. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (201), “The formation of Muslim communities in Europe and the emergence of religious extremism in the conditions of uncontrolled migration”, *Vlast'*, 24 (10), 194-197. (In Russian).

Tsapenko, I. and Monusova, G. (2018), “Social interaction in the conditions of ethnocultural diversity”. In: Tsapenko, I. P. and Grishin, I. V. (ed.), *Integration of foreign cultural migrants. Perspectives of interculturalism*, IMEMO RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Lantsov, S. A. (2013), “Islamist extremism as a threat to the security of post-Soviet Central Asia at the beginning of the 21st century”. In: Tumanyan, T. G. (ed.), *Islam in Russia: cultural traditions and modern challenges. Materials of the international scientific conference*, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Dobaev, I. P. (2015), “Islam and Migration in Europe”, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, (2). (In Russian).

Ponomareva, A. (2007), “Muslims of Europe: a progressive index of fear”, *Indeks bezopasnosti*, 13 (3). (In Russian).

Gashkov, I. “Islamic Caliphate in Europe. Why Muslims in the EU will replace Christians” [Online], available at: <https://ria.ru/20171201/1509962540.html>. (Accessed 10 October 2019).

Pinyugina, E. V. (2018), “Political risks of the institutionalization of Islam in Europe”, *Political Science*, (4). (In Russian).

Bardin, A. (2018), “Germany: integration policy confronted by the challenges of the migration crisis”. In: Tsapenko, I. P. and Grishin, I. V. (ed.), *Integration of foreign cultural migrants:*

prospects for interculturalism, IMEMO RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Heinsohn, G. (2003), *Söhne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*, Orell Füssli Verlag AG, Zürich, Switzerland.

Virkkunen, J. (2018), “Borders, Polarizations, and Activisms: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland during the 2015-2016”, in Besier, G. (ed.) *How to deal with refugees? Europe as a Continent of Dreams*, LIT Verlag, Berlin, Germany.

Pinyol-Jiménez, G. (2016), “The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union”, *Amsterdam Law Forum*, 4 (1), 36-57.

Sam, D. L. (2018), “Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism”, *Journal of Adolescence*, 62, 222-225.

Rodin, L. (2017), “From othering to belonging: integration politics social intervention and the limits of cultural ideology”, *The Journal of Social Policy Studies*, 15 (4).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ.

Gul'nara I. Gadzhimuradova, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor, MGIMO University of the MFA of Russia.

УДК 316.74:39

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-5

Логунова Л.Ю.,
Маженина Е.А.

**Социокультурный анализ практик питания
в системе жизнеобеспечения: традиции и современность**

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
ул. Красная, 6, г. Кемерово, 650000, Россия
vinsky888@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-8417-913X
ORCID iD: 0000-0001-7403-5677

*Статья поступила 7 октября 2019 г.; принята 20 октября
опубликована 30 декабря*

Аннотация. В статье представлен социокультурный анализ практик питания людей в контексте противоречий традиционности/современности, изучены проблемы и возможности традиционных привычек питания в актуальных условиях жизни. Практики питания выработаны в традиционной системе жизнеобеспечения. Но изменение стилистики жизни и специфика функционирования профессиональной системы жизнеобеспечения влечет за собой трансформацию повседневных и праздничных практик питания, что зачастую сопряжено с угрозами здоровью людей. Авторы рассматривают проблемы, связанные с исполнением традиционных практик питания в условиях системы профессионального типа, не учитывающей специфику питания людей с нестандартными потребностями и режимом труда. Особое внимание уделяется рутинным практикам питания на рабочем месте представителей творческих профессий в формате идеализации/вынужденности. Ограниченность инфраструктуры организации питания, игнорирование специфики режима труда определенных профессиональных категорий приводит к невозможности соблюдать режим питания, национальные традиции. Совокупность практик питания дифференцируется ситуативно (рутинные, праздничные) и социально (ценовые категории пищи, этнические, связанные с особым режимом труда). Люди адаптируются к несовершенствам нормативов организации питания, особенностям режима работы, связанного с профессиональными обязанностями. При этом они комбинируют практики, основанные на нормах системы традиционного типа жизнеобеспечения и возможностях инфраструктуры, предлагаемой профессиональной системой. Рассматривая изменение практик питания в рамках двух типов систем жизнеобеспечения, авторы акцентируют внимание на изменении культурной атрибутики оформления правил и «места» для приема пищи, времени, обусловленном спецификой профессиональных обязанностей и социальными взаимодействиями сотрапезников, в связи с противоречиями между потребностями соблюдения традиционных практик и ограничениями современной профессиональной системы жизнеобеспечения. Применение социокультурного и сравнительного анализов дает основание считать, что у профессионалов с ненормированным рабочим днем сложились социальные привычки питания креативно-ситуационного характера, вне традиционных культурных норм и смыслов. Это определяет проблему современной организации питания на рабочем месте, связанной с поддержанием здоровья и трансформацией культуры питания.

Ключевые слова: система жизнеобеспечения; социальные практики питания; культура питания, социокультурный анализ.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке ГРАНТ РФФИ № 18-411-420001\19; ГРАНТ-Регион № 10, 2019.

Информация для цитирования: Логунова Л. Ю., Маженина Е. А. Социокультурный анализ практик питания в системе жизнеобеспечения: традиции и современность // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 47-57. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-5

Larisa Yu. Logunova
Ekaterina An. Mazhenina

Socio-cultural analysis of the nutrition practice in a system of life support: traditions and modern times

Kemerovo State University
6 Krasnai St., Kemerovo, 650000, Russia
vinsky888@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-8417-913X
ORCID iD: 0000-0001-7403-5677

Received October 7, 2019; Accepted October 20, 2019

Published December 30, 2019

Abstract. The authors of the article apply a sociocultural analysis to study modern nutrition practices. Changing the style of people's lives has led to the complication of life support systems. The modern life support system consists of traditional and professional subsystems. Food practices are based on cultural norms and symbolic design. They have developed in the framework of traditional support systems. The set of food practices is differentiated situationally (routine, holiday) and socially (price categories of food, ethnic, professional nutrition). The professional life support system has become a regulator and limiter of everyday and festive (sacramental) nutrition practices. People are forced to adapt to the imperfections of the standards of catering, the features of the mode of work associated with professional duties. The professional system eliminates national differences and social differentiation in food practices. The limitedness of its infrastructure, ignoring the specifics of the labor regime of certain professional categories leads to the inability to observe the diet, national traditions. Considering the change in food practices in the two types of life-support systems, the authors focus on changing cultural attributes and design rules «place» for meals, time due to the contradictions between the needs of their traditional practices and limitations of modern professional life-support systems.

The use of sociocultural and comparative analyses suggests that professionals with irregular working hours have social habits of a creative, situational nature, outside of traditional cultural norms and meanings. It defines the problem of organizing contemporary food in the workplace related to the maintenance of health and the transformation of food culture.

Keywords: life support system; social nutrition practices; food culture, sociocultural analysis.

Acknowledgements. This work was supported by Grant RFFI No. 18-411-420001\19, of 04.07.2019; Grant RFFI-project region under the agreement № 10/2019, of 04.09.2019.

Information for citation: Logunova L. Yu., Mazhenina E. An. (2019), "Socio-cultural analysis of the nutrition practice in a system of life support: traditions and modern times", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 47-57. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-5

Введение (Introduction). Питание является важным элементом системы жизнеобеспечения человека. Организация питания, заложенная в национальной культуре самообеспечения, сформировала нормы системы жизнеобеспечения традиционного типа. Эти нормы учитывают требования «нормальности» питания – необходимые потребности человека в пище и регламенты ее потребления, эта система основана на традициях народной кулинарии, культурной атрибутике и ментальных характеристиках акта приема пищи представителями определенного социального слоя. Профессионально организованная система питания (цивилизационный тип) построена на нормативах для универсальных практик, не учитывающих вариативность и уникальные потребности человека. Противоречие заключается в соотношении возможностей структур профессиональной (оргцентричной) системы жизнеобеспечения, связанных с организацией питания, и вариативности выбора практик питания, соответствующей потребностям людей. Традиционный тип системы жизнеобеспечения и соответствующие ему практики питания первичны. Они основаны на сезонной, событийной, статусной основе возникновения, предполагают разнообразие выбора продуктов, правил организации трапезы, дифференцированную систему застольного этикета.

Практики питания встроены в структуру системы жизнеобеспечения и опосредованы культурными нормами и стандартами качества жизни. Социокультурное оснащение практик питания покоится на нормах, оформленных в обычаи. Эти нормы – следствие и инструмент социальной дифференциации, они предписывают вариативность социальных практик разным слоям и классам. Структуры оргцентричной системы не предполагают разнообра-

зия, продавая и подавая то, что рассчитано на минимум удобств и затрат. Достаточно вспомнить типовые интерьеры «столовых» с типовым меню.

Зависимость социальных практик от условий жизни в формате возможности/вынужденности делает их подвижными. Переменная «нормальность»/норма/норматив (где «нормальность» питания – представления человека, норма – требование культуры, норматив – организация питания, научно обоснованная профессионалами) определяют противоречивость исполнения традиционных практик в условиях специфичности структуры бюджета времени работников и инфраструктурных особенностей системы.

Ограничение выборов практик, существующих в профессиональной системе, приводит к депривации категорий населения с особым режимом питания, соблюдающих нормы здорового питания, диеты, работников с ненормированным рабочим днем, специфическим бюджетом рабочего времени. Профессиональная система жизнеобеспечения имеет инфраструктуру организации питания, но люди не всегда могут воспользоваться услугами (удаленность точек питания от места работы, несоответствие ритма работы с режимом работы пунктов организации питания, несоответствие меню).

Внимания требует изучение социальных практик питания, которые ограничивает и регулирует профессиональная система жизнеобеспечения.

Методология и методы (Methodology and methods). Практики питания – социокультурный акт приема пищи с соответствующими ритуалами, атрибутами. Практики «домашнего» питания связаны с технологиями традиционной системы (формата *human*), основанными на опыте и культурных традициях общности. Эти

практики оформляют культурные атрибуты трапезы в соответствие с национальными, социально-статусными или ситуативными (темпоральными) требованиями. Такие технологии учитывают уникальные потребности групп и социально дифференцируют «сотрапезников». Технологии цивилизационной системы (формата *smart*) основаны на нормативах потребления и профессиональном понимании чиновником усредненных стандартов качества жизни («Умные» технологии системы жизнеобеспечения городов Кузбасса: социально-политические и социокультурные контексты, 2018: 104-126). Технологии этого формата нивелируют социокультурные различия и связанные с ними характеристики места, времени, культурных атрибутов питания, вкусовых предпочтений.

Исследование трансформации практик питания развивается в западной социологии с конца XX в. Проблемы питания и пищевого поведения исследуются в историческом разрезе (Бродель, 1995), в комплексе с культурологическими и экономическими аспектами (Монтанари, 2009). Методологическим достижением в социологической науке стал постулат П. Бурдьё: практики питания есть составляющая культурного капитала человека (Bourdieu, 1984). Он обосновал социальную привычку в качестве «системы габитуса», которая есть катализатор и стабилизатор социальных практик, рассматриваемых в качестве поведенческого механизма соотнесения моделей и привычек поведения с общественными нормами. Система габитуса позволяет «производить бесконечно большое число практик» (Бурдьё, 2001). Практики упорядочены во времени и пространстве, исторически контекстуальны, транслируются новым поколениям в виде образцов поведения, независимы от индивидуального сознания и оценки.

Но в современных условиях сложившиеся традиционные правила питания разрушаются. Этот процесс К. Фишлер называет «гастро-аномией». По его мнению, это связано с трансформацией системы

трудовых и семейных отношений и интерпретируется в контексте культуры потребления общества постмодерна с его стремлением к индивидуализации и смягчению правил (Fischler, 1988: 275-292).

В настоящее время сформировалась отрасль исследования – социология питания (Carolan, 2012). М. Хальбвакс определял питание как социальный институт с функциями воспроизведения социальных норм и правил исполнения социальных ролей, за нарушение которых следуют санкции. Он исследовал различия в структуре питания, объясняя их дифференцирующими факторами (профессия, размер семьи, доходы), выявил связь с традициями, социальными привычками, местом в социальной структуре (Хальбвакс, 2000). В современных исследованиях зарубежных социологов акцентируется внимание на роли еды и питания в жизни людей (DeSoucey, 2010: 232-455), изучаются практики питания в русле исследований, посвященных социальному неравенству (Mennell, 1996; Thornton, 1987).

Проблемы и практики питания вошли в фокус микросоциологических исследований как общеметодологического поворота в социологии. Современная европейская социология питания изучает практики разных социальных слоев, этнических групп, особенности гендерных пищевых предпочтений. Исследуется безопасность диет и оригинальных практик пищевого поведения, роль СМИ в освещении модных практик питания (Носкова, 2015: 49-64).

В отечественной науке фундамент социологии питания заложил П. А. Сорокин (Сорокин, 2003). Методологические аспекты социологии питания и результаты исследования повседневных практик представлены в работах современных социологов Ю. В. Веселова (Веселов, 2015а: 95-104; 2015б: 68-82), А. В. Носковой (Носкова, 2014: 209-218) и др. Авторами констатируется актуальность анализа изменения практик питания разных социальных слоев населения как социальной проблемы с

преобладанием эмпирических исследований. Трансформация практик производства, распространения и потребления еды в современном обществе рассматривается в монографии «Социология питания: традиции и трансформации». Акцент делается на здоровом питании, характере симулякров «нормальной» еды, анализе качества питания в контекстах социального неравенства (Социология питания: традиции и трансформации, 2017).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Генезис структур организации питания в системе жизнеобеспечения цивилизационного типа показывает социальную ориентированность публичных пространств, предназначенных для приема пищи (кафе, рестораны и др.). Ценовая политика и система звезд «Мишлен» определяют «классность» места для элитарной публики. В настоящее время это метка элитарности пространства. В Древнем Риме, Византии, Средневековой Европе такие заведения предназначались для низших классов, допускался невысокий уровень гигиены в физиологическом и социальном смыслах. Система общественного питания своим развитием обязана росту буржуазии: после Великой Французской буржуазной революции в Париж приехали представители «третьего сословия», которым надо было где-то питаться. В XX веке освобождение женщин от обязанностей семейных кухарок подстегнуло рост влияния общественного питания, активизировало процессы изменения технологии приготовления пищи. В результате были утрачены традиционные социально-культурные смыслы приема пищи: еда перестала восприниматься как священнодействие, приятное времяпрепровождение, стала необходимостью для восстановления сил организма, оформилась в нормативы и стандарты приема пищи. Смысл стандартизации – контроль набора продуктов, определяемых близостью потребителей к магазинам и точкам организации питания. Набор продуктов и блюд навязывает практики вкуса, изменяющиеся вместе с поли-

тическими предпочтениями элит, экономическими санкциями и направлениями гастротуризма.

Драгоценность времени питания – традиционный культурный смысл практик. Народные поговорки указывают на социальную дифференциацию практик питания, соответствующих традиционному типу системы жизнеобеспечения: «кто долго жует, тот долго живет»; «сколько времени за столом проведешь, – столько и в раю пробудешь». Результаты исследований социального времени разных слоев населения В. Д. Патрушева показали, что время, затраченное на прием пищи социально дифференцирует людей. Чем выше социальный статус, тем больше времени человек проводит за обеденным столом. Если традиционный тип системы жизнеобеспечения ориентирует на приятное времяпрепровождение за обеденным столом, то цивилизационный тип дифференцирует и регламентирует это время. Например, рабочие на питание тратят в среднем 40 мин. в день, представители среднего и высшего классов – до 2,5 часа в день (Патрушев, 2001: 87).

В разных странах время, отведенное для приема пищи, варьируется. В США обеденный перерыв представителей среднего класса короче, чем у европейцев. Исследование фирмы «Edenred» (1916) показало, что 51% американцев тратит на обед 15-30 мин. Это меньше, чем во Франции, где 43% представители среднего класса тратят на обед 45 мин. (Wen, 2018).

Оргцентричная система жизнеобеспечения регламентирует время рутинных (не праздничных) практик. Она определяет время на обеденный перерыв, режим работы точек инфраструктуры питания. Имеет значение степень удаленности этих точек от рабочих мест, регламент времени работников, организующих питание («кто не успел, тот опоздал»). Не успевают, как правило, специалисты, профессия которых связана с особым режимом работы, не имеет фиксированного перерыва на обед (например, преподавательский состав,

медперсонал, специалисты IT сферы и др.). Ненормированность рабочего дня означает ситуативность обеда, нарушение ритмичности питания. Можно пропагандировать пользу здорового питания, но чего стоит такая пропаганда, если практики приема пищи объективно не воспроизводимы большинством из тех, на кого эта пропаганда направлена? Негибкость функционирования цивилизационного типа системы отчасти изменяет привычки «нормального» питания, определяемые нормами традиционного типа системы.

«Место» определяет социокультурный контекст практик питания. Оно привлекает их территориально, наполняет культурными смыслами пищевое поведение: физиологический акт превращается в социокультурный процесс. Традиционными считаются места для приема пищи – столовые в домах элиты, комнаты с печью в крестьянских домах, где поддерживался застольный этикет, предписывающий посадку гостей и домочадцев, перемену блюд, формы «прислуживания» за столом. В обществе модерна сформировалось особое «третье место» – кафе, пабы, клубы, где можно принимать пищу и напитки в пространстве между домом и местом работы (Ольденбург, 2014).

Когда работа занимает значительную часть времени, место для обеденного перерыва становится «текущим» и неопределенным, как и время обеда. Зачастую место для приема пищи совмещается с офисным столом, рабочим местом за компьютером. Это противоречит традиционному пониманию места для приема пищи, которое определяло территорию социальных взаимодействий (питейные заведения, трактиры, рестораны).

«Питейные заведения», как правило, функционируют в рамках традиционной системы жизнеобеспечения, удовлетворяя потребность людей в питании и общении за пределами семейной и рабочей территории (презентации, «деловые» фуршеты, встречи с друзьями). Польская *karczma* была местом, где заключались контракты с

партнерами, разрешались деревенские споры, организовывались торжества и браки. Хорватская *krčma* – место, которое в большей степени соответствует понятию «кофейня» (*kavana*), где встречаются коллеги и друзья для укрепления профессиональных связей. В США таким местом служит бар, в Великобритании – паб. Это места встреч, «где можно находить партнеров, укреплять дружеские связи, помощь в кредите или жилье, получать информацию о рабочих местах» (Mennell, 1996: 40). В греческой кофейне (*кафэ*) или румынской (*safenea*) мужчины проводят несколько часов после работы, перед тем, как пойти домой. Испанцы после обеда соблюдают традицию *sobremesa* («десерт»), находясь в компании друзей и коллег. *Sobremesa* длится столько, сколько и сам обед, иногда даже дольше (Randolph, 2018). Сегодня в «третьих местах» формировались «пищевые сообщества» друзей и компаний. Разговоры с коллегами во время обеденного перерыва – часть французской корпоративной культуры. 72% французов, как минимум, раз в неделю обедают в ресторане (исследование фирмы «Edenred», 2016 г.).

Культурные нормы встроены в структуры традиционной системы жизнеобеспечения в качестве «инструментальных ценностей», определяя вкусы, правила этикета. Символика и смыслы оформляют практики питания (особенности посуды, положения приборов, функции еды и напитков). Это факторы «национального влияния» на особенности вкусовых предпочтений в еде (Mennell, 1996: 17). Через культурные атрибуты социальные классы и этнокультурные группы позиционируют свою идентичность. Нормативные практики питания становятся символическим потреблением, которое питает не только «тело» класса, но и его душу (Веселов, 2015: 68-82).

Нормы традиционной системы жизнеобеспечения регулируют пищевое поведение, сдержат социальные предписания, относящиеся к количеству, моменту, месту

приема пищи, условиям и социальным контекстам (Носкова, 2015: 52), выборам или отвержению определенных продуктов. Люди опасаются последствий от приема определенных видов пищи, оставляющих специфический запах, потери статуса (принадлежность к высокому социальному статусу обязывает употребление в пищу кофе, шоколада, специй). Люди стараются не употреблять «плебейские продукты». Более «престижные» виды пищи и напитков становятся практикой мужчин, менее престижные – женщин и детей. Моральные принципы определяются религиозными запретами на определенные виды еды. В Европе не принято есть собак, некоторые блюда азиатской кухни не приживаются в Европе, в Азии не принято употребление молочных продуктов. Существует религиозный запрет на потребление свинины у мусульман, требование кошерности пищи у евреев, и т. д. (Mennell, 1996).

Культурные нормы могут входить в противоречие с диетическими предписаниями (Hernández, Arnaiz, 2008: 141), разработанными агентами цивилизационной системы жизнеобеспечения (врачи, диетологи) и практикуемыми инфраструктурой «быстрого питания». Последствием работы последней стала практика употребления «неритуальной» пищи «неритуальным» способом, «на бегу» в ресторанах фаст-фуда. Еда теряет сакральный смысл, становится формой получения физического удовольствия.

С другой стороны, профессиональная система жизнеобеспечения формирует концепцию «здорового образа жизни» с практиками «здорового» питания (набор диет, научно обоснованные запреты на определенные виды продуктов). Агенты профессиональной системы (производители еды и препаратов для «похудения») навязывают культ худого тела, необходимость диет, моду на «правильное» питание. Предпочтения и отказы в еде становятся частью имиджа, способом идентификации себя с сообществом или субкультурой (Носкова, 2015: 59).

Практики здорового питания в традиционном типе системы жизнеобеспечения регулируются религиозными и духовными нормами, естественны по своему происхождению, соответствуют пониманию человека о «нормальности» питания. Нормы традиционного типа системы жизнеобеспечения определены адаптивностью процессов жизни людей (сезонность блюд и практик принятия или избегания употребления определенных продуктов). В профессиональной системе при обоснованности нормативов питания они обусловлены набором продуктов, поставляемых торговыми точками со всеми проблемами социальной дифференциации и ценовой политики структур торговли.

Коллективное программирование на установку полезности в выборе пищевых предпочтений, регламенты, внедряются в коллективное сознание телепередачами о питании, рекламой. Зачастую информация о продуктах питания в СМИ противоречивая, а эмпирические данные исследований ангажированны. Утрата культурных смыслов пищи при актуализации калорийности и экологической ценности переводит систему питания из культуры жизнеобеспечения в технологию жизнеобеспечения.

Нормативность практик питания для представителей творческих профессий с ненормированным графиком труда невозможна, их требования к питанию на рабочем месте сводятся к скорости: люди питаются «как получится, по ситуации» («Умные» технологии системы жизнеобеспечения городов Кузбасса: социально-политические и социокультурные контексты, 2018: 234). Проблема – в совмещении человеком диетических нормативов и культурных норм питания с профессиональными особенностями. Например, у специалистов в сфере IT перерывы на обед зависят от процессов, связанных с установкой программного обеспечения. У медработников в поликлиниках и больницах, как правило, нет столовой для персонала. В сфере образования физиологическими процессами преподавателя управляет

«учебный процесс».

Практики питания и употребления напитков выработаны традиционной системой жизнеобеспечения. Они бывают рутинные (ежедневные), праздничные. Рутинные практики связаны с домашним приемом пищи и питанием на рабочем месте. Любая практика есть культурный текст, который «исполняется» участниками социального действия – культурно-символического акта «трапеза»: очерчивается круг сотрапезников, согласуется выбор «повода», места, набора продуктов. Отказ от участия в коллективной трапезе может быть связан с новыми пищевыми нормами (выбором специальных диет) или социальными предпочтениями не делить пищу с определенным кругом людей. Приглашение к трапезе связано со смыслами предпочтения-отвержения потенциального сотрапезника, его умения понимать и практиковать правила, связанные с приемом пищи. Люди могут питаться ситуативно и даже креативно, но предпочитают вилку, нож, столовое белье и достойный сервис «быстрому питанию» с его навязанной «демократичностью».

Сложностью культурно-символических конструкций традиционно отличаются праздничные ритуалы питания, сопряженные с особым видом настроения на прием пищи, соответствующего «праздничной ситуации», снятием запретов на определенные виды продуктов (например, мяса после окончания поста), употреблением алкоголя. «Пить, – значит, быть праздничным, быть праздничным, – значит, пить» (Social and Cultural Aspects of Drinking. A report to the Amsterdam Group, 2000). М. А. Торнтон исследовала символическое значение напитков, его сопряженность с социальной структурой Австрии. Представители интеллигенции отличаются индивидуализмом, разобщенностью, которая оформляется напитком сект (австрийское шампанское) в отличие от фермеров, которые выбирают шнапс и пиво – напитки, способствующие укреплению социальных связей (Thornton, 1987: 108). Шнапс по-

требляется в любое время, сект – по специальным датам (Новый год, день рождения). В России «праздничными» считаются шампанское и коньяк. «Неофициальным» напитком для непринужденного общения в дружеской компании, считается пиво или водка. Напитки выполняют символические и ритуальные функции. Таинство причастия или обычай соприкоснуться бокалами с вином, символизируют смешение напитка: акт побратимства, демонстрация отсутствия умысла отравления сотрапезников. Эти смыслы интернациональны для представителей европейской культуры.

Профессиональный тип системы жизнеобеспечения учитывает нормы культуры, совмещая их с трендом универсализации. Социальная дифференциация рассматривается в стандартах ценовой политики, в меньшей степени учитываются национальные и ситуативные особенности клиентов. Это заставляет людей в повседневных практиках пищевого поведения искать возможности для интеграции норм традиционной и нормативов профессиональной систем жизнеобеспечения. Чаще всего это связано с ситуациями обеденного перерыва. Такой баланс «традиционности/современности» сегодня очевиден в новых формах работы агентов традиционной системы жизнеобеспечения, которые учитывают потребности рутинности и специфику ситуативности пищевых практик, связанных с обеденными перерывами. Например, в Мумбаи (Индия) обед развозят по фирмам профессиональные даббавалы (доставщики). Современная практика доставки – кейтеринг выглядит холодной калькой с уникального семейного бизнеса индусов. Но желание завоевать клиента подсказывает интересные гибкие формы работы организации питания в профессиональной системе жизнеобеспечения. Перерыв сотрудников офисов длится не более 30 мин., поэтому быстрая доставка еды особо ценится. В городах Уганды офисным сотрудникам торговцами «с лотков» предлагаются недорогие обеды – «ролексы». На Филиппинах по инициативе го-

родских властей открыты «веселые джипы» (Jollijees) – передвижные лотки с едой, которые торгуют «здоровой» пищей для обедов. В Египте создана сеть компаний (Yumamia) с рекламой «поставщика здоровой пищи», пользующаяся популярностью у менеджеров торговых центров (Wen, 2018).

Комбинация традиционности и «вынужденности» проявляется в том, что люди приносят еду из дома в офис, ходят на обед домой из соображений «экономии» или согласно диетическим (национально-культурным) нормам («Умные» технологии системы жизнеобеспечения городов Кузбасса: социально-политические и социокультурные контексты, 2018: 228-229).

Предпочтение блюд этнической кухни – дань традиционной системы жизнеобеспечения, защита права на уникальность в пищевом поведении. В 1986 году итальянские трактирщики отстаивали права пасты и пиццы, устроив акцию протеста против решения компании McDonalds открыть одно из своих заведений на Пьяцца-ди-Спанья в Риме. В Италии была объявлена война Fast Food (быстрой однообразной еде в спешке). Сформировалось движение сторонников Slow Food («медленная еда») против распространения фастфуд-культуры, вытесняющей уникальные национальные традиции питания. Философия медленного питания соответствует нормам традиционной системы жизнеобеспечения, она означает выбор разнообразных экологически чистых продуктов местного производства. Процесс питания связан с приготовлением пищи собственноручно, неторопливым наслаждением пищей в компании близких людей за красиво накрытым столом.

Продвижение и поддержка национальных традиций питания в эпоху глобализации затруднительны. Например, во многих российских городах трудно найти ресторан с национальной кухней, но почти на каждой улице есть заведение быстрого питания или японской кухни.

Заключение (Conclusions). Практи-

ки питания сформировались в рамках традиционной системы жизнеобеспечения. Усложнение социума привело к возникновению профессиональных систем организации жизни, регулирующих, но и ограничивающих возможности воспроизводства привычных рутинных практик, социальных привычек. Практики питания определяются социально-культурными нормами, их воспроизводство закреплено в культуре общности традициями и обычаями. Современники вынуждены адаптировать культурные нормы, оформляющие практики питания, к особенностям, связанным с профессией, социальной инфраструктурой питания, режимом работы.

Традиционные практики питания включают соотнесенность места, времени, культурных норм, атрибутов и символов, связанных с пищевым поведением, в вариантах повседневности и праздничной ситуации. Усложнение системы жизнеобеспечения, появление в ней профессиональной подсистемы определяет новые социальные нормы и правила организации практик питания, регулирует выбор времени, специфику бюджета времени, «места», локализованные в границах инфраструктуры организации питания. Профессиональная система нивелирует национальные различия и социальную дифференциацию в практиках питания. Это противоречие социокультурного характера, адаптируясь к которому, люди вырабатывают современные практики питания, стараясь совместить традиции в пищевом поведении с требованиями современности.

Список литературы

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 244 с.

Бурдые П. Практический смысл; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина; под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Веселов Ю. В. Повседневные практики питания // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 95-104.

Веселов Ю. В. Современная социальная

система питания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 1 (78). С. 68-82.

Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб.: Alexandria, 2009. 279 с.

Носкова А. В. Питание: методологические подходы к исследованию и повседневные практики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 209-218.

Носкова А. В. Питание как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 49-64.

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

Патрушев В. Д. Жизнь горожанина. М.: Academia, 2001. 106 с.

Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 684 с.

Социология питания: традиции и трансформации: коллективная монография / Д. В. Голоухова, Н. Н. Зарубина, Д. Н. Карпова, С. А. Кравченко, А. В. Носкова; под общ. ред. Н. Н. Зарубиной, С. А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2017. 302 с.

«Умные» технологии системы жизнеобеспечения городов Кузбасса: социально-политические и социокультурные контексты: монография / Л. Ю. Логунова, Е. В. Головацкий, Е. А. Маженина, Н. В. Нятина. Кемерово, 2018. 284 с.

Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Mass.: Harvard University Press and Routledge & Kegan Paul, 1984. 640 p.

Carolan M. The Sociology of Food and Agriculture. New York: Routledge, 2012. 322 p.

DeSoucey M. Gastronationalism: Food Traditions and Authenticity Politics in the European Union // American Sociological Review. 2010. Vol. 75 (3), Pp. 432-455.

Fischler C. Food, Self and Identity // Social Science Information. 1988. Vol. 27 (2). Pp. 275-292.

Hernández J., Arnaiz M. Preferences and

Food Consumption: Pleasure, Convenience and Health // Social Studies Collection. 2008. № 24. URL:

http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf (дата обращения: 13.11.2081).

Mennell S. All Manners of Food: Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present. Chicago: University of Illinois Press, 1996. 408 p.

Randolph M. A uniquely Spanish part of the meal. URL:

<http://www.bbc.com/travel/story/20180424-a-uniquely-spanish-part-of-the-meal> (дата обращения 13.11.2018).

Social and Cultural Aspects of Drinking / Drinking Occasions: Comparative Perspectives on Alcohol and Culture. A report to the Amsterdam Group. Oxford: The Social Issues Research Centre, 2000. 256 p.

Thornton M. A. Sekt versus Schnaps an Austrian Village // Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 102-112.

Wen T. What workers around the world for lunch. URL:

<http://www.bbc.com/capital/story/20180110-what-workers-around-the-world-do-for-lunch> (дата обращения: 13.11.2018).

References

Braudel, F. (1995), *What is France? Book. 2. People and things*, Izd-vo im. Sabashnikovyh, Moscow, Russia. (In Russian).

Bourdieu, P. (2001), *Practical meaning*, Translated by Bikbov, A. T., Voznesenskaya, K. D. and Zenkin, S. N., in Shmatko, N. A. (ed.), Aleteya, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Veselov, Yu. V. (2015), "Everyday Nutrition Practices", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 95-104. (In Russian).

Veselov, Yu. V. (2015), "Modern social system of nutrition", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVIII (1), 68-82.

Montanari, M. (2009), *Hunger and abundance: the history of nutrition in Europe*. Alexandria, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Noskova, A. V. (2014), "Nutrition: Methodological Approaches to Research and Daily Practices", *Bulletin of MGIMO-University*, (6), 209-218. (In Russian).

Noskova, A. V. (2015), "Nutrition as an ob-

ject of sociology and a marker of social inequality”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, (3), 49-64. (In Russian).

Oldenburg, R. (2014), *Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “partying” as the foundation of the community*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (In Russian).

Patrushev, V. D. (2001), *Life of the townspeople*, Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Sorokin, P. A. (2003), *Hunger as a factor. The impact of hunger on people's behavior, social organization and social life*, Academia & LVS, Moscow, Russia. (In Russian).

Goloukhova, D. V., Zarubina, N. N., Karpova, D. N., Kravchenko, S. A. and Noskova, A. V. (2017), *Sociology of nutrition: traditions and transformations*, in Zarubina, N. N. and Kravchenko, S. A. (eds.), MGIMO-University, Moscow, Russia. (In Russian).

Logunova, L. Yu., Golovatsky, E. V., Mazhenina, E. A. and Niatina, N. V. (2018), “Smart” technologies of the life support system of Kuzbass cities: socio-political and sociocultural contexts, Kemerovo, Russia. (In Russian).

Halbwachs, M. (2000), *Social Classes and Morphology*, Institute of Experimental Sociology, Moscow, Aleteya, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Harvard University Press and Routledge & Kegan Paul, Cambridge, Mass., USA.

Carolan, M. (2012), *The Sociology of Food and Agriculture*, Routledge, New York, USA.

DeSoucey, M. (2010), “Gastronationalism: Food Traditions and Authenticity Politics in the European Union”, *American Sociological Review*, 75 (3), 432-455.

Fischler, C. (1988), “Food, Self and Identity”, *Social Science Information*, 27 (2), 275-292.

Hernández, J. and Arnaiz, M. (2008), “Preferences and Food Consumption: Pleasure, Convenience and Health”, *Social Studies Collection*, (24) [Online], available at: http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf (Accessed 13 November 2018).

Mennell, S. (1996), *All Manners of Food: Eating and Taste in England and France from the*

Middle Ages to the Present, University of Illinois Press, Chicago, USA.

Randolph M. A uniquely Spanish part of the meal [Online], available at: <http://www.bbc.com/travel/story/20180424-a-uniquely-spanish-part-of-the-meal> (Accessed 13 November 2018).

Randolph, M. A uniquely Spanish part of the meal [Online], available at: <http://www.bbc.com/travel/story/20180424-a-uniquely-spanish-part-of-the-meal> (Accessed 13 November 2018).

Social and Cultural Aspects of Drinking (2000), Drinking Occasions: Comparative Perspectives on Alcohol and Culture. A report to the Amsterdam Group, The Social Issues Research Centre, Oxford, UK.

Thornton, M. A. (1987), Sekt versus Schnaps an Austrian Village, in *Constructive drinking. Perspectives on Drink from Anthropology*, Cambridge, University Press, UK, 102-112.

Wen, T. What workers around the world for lunch [Online], available at: <http://www.bbc.com/capital/story/20180110-what-workers-around-the-world-do-for-lunch> (Accessed 13 November 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Логунова Лариса Юрьевна, профессор кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», доктор философских наук, доцент.

Маженина Екатерина Анатольевна, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», кандидат социологических наук, доцент.

Larisa Yu. Logunova, Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Ekaterina An. Mazhenina, Associate Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, PhD in Sociology, Associate Professor.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6

Любутов А.С.

**Метод структурной таксономии: возможности применения
для анализа социальных и духовных процессов**

Центр социологии молодёжи
Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
alexander501@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6042-169X

*Статья поступила 25 октября 2019 г.; принята 26 ноября
опубликована 30 декабря*

Аннотация. В статье описывается история возникновения и развития метода структурной таксономии, а также возможности его применения в научных исследованиях для построения структурных моделей и анализа духовных процессов, в чём современная социология остро нуждается. Дается описание методологии структурной таксономии, построения структурно-таксономических моделей. В качестве примера приведены результаты структурно-таксономического исследования проблемы «Отношение российской молодёжи к ключевым субъектам политики» и их интерпретация. Делается вывод о структуре общественного сознания российской молодёжи в контексте её отношения к политическим и общественным деятелям и институтам. В статье сделан вывод, что современная таксономия стала общенаучным (междисциплинарным) методом и научно-практическим направлением. В её задачи входит дальнейшее развитие принципов классификации и их практическое применение в конкретных исследованиях конкретных объектов, как материального мира, так и имеющих социальную, духовную или какую-либо иную виртуальную природу. Современная таксономия – это научное направление, объединяющее теорию и практику конструирования нового знания – выявления естественных типологий и их классификации.

Ключевые слова: структурная таксономия; параметр-образ; валентность¹ параметра-образа; базис структурно-таксономической модели; двухуровневая параметризация; кратчайший незамкнутый путь; сгущения-разрежения (облака) образов.

Информация для цитирования: Любутов А. С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 58-79. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6

¹В структурно-таксономическом анализе понятие валентности мы используем для обозначения количества связей образа с другими образами структурно-таксономической модели. Это понятие происходит от лат. Valentia – сила и определяет способность элемента-образа вступать в семантические связи с другими элементами-образами.

Alexander S. Lyubutov

**The method of structural taxonomy: research potential
for analysis of social and spiritual processes**

Center for Sociology of Youth
Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
alexander501@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6042-169X

*Received October 25, 2019; accepted November 26, 2019
published December 30, 2019*

Abstract. The article presents the method of structural taxonomy and its research capabilities for analyzing spiritual processes. The article describes the history of the emergence and development of the structural taxonomy method, as well as the possibility of its usage in scientific research for constructing structural models and analyzing spiritual processes, which modern sociology urgently needs. A description of the methodology of structural taxonomy and the construction of structural taxonomic models are given. As an example, the results of a structural-taxonomic study of the problem «The attitude of Russian youth to key political and public figures and institutions» and their interpretation are given. The conclusion is drawn about the structure of public consciousness of Russian youth in the context of its attitude to political and public figures and institutions. The article concludes that modern taxonomy has become a general scientific (interdisciplinary) method and a scientific and practical direction. Its tasks include the further development of classification principles and their practical application in specific studies of specific objects, moreover, both objects of the material world and those having a social, spiritual or any other virtual nature. Modern taxonomy is a scientific field that combines the theory and practice of constructing new knowledge – the identification of natural typologies and their classification.

Keywords: structural taxonomy; image-parameter; image-parameter valency; basis of the structural-taxonomic model; two-level parameterization, the shortest open path, condensation-rarefaction (cloud) of images.

Information for citation: Lyubutov A. S. (2019), “The method of structural taxonomy: research potential for analysis of social and spiritual processes”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 58-79. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6

*«Углублённое изучение уже известных групп, всё более разъясняя их взаимные соотношения, будет требовать других сопоставлений или, точнее сказать, перестановки членов. Нам кажется, что естественная система всегда будет подвергаться постоянным изменениям, так как каждая попытка может быть выполнена только в связи с состоянием научных знаний своего времени»
(Бэр², 1959)*

²Карл Максимович Бэр (1792-1876), один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, академик Петербургской академии наук, президент Русского энтомологического общества, один из основателей Русского географического общества.

Введение (Introduction). Таксономия как способ систематизации, классификации и упорядочения объектов родилась в биологии и именно благодаря таксономии биология завоевала статус полноценной науки¹, в которой таксономия, как научная процедура, занимает особое место. В социологии в тот же период также предлагались таксономические по сути классификации обществ².

Основной задачей таксономии является создание иерархической системы соподчинённых классов (групп, таксонов) объектов³ для построения естественной (т.е. «ненавязываемой») классификации объектов.

Хотя термин «таксономия» возник в начале XIX века⁴ как лаконичное название для метода классификации и упорядочения объектов в биологии, таксономия постепенно превратилась в общенаучную теорию и практику классификации. «По примеру биологии о таксонах стали говорить во многих других науках, в которых признано полезным различать естественные и

искусственные классификации» (Шаталкин, 2010: 9). Результаты таксономии по традиции также называют «таксономиями». Таксономии строятся в целях упорядочения информации о большом количестве объектов во многих областях знания (Горборукова, Кику, Сахарова, 2012; Дуда, Харт, 1976).

В современной науке таксономия представляет отдельное направление, в рамках которого изучаются и разрабатываются принципы, методы и правила классификации (Шаталкин, 2010). Сегодня она применяется не только для упорядочивания многообразия живой природы, но и для структуризации объектов, имеющих социальную природу (для систематизации и выявления внутренней структуры и иерархии взаимосвязей параметров). В таких задачах кроме статистических данных социологических опросов в качестве параметров могут выступать оцениваемые с помощью таблиц сопряжённости сущности – используемые в социальных науках и языкознании универсалии (Нарский, 1981). В качестве характеристического базисного пространства для таких задач обычно используется либо пространство респондентов, либо исследователи выбирают некоторую совокупность параметров «сказуемых» (из таблиц сопряжённости), задающих конкретный контекст исследования (Леванский, Любутов, 1994: 27-41).

Многомерная структуризация (структурная таксономия) выбранных показателей (параметров-образов) проводится в базисном пространстве, определяемом множеством респондентов, экспертов, индивидуальных или групповых субъектов.

Методология и методы (Methodology and methods). Развитие таксономии в процессе научно-практических исследований в разных науках происходило по двум направлениям.

Первое направление развивалось в рамках многомерного анализа в научных исследованиях в целом ряде наук: биология-ботаника-зоология-генетика-фенетика-медицина-психология-фармацевтика, а

¹Научная революция стимулировала активное развитие многих естественных наук, но биология, к началу XVIII века накопившая большой объём неструктурированных знаний, существенно отставала. Биология стала полноценной наукой только после того как в середине XVIII века Карл Линней предложил и сформулировал основные идеи и положения научной систематики, научного направления систематизации живых существ, и реализовал их на практике. Систематика, предложенная Линнеем, представляет классический пример таксономии на основе сходства.

²В качестве примера можно привести системы классификации обществ Г. Спенсера и У. Г. Рансимена, которые использовали свои системы классификации в качестве модели. Если учесть популярность в конце XIX века идей Г. Спенсера, основателя органической школы в социологии, и его организмического подхода к жизнедеятельности социума, то перенос метода иерархической классификации из биологии в социальную науку представляется вполне естественным.

³В качестве классифицируемых «объектов» в социологии часто рассматриваются и «измеримые параметры конкретного предмета исследования».

⁴Термин «таксономия» происходит от древнегреческого τάξις – строй, порядок и νόμος – закон) и означает учение о принципах и практике классификации и систематизации сложноорганизованных иерархически соотносящихся сущностей. Этот термин предложил швейцарский ботаник Огюстен Декандоль в 1813 году (См. Википедия: Таксономия).

также в этнографии и структурной лингвистике. Это направление таксономии развивалось в процессе решения задач группировки измеримых параметров, то есть разбиения, кластеризации всего множества параметров на группы (классы, таксоны) для минимизации количества информации, достаточного для адекватного описания объекта или предмета исследования, и в соответствии с применяемым методом получило название «теории плеяд»⁵.

Метод корреляционных плеяд предназначен для нахождения групп параметров (или объектов), названных «плеядами», для которых усреднённая корреляционная связь между параметрами одной группы (внутриплеядная связь) достаточно велика, а связь между параметрами из разных групп (межплеядная связь) мала. По определённому правилу из корреляционной матрицы получают граф, который с помощью различных приёмов разбивается на подграфы. Множество элементов каждого полученного подграфа называют плеядой, т.е. группой близких и неотделимых друг от друга элементов. (Терентьев, 1959, 1960).

Получаемые с помощью метода корреляционных плеяд группировки параметров позволяют во многих случаях получить оценку значений трудноизмеримых (или вообще неизмеримых) значимых характеристик всего лишь по одному или нескольким измеримым «маркерным» параметрам соответствующей группы (плеяды). Вслед за биологами метод корреляционных плеяд стал активно применяться в психологии (ЛГУ). Дальнейшее развитие методика применения метода корреляци-

онных плеяд получило в работах Н. С. Ростовской (Ростова, 2002, 2008).

Второе направление сформировалось на стыке прикладной математики, а именно иерархического кластерного анализа (Загоруйко, 1999; Мандель, 1988; Уиллиамс, Ланс, 1986) и распознавания образов (Горелик, 1989; Гренандер, 1979-1983.), и получило название «структурная таксономия». Оно развивалось отдельно как самостоятельное направление в процессе решения задач автоматической классификации, требовавшихся для анализа сложных проблем. В этот же период структурная таксономия стала активно применяться в социальных науках (Леванский, 1986; Леванский, Бажанова, 1990; Леванский, Любутов, 1997; Любутов, Леванский, Киприянова, 2004; Любутов, 1997, 2000, 2002, 2003, 2004, 2007).

В структурной таксономии большое значение придаётся выявлению, с помощью нескольких разных принципов структуризации⁶, структуры существенных связей, оцениваемых с помощью той или иной меры близости. Большое значение придаётся разбиению множества параметров (или объектов) на естественные классы по полученной структуре существенных связей, и анализу результатов такого разбиения на классы, совместно с анализом структуры взаимосвязей – таксонов, слоёв, узлов («созвездий»), уровней.

В методе структурной таксономии используются два алгоритма: алгоритм кратчайшего незамкнутого пути (КНП)⁷ и

⁵В конце 50-х годов прошлого века российский учёный профессор П. В. Терентьев предложил использовать корреляционные плеяды. Занимаясь анализом корреляционных матриц (корреляций между множеством различных признаков), он разбил признаки по абсолютной величине коэффициентов корреляции на две группы: группу с малыми по величине корреляциями и группу с большими по величине корреляциями. Эти группы П. В. Терентьев назвал «плеядами» и предложил несколько способов их анализа. Метод Терентьева известен в современной науке как метод корреляционных плеяд (Терентьев, 1959: 137-141; 1960: 27-36).

⁶Используются следующие принципы структуризации, предложенные для структурно-таксономических исследований российским социологом В. А. Леванским (ИГП РАН, Москва): структуризация по «максимальной близости», структуризация по «максимальному отталкиванию», структуризация по «максимальной оригинальности», структуризация по «минимальной оригинальности».

⁷Ученик П. В. Терентьева и последователь Л. К. Выханду С. пути (Выханду, 1964: 19-22) с идеей метода корреляционных плеяд (Терентьев, 1960: 27-36.). В результате применения алгоритма КНП строится граф, называемый кратчайшим незамкнутым путём (КНП), на языке метрик-расстояний – минимальным (для структуризации по «максимальной близости») или максимальным (для структуризации по «максимальному отталкиванию») покрывающим деревом или каркасом. Это дерево харак-

агломеративный⁸ (или восходящий) алгоритм иерархической кластеризации (таксономии)⁹.

Структурная таксономия не ограничивается выделением каркаса связей и разбиением на естественные (Шаталкин, 2010: 9) классы (группы, кластеры, таксоны). В структурной таксономии в отличие от теории плеяд большое значение придаётся самой структуре наиболее значимых (наиболее существенных) взаимосвязей измеримых параметров внутри таксона и между таксонами, и, в меньшей степени, – внутренним слоям таксона и многоуровневой иерархии получаемого множества таксонов.

Общее для этих двух направлений таксономии то, что в каждом выделяемом классе (группе, кластере, таксоне) параметры объекта исследования, являющегося по определению многомерным, тесно связаны между собой, в то время как связи между параметрами из разных групп менее тесные.

Наиболее тесной связью между параметрами по определению является функциональная зависимость¹⁰, когда каждому значению одного из параметров однозначно соответствует определённое значение другого параметра. На практике же связь между параметрами, как правило, статистическая, часто неявная, проявляющаяся лишь в виде тенденции. В таких случаях говорить можно только о том, что

теризуется соответственно минимальной (для структуризации по «максимальной близости») либо максимальной (для структуризации по «максимальному отталкиванию») суммой длин рёбер.

⁸Для агломеративного (или восходящего) алгоритма иерархической кластеризации характерно то, что объекты объединяются во всё более и более крупные кластеры. В начале работы алгоритма каждый объект считается отдельным одноэлементным кластером. Затем запускается процесс слияния – для принципа структуризации по «максимальной близости» новый кластер образуется присоединением «ближайшего соседа» и т.д.

⁹См. напр., Воронцов К.В. Методы кластеризации – http://shad.yandex.ru/lectures/machine_learning.xml; GNU Octave – <http://www.gnu.org/software/octave/>.

¹⁰Функциональная зависимость между параметрами, когда каждому значению одного из параметров соответствует определённое значение другого параметра, встречается крайне редко.

увеличение одного из параметров в среднем соответствует увеличению или уменьшению другого, т.е. абсолютного соответствия между параметрами нет. Если в качестве меры близости используется коэффициент линейной корреляции Пирсона, то такую связь условно называют корреляционной, хотя корреляция может быть «ложной»¹¹.

Ключевым понятием таксономии является таксон – естественный, заранее не заданный класс объектов. «Поскольку таксоны представляют собой естественные группы (в противоположность искусственным, произвольным объединениям), то проблема естественности является ключевой в таксономии. Прилагательное «естественный» (природный) применительно к классификациям может пониматься двояко. Во-первых, когда говорят о классификации природных объектов (в противоположность искусственным) и, во-вторых, когда имеют в виду системы, отражающие природные явления и закономерности. Какие именно? Обычно дают следующий ответ: объекты объединяются в таксон не случайным образом, но в соответствии с их природной (естественной) упорядоченностью. (...) естественную классификацию природных объектов можно противопоставить классификациям тех же объектов, сделанных с той или иной утилитарной целью. Возможное структурное различие этих классификаций будет, очевидно, определяться различиями в используемых признаках. (...) Основанием для выделения любых групп (не только таксономических)

¹¹В корреляционной матрице все параметры связаны между собой коэффициентами линейной корреляции Пирсона. Поскольку не соблюдается условие «нормального распределения» для переменных, изначально говорить можно только о статистической связи с мерой близости «коэффициент линейной корреляции» между параметрами. Явление «ложной корреляции» возникает, когда две независимых величины (параметра, показателя) меняются почти синхронно из-за влияния на них какой-то третьей переменной. Расчёт коэффициента корреляции даёт в этом случае очень высокое значение, что может подталкивать исследователя к ложным выводам о наличии причинно-следственной связи между независимыми явлениями.

служит сходство принадлежащих им объектов в признаках. Поэтому таксоны включают объекты, объединяемые неслучайным сходством. Со времён античности категория случайности противопоставлялась категории существенности. Отсюда следует, что таксоны естественной системы должны выделяться по существенным признакам. Если связывать таксоны с существенными признаками, то таксономию можно определить, как науку, изучающую природные объекты с точки зрения существенных свойств» (Шаталкин, 2010: 9-10).

Задачи таксономии формулируются из общих принципов систематики и сводятся к следующему:

1. Выявление естественных («ненавязываемых», заранее не заданных) классов объектов (таксонов).

2. Выявление иерархической системы соподчинённости классифицируемых объектов и их классов (таксонов).

3. Описание таксонов и присвоение им имён или ярлыков.

4. Интерпретация всей полученной совокупности таксонов как Естественной Системы (Таксономической Модели).

При этом в таксономии всегда предполагается, что:

1. Разнообразии, с которым сталкивается исследователь, всегда обладает некоторой внутренней структурой.

2. Эта структура имеет иерархическое строение, то есть таксоны и их элементы (параметры, объекты) последовательно соподчинены.

3. Структура разнообразия всегда привязана, хотя не всегда однозначно, к проблемному пространству (к семантике изучаемой проблемы).

В современную социологию «второе пришествие» таксономии произошло в 70-х годах прошлого века. Метод структурной таксономии имеет и другие названия, например, «метод самообучения ЭВМ», «иерархическая кластеризация», или просто «автоматическая классификация» (Любутов, 2002: 106-114). Этот метод разрабатывался с середины XX-го столетия в рам-

ках «распознавания образов» (Lenis, 1961; Вапник, Червоненкис, 1974), одного из актуальнейших направлений прикладной математики и искусственного интеллекта.

В результате появились эффективные алгоритмы «иерархической кластеризации», активно используемые сегодня в социальных науках для выявления структуры и иерархии внутренних связей параметров слабо структурируемых, трудно формализуемых социальных объектов. В качестве числовых значений характеристик параметров используются результаты прямых измерений (например, результаты социологических опросов и экспериментов, таблицы сопряжённости), либо статистические данные, либо результаты экспертного оценивания. Базисное пространство определяется множеством респондентов, экспертов, индивидуальных или групповых субъектов, либо совокупностью параметров-«сказуемых» из таблицы сопряжённости. При работе с таблицами сопряжённости параметры, выбираемые в качестве «сказуемых», задают характеристическое пространство, определяющее многомерную систему координат (контекст, базис), соответствующую конкретной постановке задачи исследования.

Таким образом, многомерная структуризация (структурная таксономия) выбранных показателей (параметров-образов) проводится в пространстве респондентов, экспертов, индивидуальных или групповых субъектов, или в пространстве характеристик-«сказуемых» таблицы сопряжённости.

Элементы (параметры), выбираемые в качестве «подлежащих», трактуются как «образы». Специальные компьютерные программы анализируют всю совокупность позиционированных в многомерном базисном пространстве «образов», на основе формального векторного представления, на предмет сгущений-разряжений. В качестве мер близости чаще всего используются коэффициент линейной корреляции Пирсона и метрика евклидова расстояния.

Виртуальные сущности (универсалии), с которыми имеют дело социальные

исследователи при изучении общественно-го сознания и духовной сферы, в частности, при изучении Коллективного Бессознательного, также могут использоваться в таблицах сопряженности как в качестве образов-«подлежащих», так и в качестве «сказуемых»-характеристик базиса. Количественные оценки можно получать из экспертных опросов или как результат прямых и косвенных измерений (по ответам респондентов на вопросы анкеты в социологических исследованиях). Таким образом, например, можно получить структуру взаимосвязей показателей механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи в социокультурном пространстве (Зубок, Чупров, Любутов, 2019: 15-35).

На начальных этапах конкретных исследований, получаемые посредством таксономии классификации, в результате «человеческого фактора», могут грешить излишней субъективностью, нести на себе оттенок «навязанности». Это происходит, когда недостаточность информации заменяется интуицией и когда перспективы дальнейших исследований не вполне ясны. Тем не менее, структурная таксономия всегда, и прежде всего, ориентируется на получение естественных типологий и естественных структур взаимосвязей элементов (параметров-образов).

Целью проведения конкретного структурно-таксономического исследования также может быть выявление иерархической структуры внутренних связей между реально существующими (в том или ином проблемном поле) параметрами объекта исследования – для выявления тенденций, закономерностей, механизмов и т.п.

С появлением новых теорий и концепций могут меняться основания структуризации, по которым проводятся структурная таксономия – в этом случае типологии и структуры взаимосвязей тоже могут изменяться¹².

Формальным результатом структурной таксономии является древообразная

структура классификационного разбиения изучаемого набора объектов или параметров. Вверху этой структуры находится корневой таксон, – который относится ко всем объектам данной таксономии. Таксоны, находящиеся ниже корневого, представляют более специфические классификации, которые относятся к подмножествам общего набора классифицируемых объектов.

С точки зрения структурной таксономии социальные и духовные процессы как предмет социологического исследования выступают в качестве многомерного объекта. Такие объекты трудно формализуемы и, как правило, недоступны для прямого измерения. Для их формального описания требуется достаточно большое количество параметров, поддающихся опосредованному измерению (или экспертной оценке). Результаты таких измерений социального объекта всегда имеют дискретный характер.

Структура взаимосвязей образов-параметров, характеризующих духовные процессы и являющихся сложными по определению, подвижна и в обычной ситуации «дышит в пределах функции», но в некоторые моменты эта структура может претерпевать резкие изменения, т.е. ломаться, радикально перестраиваться, что свидетельствует о серьезных «структурных сдвигах» в социальном и духовном пространстве социума. Таким образом, по динамике структуры взаимосвязей параметров («структурных портретов») социально-духовного пространства, рассматриваемой как его проекция на пространство нашего восприятия, можно оценивать и прогнозировать социальную динамику жизнедеятельности и поведения социальных групп и общества в целом, то есть определять наиболее вероятные сценарии развития социальных событий, в том числе и чрезвычайных.

Важнейшим фактором сложности социального объекта является его изменчивость, отражающаяся в динамике структур взаимосвязей параметров. Чем сильнее

¹²Примером этого может служить переход от биологии «до Дарвина» к постдарвинистской биологии.

структурная динамика объекта, тем сложнее объект для исследования, тем больше ощущается необходимость в мониторинговых исследованиях (Любутов, Леванский, Киприянова, 2004).

Теоретическая Концепция представляет собой вербальную модель (схему, описание), в которой, в самом общем виде, имевшееся ранее агрегированное знание об объекте и предмете исследования объединяется с обновлённым видением объекта, подкреплённым эмпирическими данными, и с новыми научными гипотезами. На уровне конкретных социологических исследований Концепция выполняет роль «перекидного моста» между социологическим теоретизированием и конкретными потребностями общества и социальной практики.

При постановке задачи для построения структурно-таксономической модели для каждой модели формируется словарь, который задаёт проблемное пространство модели и, вместе с измеренными данными, представляет собой сокращённый вариант всей проблемы. Визуализация результатов конкретной структурно-таксономической модели представляется в виде структурно-таксономической карты и позволяет увидеть в такой модели обобщённую суть проблемного материала.

Структурно-таксономическая модель представляет собой систему параметров-образов («подлежащих» из словаря модели), объединяемых с помощью специальной процедуры (алгоритма) самыми существенными (по формальному критерию максимальной близости) связями в связный ациклический граф. В получаемой совокупности и в уникальности структуры связей этих элементов содержится открывающийся опытному исследователю-интерпретатору предметно-содержательный смысл, позволяющий конструировать гипотезы, определять направление и содержание дальнейших уточняющих исследований.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Для со-

циологии молодёжи, занимающейся сегодня изучением сложных духовных процессов, одним из важных тематических направлений, чрезвычайно актуальной оказывается проблема таксономического структурирования (выявление внутренней структуры) предмета исследования, имеющего виртуальную природу и связанного со сложными проблемами социальной и духовной динамики жизнедеятельности молодёжи и всего социума.

Среди таких проблем можно перечислить проблемы, исследованием которых занимается Центр социологии молодёжи ИСПИ РАН:

- выявление тенденций изменения общественного сознания молодёжи,
- понимание механизма самоорганизации жизнедеятельности молодёжи,
- мировоззренческий выбор смысловых ценностей и ориентаций,
- типология культуры и самых популярных субкультур в среде молодёжи,
- место и роль архетипов и габитусов в духовном пространстве молодого поколения,
- усвоение и проявление черт национального менталитета, а также новых, воспринимаемых обществом критически, современных черт.

Сегодня социология молодёжи, в рамках изучения аксиологической проблематики, опираясь на результаты конкретных исследований и на методологию структурной таксономии, способна решать задачи выявления естественных (заранее не заданных) типологий. Это представляется крайне важным для развития теории и для эффективной практики молодёжной политики.

Структурно-таксономическое моделирование самоорганизации духовных процессов в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, которое проводится Центром социологии молодёжи в соответствии с теоретической Концепцией, представляет научно-практический уровень социологического исследования.

С помощью структурной таксономии можно строить типологии территорий (районов, регионов, стран) по разным спектрам/ наборам характеристик жизнедеятельности молодёжи, например, по спектру ценностных ориентаций, по демографическим показателям, по результатам выборов, по спектру наркосознания (Любутов, 2003), и т.д. Есть возможность выявлять естественную расстановку (типологию) политических, социально-политических и других ориентаций молодого поколения (в стране, регионе, районе, городе). Можно классифицировать респондентов в характеристическом пространстве, заданном конкретными ответами на конкретные вопросы анкеты, и, таким образом, получать типологию молодёжи по конкретному комплексному основанию, задаваемому многомерным базисом.

Таким образом, можно выявлять «естественные» типологии в структурах молодёжного сознания, выявляемые по тем или иным комплексным основаниям, задаваемым характеристическим пространством. Например, можно выявлять внутреннюю структуру взаимосвязей параметров-образов, являющихся показателями механизма саморегуляции в базисном пространстве самоорганизации, включая при этом в состав параметров-образов показатели коллективного бессознательного, проявления которого удаётся фиксировать с помощью анкетных обследований (Зубок, Чупров, Любутов: 2019).

Следует заметить, что, несмотря на то, что духовные процессы отличаются большим разнообразием и неоднородностью, и это заставляет исследователей учитывать различные, нередко разнородные, показатели (параметры), структурная таксономия позволяет выявлять соотношение и структуру взаимосвязей образов-показателей в конкретном базисном характеристическом пространстве, отражающем контекст исследования. Это даёт возможность визуализировать и изучать внутреннюю структуру и динамику духовного пространства.

Для социологов большой интерес представляют не только структуры взаи-

мосвязей показателей, рассматриваемых традиционно в пространстве респондентов, но и структуры конкретного проблемного пространства, задаваемого таблицей сопряжённости («подлежащие*сказуемые»)¹³, т.е. структуры взаимосвязей образов-показателей («подлежащих») в многомерной системе координат (параметров-характеристик базиса, «сказуемых»)¹⁴.

В этом случае говорят о двухуровневой параметризации исследуемой проблемы, рассматриваемой в данном контексте как многомерный объект. Параметры первого уровня – это показатели, которые служат элементами структуры и рассматриваются в структурной таксономии в качестве «образов». Параметры второго уровня – это характеристические признаки, определяющие многомерное координатное/базисное пространство. Совокупность характеристических признаков формируется также из показателей (параметров) изучаемой проблемной ситуации. Они определяют «систему координат» исследуемой проблемы, представляя собой, по сути, набор шкал для многомерной характеристики каждого «образа», и являются характеристическим базисом проблемного пространства¹⁵.

«Образы» в многомерном пространстве расположены неравномерно, всегда есть «сгущения-разрежения», или «облака». Задача структурной таксономии выявить эту неравномерность распределения «образов», разбить всю структуру на естественные (т.е. заранее не заданные) классы-таксоны, имеющие свою внутреннюю

¹³Каждый характеристический показатель задаёт свою ось в системе координат. Количество осей определяет размерность многомерного пространства. Вся совокупность характеристических признаков называется базисом характеристического пространства.

¹⁴Для этих целей в качестве исходной информации обычно используются таблицы сопряжённости, в которых и «подлежащими» (элементами-образами) и «сказуемыми» (характеристическими признаками, выбранными в качестве базисных) служат показатели анкеты.

¹⁵Каждый показатель (в контексте структурной таксономии – «образ»), рассматривается как точка многомерного (n-мерного) пространства, которой соответствует многомерный вектор. Каждый «образ», и соответствующий ему многомерный вектор, характеризуется набором из n числовых координат – числовых значений, координат по каждой числовой оси.

структуру, получить их иерархию.

Этот подход используется в социологических исследованиях давно (Леванский, 1986). В 2000 г. автором была защищена междисциплинарная диссертация на тему «Метод проективной структуризации объекта социальной природы»¹⁶ (Любутов, 2000). В комплексном методе проективной структуризации, объединившем три метода структуризации в единую информационную технологию, метод структурной таксономии играет главную роль.

Пример структурно-таксономического исследования: структурно-таксономическая модель распределения отношения молодёжи к ключевым субъектам политики (структурно-таксономический анализ).

В качестве примера структурно-таксономического исследования из соображений наглядности представлена интуитивно понятная и не требующая дополнительного описания проблемной ситуации структурно-таксономическая модель¹⁷ распределения отношений российской молодёжи к ключевым субъектам политики.

¹⁶Метод проективной структуризации является комплексным и объединяет три метода структуризации разного уровня, что позволяет использовать его одновременно на концептуальном, стратегическом и оперативном уровнях анализа и управления. Методы структурно-логического моделирования (для построения частных экспертных исходя из целостного, на уровне проблемы, представления об объекте) и структурно-когнитивного моделирования (для оценки и выбора варианта решения) позволяют использовать дедуктивный подход. Методы структурно-таксономического и структурно-когнитивного моделирования (на уровне концептуальной модели) представляют инструмент для реализации индуктивного подхода. Комплексный метод проективной структуризации позволяет комплексно оценивать состояние и динамику жизнедеятельности объекта социальной природы (социальной группы, территории, экономико-политической ситуации и т.п.), и таким образом, обеспечивать социальный мониторинг и управление. Основные принципы проективной методологии исследования объектов социальной природы и их гносеологического моделирования можно найти в работах В. А. Штоффа и Д. П. Горского.

¹⁷В качестве исходных данных для структурной таксономии использовались результаты социологического исследования, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ РАН в 2017 г. в 7 субъектах РФ, в 28 населённых пунктах. Выборка молодёжи в возрасте 15-19 лет составила 803 чел. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Рук. исследования Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

В качестве элементов-образов для построения структурно-таксономической модели из анкеты выбраны 20 основных показателей отношения молодёжи к ключевым субъектам политики, а в качестве характеристических признаков базисного пространства – 48 показателей смысловых ценностей и предпочтений российской молодёжи¹⁸. В результате проведённой таксономии получена структура распределения и группировки отношения молодёжи к действующим лидерам, структурам власти и институтам. По аналогичной методике было проведено исследование процессов самоорганизации молодежи (Зубок, Чупров, Любутов, 2019).

¹⁸Любовь (Love), Спокойная безбедная жизнь (Calm comfortable life), Самореализация (Self-realization), Продолжение себя в будущих поколениях (Continuation of oneself in future generations), Стремление к истине (The pursuit of truth), Борьба за справедливость (Fight for justice), Политическая борьба (Political struggle), Архетип Судьбы (Archetype of Fate), Архетип Добра (Archetype of Good), Архетип Совести (Archetype of Conscience), Архетип Правоты власти (Archetype of the Rightness of Power), Архетип Вины (Archetype of Guilt), Архетип Славы (Archetype of Glory), Архетип Спасителя (Archetype of the Savior), Идеализация прошлого (Idealization of the Past), Духовная культура (Spiritual culture), Инновационная культура (Innovative culture), Культура физического развития (Culture of Physical Development), Гедонистическая культура (Hedonistic culture), Адаптационная культура (Adaptation culture), Культура моральной аномии (The culture of moral anomie), Любовь к своему отечеству (Love for your own country), Милосердие (Mercy), Честь, достоинство (Honor, Dignity), Любовь к ближнему (Beneficence), Подозрительность в отношении к иностранцам (Suspicion towards foreigners), Отношение к стране как к месту проживания (Relation to the country as a place of residence), Жалостливость (Pity), Стремление отстаивать права человека (The desire to uphold human rights), Рационализм (Rationalism), Открытость ко всему иностранному (Susceptibility and Openness to all the foreign), Быть не похожим на других (Not like others), Самоощущение избранности (Self-awareness of the chosen), Быть в центре внимания, эпатировать окружающих (Be the center of attention, shock others), Протест против официоза (Protest against officials/bureaucracy), Бегство от действительности (Escaping from reality), Свобода без ограничений (Freedom without limits), Противостояние «свои-чужие» (Confrontation «friends or foes»), Активная жизненная позиция (Active life position), Пассивная жизненная позиция (Passive life position), Чувствительность (Sensitiveness), Расчётливость (Captive), Постоянство (Constantity), Изменение (Change), Предсказуемость (Predictability), Риск (Risk), Доверие окружающим (Trust to others), Недоверие окружающим (Distrust to others).

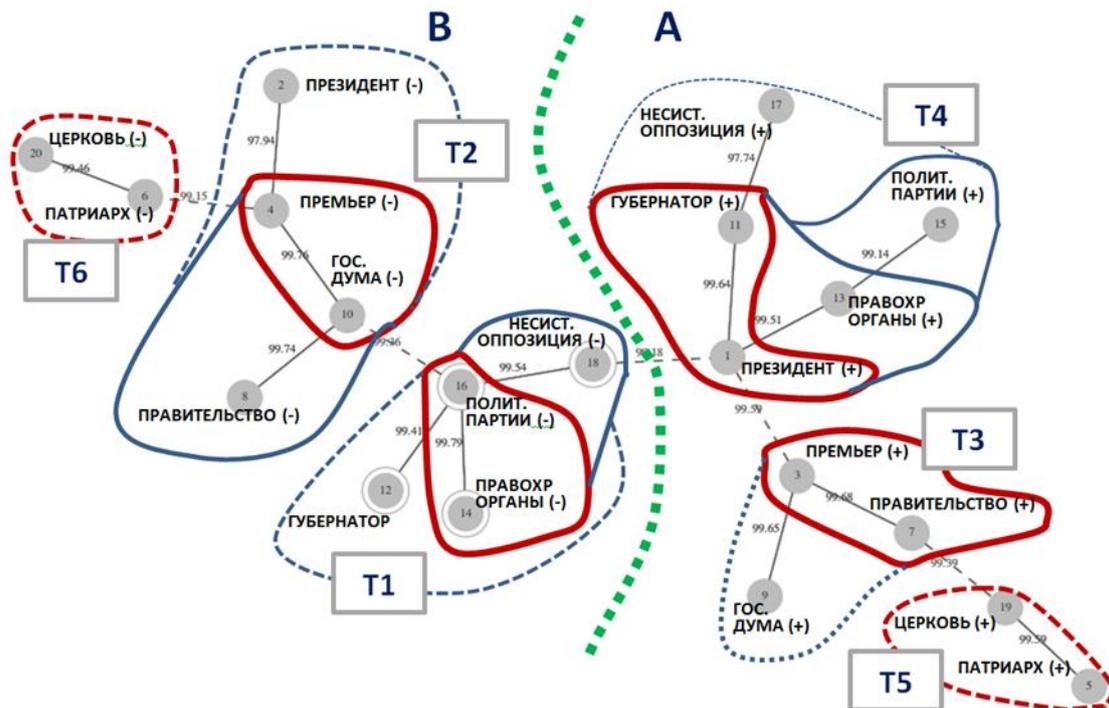

Рис. Структура отношения молодёжи к основным субъектам политики
Fig. The structure of youth attitude to the general subjects of politics

Полученная таксономическая структура отражает распределение отношений молодёжи к ключевым субъектам политики, рассматриваемым в контексте жизнедеятельности молодёжи (см. табл. 2). В качестве меры близости (парной корреляции) использовался коэффициент корреляции Пирсона. Результаты структурной таксономии представлены в виде структурно-таксономической карты на рисунке 1 и в таблице результатов структурно-таксономического исследования (см. табл. 1).

При проведении таксономии выделены шесть таксонов T1, T2, T3, T4, T5, T6. На втором уровне таксономии таксоны первого уровня рассматриваются как самостоятельные «групповые» образы, и разбиваются на две группы второго уровня (А и В), разделённые на рисунке пунктирной линией. В группу А, представляющую все позитивные оценки отношения (позитивные имиджи субъектов политики), вошли таксоны T3, T4 и T5, а в группу В, представляющую все негативные оценки отношения (негативные имиджи субъектов отношения) – таксоны T1, T2 и T6. Все так-

соны, кроме T5 и T6, разбивается на слои. Для каждого таксона верхний слой (ядро таксона) выделен жирной линией, периферийные слои обозначены пунктирной линией. Результаты разбиения представлены в таблице 1.

При проведении таксономии выделены шесть таксонов T1, T2, T3, T4, T5, T6. На втором уровне таксономии таксоны первого уровня рассматриваются как самостоятельные «групповые» образы, и разбиваются на две группы второго уровня (А и В), разделённые на рис. 1 пунктирной линией. В группу А, представляющую все позитивные оценки отношения (позитивные имиджи субъектов политики), вошли таксоны T3, T4 и T5, а в группу В, представляющую все негативные оценки отношения (негативные имиджи субъектов отношения) – таксоны T1, T2 и T6. Все таксоны, кроме T5 и T6, разбивается на слои. Для каждого таксона верхний слой (ядро таксона) выделен жирной линией, периферийные слои обозначены пунктирной линией. Результаты разбиения представлены в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

Результаты структурно-таксономического исследования
The results of the structural taxonomy study

ТАКСО- НЫ 2-го уровня TAXONS 2nd level	Таксо- ны 1-го уровня TAX- ONS 1st level	1-й слой <ядро> 1st layer <core>	2-й слой 2nd layer	3-й слой 3rd layer	4-й слой 4th layer
Группа А Group A	T3	ПРЕМЬЕР (+), ПРАВИТЕЛЬСТВО (+) PREMIER (+), GOVERNMENT (+)	ГОСДУМА (+) THE STATE DUMA (+)	---	---
	T4	ПРЕЗИДЕНТ (+) (v=4) ГУБЕРНАТОР (+) PRESIDENT (+) (v=4) GOVERNOR (+)	НЕСИСТЕМ. ОППОЗ. (+) NON-SYSTEM OPPOSITION (+)	ПРАВООХ. ОРГАНЫ (+) LAW EN- FORCEMENT BODIES (+)	ПОЛИТ. ПАРТИИ (+) POLITICA L PARTIES (+)
	T5	ЦЕРКОВЬ (+), ПАТРИАРХ (+) CHURCH (+), PATRIARCH (+)	---	---	---
Группа В Group B	T1	ПОЛИТ.ПАРТИИ (-) (v=4), ПРАВО- ОХР.ОРГАНЫ (-) POLITICAL PAR- TIES (-) LAW ENFORCE- MENT BODIES (-)	ГУБЕРНАТОР (-) GOVERNOR (-)	НЕСИСТ ОППОЗ. (-) NON-SYSTEM OPPOSITION (+)	---
	T2	ПРЕМЬЕР (-) (v=3) ГОС.ДУМА (-) PREMIER (-) (v=3), THE STATE DU- MA(-)	ПРАВИТЕЛЬ- СТВО (-) GOVERNMENT (-)	ПРЕЗИДЕНТ (-) PRESIDENT(-)	
	T6	ЦЕРКОВЬ (-), ПАТРИАРХ (-) CHURCH (-), PATRIARCH (-)	---	---	---

При проведении таксономии выделе-
ны шесть таксонов T1, T2, T3, T4, T5, T6.
На втором уровне таксономии таксоны
первого уровня рассматриваются как само-

стоятельные «групповые» образы, и разби-
ваются на две группы второго уровня (А и
В), разделённые на рис. 1 пунктирной ли-
нией. В группу А, представляющую все

позитивные оценки отношения (позитивные имиджи субъектов политики), вошли таксоны Т3, Т4 и Т5, а в группу В, представляющую все негативные оценки отношения (негативные имиджи субъектов отношения) – таксоны Т1, Т2 и Т6. Все таксоны, кроме Т5 и Т6, разбивается на слои. Для каждого таксона верхний слой (ядро таксона) выделен жирной линией, периферийные слои обозначены пунктирной линией. Результаты разбиения представлены в таблице 1.

Содержательный анализ полученных результатов.

Группа А: таксоны Т3, Т4, Т5.

Таксон Т3: Ядро таксона (слой Т3-1) представляют два образа: ПРЕМЬЕР (+) и ПРАВИТЕЛЬСТВО (+). На периферии таксона Т3 (на втором слое) находится ГОСДУМА (+). Таксон Т3 – третий по силе связей (по «плотности облака»). Образ ПРЕМЬЕР (+) является узлом с валентностью $v=3$. Таксон Т3 связан с таксоном Т4 и таксоном Т5. Это таксон «тройственного позитива – положительное отношение к Премьеру, Правительству и Госдуме».

Таксон Т4: Ядро Т4 (слой Т4-1): ПРЕЗИДЕНТ (+) (валентность $v=4$) ГУБЕРНАТОР (+). На втором слое (Т4-2) находится НЕСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ (+). На третьем слое (Т4-3) – ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ (+). На четвёртом слое (Т4-4) – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ (+). Таксон Т4 связан с таксоном Т1 (из группы В) и таксоном Т3. Учитывая то, что в этот таксон вместе с положительным отношением к Президенту попало позитивное отношение к Несистемной Оппозиции, назовём этот таксон таксоном «конструктивного позитива», отражающего надежду молодёжи на конструктивное сотрудничество действующей власти и несистемной оппозиции.

Таксон 5: В этом таксоне только два элемента: ЦЕРКОВЬ (+) и ПАТРИАРХ (+). Это таксон «позитивного отношения к Церкви и Патриарху».

Группа В: таксоны Т1, Т2, Т6.

Таксон 1: Ядро (Т1-1): ПОЛИТИЧЕСКИЕ

ПАРТИИ (-) ($v=4$) и ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ (-). Второй слой (Т1-2) – ГУБЕРНАТОР (-). Третий слой (Т1-3) – НЕСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ (-). Этот таксон оказывается самым «плотным облаком» отношений, именно с него алгоритм таксономии начинал формировать структуру таксономической модели. С большой вероятностью можно предположить, что геометрический центр всей топологии (исследуемой совокупности отношений в многомерном пространстве) находится в таксоне Т1¹. Таксон Т1 характеризуется самыми сильными связями между элементами («образами») и является центром всей структуры, именно эти варианты негативного отношения к субъектам власти доминируют в молодёжном сознании. Этот таксон можно назвать таксоном «сгустка негатива». Главными «раздражителями» в молодёжном восприятии политического пространства оказываются Политические партии, Правоохранительные органы и Губернатор.

Отрицательное отношение к Политическим партиям оказывается мощным узлом ($v=4$) в ядре самого плотного корневого таксона структуры, и оно связано с отрицательным отношением к Правоохранительной Системе (суды, прокуратура, полиция), а отрицательное отношение к Несистемной оппозиции оказывается ближе всего к отрицательному отношению к Политическим Партиям. По-видимому, для большей части российской молодёжи Несистемная Оппозиция по своей сути и организации практически является политической партией, по тем или иным причинам пока не зарегистрированной, поэтому молодые люди не видят разницы.

Сильная связь элементов ядра Т1-1, негативного отношения к Правоохранительным органам и Политическим партиям, – вполне понятна – именно партии определяют политическую атмосферу, влияют на разработку и принятие непопу-

¹Для более точного ответа требуется дополнительное исследование.

лярных законов, которые жёстко исполняются правоохранительными органами (судами, прокуратурой, полицией).

Негативное отношение к Государственной Думе, непосредственно связанное с негативным отношением к Политическим Партия, находится в таксоне Т2. Именно эта связь служит «перекидным мостиком» между двумя основными таксонами негатива Т1 и Т2.

Таксон 2: Ядро таксона Т2 (слой Т2-1): ПРЕМЬЕР (-) ($v=3$) и ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (-). На втором слое Т2-2 находится ПРАВИТЕЛЬСТВО (-), сильнее всего этот элемент связан с элементом ядра ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (-). На третьем слое Т2-3 – ПРЕЗИДЕНТ (-). Это таксон влияния на имидж и рейтинг Президента «негативного имиджа» Премьера. Негативный имидж Госдумы и Правительства на рейтинг Президента прямо не влияют, их влияние на отношение молодёжи к Президенту происходит опосредованно через негативный имидж Премьера.

Негативное отношения к Премьеру связано в молодёжном сознании с негативным отношением к Правительству также опосредованно – через негативный имидж Госдумы, хотя именно Премьер формирует кабинет министров, за работу которого и отвечает.

То, что негативный имидж Президента связан с элементом ядра негативным имиджем Премьера, находится на периферии таксона Т2 и является терминальным (периферийным) элементом структуры таксона Т2, говорит о том, что на имидж и рейтинг Президента негативное отношение молодёжи к Премьеру безусловно влияет отрицательно (т.е. усиливает негатив), но не определяющим образом.

Таксон 6: Таксон Т6 включает всего два элемента – ЦЕРКОВЬ (-) и ПАТРИАРХ (-). Так же, как и таксон Т5 в группе А, таксон Т6 оказывается на периферии структуры в группе В. Из этого можно сделать вывод о том, что как позитивное, так и негативное отношение к Церкви и

Патриарху не находятся в центре внимания российской молодёжи, не имеют большой значимости, – и имидж Церкви, и имидж Патриарха в контексте политики находятся на периферии молодёжного сознания. Это таксон «негативного отношения к Церкви и Патриарху».

Далее приведём анализ «созвездий», образуемых элементами-образами с валентностью $v > 2$.

Анализ созвездий.

Созвездие С1 – Созвездие «негатива Политических партий»:

Политические партии (-) ($v=4$),
Правоохранительные органы (-),
Губернатор (-),
Несистемная оппозиция (-),
Государственная Дума (-).

Созвездие С2 – Созвездие «негатива Государственной Думы»:

Государственная Дума (-) ($v=3$),
Премьер (-),
Правительство (-),
Политические партии (-)

Созвездие С3 – Созвездие «негатива Премьера»:

Премьер (-) ($V=3$),
Государственная Дума (-),
Президент (-),
Патриарх (-).

Созвездия С1, С2, С3 составляют Плеяду-трезубец негатива (звёзды: Политические партии (-), Госдума (-), Премьер (-)), находящуюся в Группе В.

Созвездие С4 – Созвездие «позитива Премьера»: Премьер (+) ($V=3$), Правительство (+), Государственная Дума (+), Президент (+).

Созвездие С5 – Созвездие «позитив Президента»: Президент (+) ($V=4$), Губернатор (+), Несистемная оппозиция (-), Правоохранительные Органы (+), Политические партии (+).

Созвездия С4 и С5 составляют Плеяду позитива Премьера и Президента, в состав которой в рамках структуры группы А, кроме узлов («звёзд») позитивных имиджей Премьера и Президента, вошли позитивные отношения молодёжи к Правитель-

ству, Государственной Думе, Губернатору, Правоохранительным органам и Политическим партиям, а из соседней группы В - негативное отношение к Несистемной Оппозиции.

Ни в одну из плеяд не вошли:

- отрицание (негативное отношение к) Несистемной Оппозиции (-), играющей вместе с позитивным имиджем Президента роль «перекидного моста» между группами А и В,

- отрицание (негативное отношение к) Церкви (-),

- позитивное отношение к Несистемной Оппозиции (+),

- позитивное отношение к Церкви (+) и Патриарху (+).

Из этого можно сделать вывод, что отношение к Несистемной Оппозиции, Церкви и Патриарху в общественном молодёжном сознании выражено слабо и не играет существенной роли в политическом сознании молодёжи.

Заметим, что негативное отношение к Патриарху вошло в Созвездие негатива Премьера, вместе с негативным отношением к Государственной Думе и Президенту.

Проведённый анализ позволяет сделать некоторые гипотетические выводы.

Связь между группой А и группой В осуществляется через связь отрицания (негативного отношения к) Несистемной оппозиции (-) (Группа В, Т1) с положительным образом Президента (+) (Группа А, Т4). То, что отрицание Несистемной оппозиции находится в таксоне Т1, а положительный образ Президента в таксоне Т4, говорит о том, что негативное отношение к Несистемной Оппозиции в молодёжном сознании пользуется большей популярностью, превалирует над позитивным отношением к Президенту. Это означает, что далеко не все отрицающие Несистемную оппозицию положительно относятся к Президенту.

В то же время, положительное отношение к Президенту представляет ядро таксона Т4 и является ключевым элементом структуры группы А (ядро Т4-1, v=4),

а отрицательное отношение к Президенту представляет третий слой таксона Т2 (Группа В, Т2-3).

Ключевым элементом для таксона Т1 и для всей группы В является отрицательное отношение к Политическим партиям.

Можно сделать вывод, что в группе положительных имиджей (Группа А) положительный имидж Президента является ключевым элементом. При этом в Созвездие позитива Президента входит элемент из группы негативных отношений, а именно, негативный имидж Несистемной оппозиции, что являющийся одной из «опор» позитивного имиджа Президента.

Отрицательный имидж Президента находится на периферии таксона Т2, связан в основном с отрицательным имиджем Премьера и не является структурообразующим, т.е. в молодёжном сознании представлен не очень сильно. Учитывая, что таксон Т2 – второй по «плотности облака», т.е. в нём представлены одни из самых «популярных» негативных имиджей, для полной ясности необходимо использовать дополнительную информацию, а именно проценты голосов респондентов.

Также следует отметить, что негативное отношение российской молодёжи к Премьеру и Правительству более распространено, чем позитивное отношение к ним.

Кроме того, исходя из результатов структурно-таксономического исследования, можно с уверенностью сказать, что позитивное отношение к Президенту в молодёжном сознании выражено слабее, чем негативное отношение к Премьеру и Госдуме, – т.е. негативное отношение к Премьеру и Госдуме не уравнивается позитивным отношением к Президенту.

В группе отрицательных отношений/имиджей (Группа В) ключевым элементом является отрицательный имидж Политических партий. Именно Политические партии являются самыми непопулярными (имеют самый большой негативный имидж) в молодёжном сознании.

Из структурно-таксономической кар-

ты (Рисунок 1) видно, что в молодежном сознании Церковь популярнее, чем Патриарх, причём Церковь вызывает больше позитива в молодежном сознании, по сравнению с Патриархом, и меньше негатива, чем Патриарх. Таким образом, можно сделать вывод, что некоторая часть молодёжи не отождествляет Патриарха с Церковью. По расчётным значениям коэффициентов «близости» можно сделать вывод, что в контексте позитивных отношений Церковь и Патриарх друг к другу ближе, чем в контексте негативных отношений.

Из того, что позитивные отношения к Президенту, к Губернатору, к Несистемной оппозиции, к Правоохранительной Системе (суду, прокуратуре, полиции) и Политическим партиям попали в один таксон Т4, можно заключить, что довольно большая часть молодёжи на момент проводившегося исследования (2017 г.) не осознавала серьёзного политического противостояния действующей власти и категорически несогласных с проводимой ею политикой.

Таблица 2
Table 2

Словарь структурно таксономической модели
«Отношение российской молодёжи к основным субъектам политики»
The dictionary for a structural taxonomic model
«The attitude of russian youth to the major subjects of politics»

Основные показатели отношения российской молодёжи к субъектам политики (подлежащие)
Main indicators of the attitude of Russian youth to the policy subjects

1	Доверие ПРЕЗИДЕНТУ Trust to The PRESIDENT	ПРЕЗИДЕНТ (+) PRESIDENT (+)
2	НЕ-Доверие ПРЕЗИДЕНТУ Non-Trust to The PRESIDENT	ПРЕЗИДЕНТ (-) PRESIDENT (-)
3	Доверие ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА Trust to The CHAIRMAN OF THE GOVERNMENT	ПРЕМЬЕР (+) PREMIER (+)
4	НЕ-Доверие ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ Non-Trust to The CHAIRMAN OF THE GOVERNMENT	ПРЕМЬЕР (-) PREMIER (-)
5	Доверие ПАТРИАРХУ Trust to The PATRIARCH	ПАТРИАРХ (+) PATRIARCH (+)
6	НЕ-Доверие ПАТРИАРХУ Non-Trust to The PATRIARCH	ПАТРИАРХ (-) PATRIARCH (-)
7	Доверие ПРАВИТЕЛЬСТВУ Trust to The GOVERNMENT	ПРАВИТЕЛЬСТВО (+) GOVERNMENT (+)
8	НЕ-Доверие ПРАВИТЕЛЬСТВУ Non-Trust to The GOVERNMENT	ПРАВИТЕЛЬСТВО (-) GOVERNMENT (-)
9	Доверие ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ Trust to The STATE DUMA	ГОСДУМА (+) THE STATE DUMA(+)
10	НЕ-Доверие ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ Non-Trust to The STATE DUMA	ГОСДУМА (-) THE STATE DUMA(-)
11	Доверие РУКОВОДИТЕЛЮ СВОЕГО РЕГИОНА Trust to the HEAD OF REGION	ГУБЕРНАТОР (+) GOVERNOR (+)

12	НЕ-Доверие РУКОВОДИТЕЛЮ СВОЕГО РЕГИОНА Non- Trust to the HEAD OF REGION	ГУБЕРНАТОР (-) GOVERNOR (-)
13	Доверие ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ (суду, прокуратуре, полиции) Trust to The LAW ENFORCEMENT BODIES	ПРАВООХР.ОРГАНЫ (+) LAW ENFORCEMENT BODIES (+)
14	НЕ-Доверие ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ (суду, прокуратуре, полиции) Non-Trust to The LAW ENFORCEMENT BODIES	ПРАВООХР.ОРГАНЫ (-) LAW ENFORCEMENT BODIES (-)
15	Доверие ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ Trust to The POLITICAL PARTIES	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ (+) POLITICAL PARTIES (+)
16	НЕ-Доверие ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ Non-Trust to The POLITICAL PARTIES	ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ (-) POLITICAL PARTIES (-)
17	Доверие НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ Trust to The NON-SYSTEM OPPOSITION	НЕСИСТЕМНАЯ ОППОЗИЦИЯ (+) NON-SYSTEM OPPOSITION (+)
18	НЕ-Доверие НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ Non-Trust to The NON-SYSTEM OPPOSITION	НЕСИСТ.ОППОЗИЦИЯ (-) NON-SYSTEM OPPOSITION (-)
19	Доверие ЦЕРКВИ Trust to The CHURCH	ЦЕРКОВЬ (+) CHURCH (+),
20	НЕ-Доверие ЦЕРКВИ Non-Trust to The CHURCH	ЦЕРКОВЬ (-) CHURCH (-),

Заключение (Conclusions). Исходя из естественных, выявляемых в процессе исследования, заранее не заданных разбиений показателей (образов) на классы (таксоны), появляется возможность, по значимым фрагментам получаемых структур конструировать новые, иногда неожиданные гипотезы. Эти гипотезы могут ставить под сомнение, а иногда даже опровергать стереотипные, считающиеся общепринятыми в науке и социальной практике, представления об объекте, но потерявшие на момент исследования адекватность. Также могут опровергаться гипотезы интуитивно-логического анализа других исследователей. Это уникальное свойство структурно-таксономических моделей может значительно обогатить анализ духовных процессов, сделать его более глубоким и доказательным.

Устойчивые фрагменты структуры, повторяющиеся при мониторинговых исследованиях, а также при использовании разных мер близости, обладают своим особым смыслом, содержат структурную информацию, несут структурное знание,

наглядно выражают глубинные связи.

С помощью метода структурной таксономии, также, как и других методов иерархической кластеризации и автоматической классификации, выделяются группы параметров-образов (подлежащих), наиболее сходных друг с другом по достаточно большому числу характеристических признаков (сказуемых) и, таким образом, осуществляется формальное разбиение классифицируемых элементов на естественные (заранее не заданные) классы. Но важно отметить, что метод структурной таксономии, в отличие от других известных методов, кроме разбиения классифицируемых объектов на естественные классы (таксоны) предполагает также выявление структуры наиболее существенных связей между классифицируемыми элементами.

На этапе интерпретации исследователь соглашается с результатами компьютерного разбиения, принимает их к сведению или проводит уточняющий численный эксперимент.

Выявляемые в таксономии так называемые естественные типы далеко не всегда являются очевидными. В процессе интерпретации они могут получать имена (ярлыки), в которых выражается обобщённая суть типа, выделенного класса (группы, кластера, таксона). Таким образом, в процессе интерпретации и осмысления осуществляется обобщение, переход на следующий уровень иерархического анализа, и порождаются новые обобщающие смыслы.

Структурно-таксономическое моделирование позволяет решать задачи выявления типологий. Конструирование типов традиционно относят к качественному уровню анализа. Так же как для хорошего зрения и распознавания совсем не обязательно отчётливо видеть каждую точку объекта, для структурной таксономии вполне достаточно чётко уловить контуры объекта и его наиболее контрастные черты (слои, узлы, фрагменты). Самое главное – удачно выбрать измеримые параметры (параметры-образы (подлежащие) и параметры-характеристики (сказуемые)), описывающие объект с достаточной для решения исследовательской задачи полнотой, и затем выявить структуру самых существенных, для выбранного контекста исследования, связей между образами. Получаемая в результате структурно-таксономическая карта отображает графическую структуру взаимосвязей параметров-образов, показывает неравномерность их распределения и резкие контрасты (сгущения-разрежения) их распределения в многомерном проблемном поле (в характеристическом пространстве). Анализируя и интерпретируя структурно-таксономические карты, являющиеся «проекциями многомерной топологии», по отображению в них предмета исследования можно судить о его состоянии и динамике.

Современная таксономия стала общенаучным (междисциплинарным) методом и научно-практическим направлением, в задачи которого входит дальнейшее развитие принципов классификации и их

практическое применение в конкретных исследованиях конкретных объектов, причём объектов как материального мира, так и имеющих социальную, духовную или какую-либо иную виртуальную природу (т.е. к «универсалиям»). Современная таксономия – это научное направление, объединяющее теорию и практику конструирования нового знания – выявления естественных типологий и их классификации.

Без выявления структуры взаимосвязей значимых показателей и иерархии в системе предпочтений молодёжных групп трудно понимать и изучать духовные процессы, происходящие в молодёжной среде. Тем не менее, большинство исследователей пользуются готовыми градациями. Однако в сфере изучения духовных процессов, в условиях нестабильной и изменчивой общественной среды, жёстко, раз и навсегда заданных структур быть не может. Значимые элементы могут изменяться «в пределах функции», не ломая структуру, но могут и видоизменяться, делиться, сливаться, исчезать и нарождаться вновь. В каждой новой ситуации может требоваться новая совокупность значимых образов-показателей и новый набор параметров-характеристик базиса, определяющих новый контекст. Каждая конкретная, нетиповая задача требует своей совокупности значимых образов-показателей («подлежащих») и параметров-характеристик базиса («сказуемых»), задающих контекст.

Сегодня исследование социологических проблем в системно-структурном аспекте, в том числе с помощью структурной таксономии, являющейся одним из эффективных и перспективных направлений, становятся всё более актуальными. Разрабатываемый на основе метода структурной таксономии структурно-аналитический подход к анализу социальной динамики представляет перспективное информационно-аналитическое средство поддержки принятия решений (Lubutov, 2007).

В заключение отметим, что результаты представленного в статье структурно-таксономического исследования хорошо

согласуются с выводом известного учёного-синергетика Г. Г. Малинецкого:

«...В социально стабильном обществе, как показывает мировой опыт, есть 6-8 институтов, которым доверяют более половины населения (они могут быть различны – политические партии, газеты, церковь, армия, профсоюзы и т.д.; важно, чтобы они были).

С 1991 по 2000 год, как показывают результаты мониторинга, таких институтов в России не было ни одного. С 2000 года такой институт появился – это Президент Российской Федерации. И это был шанс для построения устойчивой социально-политической системы. К сожалению, за прошедшие годы его не использовали – ни одному из других социальных институтов России завоевать доверие общества не удалось (это корень того кризиса всех политических партий современной России, который мы наблюдаем)» (Малинецкий, 2014: 11).

Значение представленного в статье метода не сводится к подтверждению уже известных выводов, полученных более простым путём. Этот метод позволяет не только проверить, подтвердить или опровергнуть конкретные выводы, но проникнуть в самую суть материала. Его основная методологическая ценность в отражении внутренних, далеко неочевидных связей, ведущих к тому, или иному результату. Кроме итоговых результатов метод даёт их невидимую, виртуальную «подоплёку» – возможность исследователям работать с проекциями проблемной ситуации, представленными структурно-таксономическими картами, подобных картам звёздного неба, или картам физической географии. Выявление структурных связей и естественных группировок параметров исследуемого объекта способно дать гораздо больше для понимания механизмов возникновения различных социальных процессов и явлений, чем традиционные методы математической статистики, используемые в социальных науках. Это позволяет рассчитывать на более точный и эффек-

тивный поиск адекватных ответов в решении проблем социального регулирования.

Список литературы

Бэр К. М. Об искусственной и естественной классификации животных и растений // *Анналы биологии*. М.: Изд-во МОИП, 1959. Т. 1. С. 370. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/%3Fbookhl%3D%26book%3Draykov_karl-ber-ego-zhizn_1961 (дата обращения: 10.10.2019).

Воронцов К. В. Методы кластеризации. URL: http://shad.yandex.ru/lectures/machine_learning.xml. (дата обращения: 10.10.2019).

Вапник В. Н., Червоненкис А. Я. Теория распознавания образов (статистические проблемы обучения). М.: Наука, 1974. 416 с.

Вельдре С. Р. О корреляционной структуре внешних морфологических признаков ушастой круглоголовки // *Применение математических методов в биологии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. Вып. 3. С. 75-85.

Выханду Л. К. Об исследовании многопризнаковых биологических систем // «Применение математических методов в биологии». Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. Вып. 3. С. 19-22.

Горборукова Т. В., Кикун П. Ф., Сахарова О. Б. Метод корреляционных плеяд в социально-гигиенических исследованиях // Свидетельство № 2012613168 о гос. регистрации программ для ЭВМ. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 3.04.2012. URL: <http://izron.ru/articles/informatsionnye-tehnologii-v-meditsine-i-farmakologii-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnogo-sektsiya-26-obshchestvennoe-zdorove-i-zdravookhraneniye-spetsialnost-14-02-03/metod-korrelyatsionnykh-pleyad-terenteva-v-sotsialno-gigienicheskikh-issledovaniyakh/> (дата обращения: 10.10.2019).

Горелик А. Л., Скрипкин В. А. Методы распознавания: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 234 с.

Гренандер У. Лекции по теории образов: в 3-х т. / под ред. Ю.И. Журавлёва. М.: Мир, 1979-1983. 1267 с.

Дуда Р., Харт П. Распознавание образов и анализ сцен: Пер. с англ. М.: Мир, 1976. 512 с. URL: <http://www.aiportal.ru/downloads/books/image-recognition-and-scene-analysis-by-duda-hart.html>

(дата обращения: 10.10.2019).

Загоруйко Н. Г. Прикладные методы анализа данных и знаний. Новосибирск: ИМ СО РАН, 1999.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодёжь и молодёжная политика: новые смыслы и практики. М.: Изд-во «Экон-информ», 2019. С. 15-35.

Леванский В. А. Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе: материалы симпозиума / под общ. ред. В. Н. Кудрявцева, А. Р. Шляхова. М., 1970.

Леванский В. А., Левин А. М., Журавель А. А., Храмцова Н. В. Комплексное применение методов теории распознавания образов для решения криминологических задач // Социально-психологические причины поведения и личность несовершеннолетнего преступника, 1975. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР. 2111.75. № 632. С. 227-240.

Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М.: Наука, 1986.

Леванский В. А., Бажанова Е. Ю. Общественные предпочтения // Народный депутат. 1990. № 3.

Леванский В. А., Любутов А. С. Моделирование социально-политических структур методом распознавания образов: партии и их ориентации («Образ») // Компьютерное моделирование социально-политических процессов. М.: Интерпракс, 1994. С. 27-41.

Леванский В. А., Любутов А. С. Политический спектр РФ: структурно-таксономический анализ (Партии, фракции, выборы в 1993-1996 гг.) // Государство и право. 1997. № 9. С. 87-94.

Леванский В. А. Модели политических лидеров и президентские выборы в постсоветской России // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 74-87.

Любищев Л. А. Об ошибках в применении математики в биологии // Журнал общей биологии. 1969. Т. 3, № 6.

Любутов А. С. Изменение ориентаций молодежи в современных социально-политических условиях: структурный анализ. // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек и общество: тенденции социальных изменений», Санкт Петербург-Минск-Ростов-на-Дону, 24-

26 сентября 1997 года. Вып. 2. Проблемы молодёжи и образования (в 2-х частях). Часть 1. Молодёжь и общество. С. 95-98.

Любутов А. С. Метод проективной структуризации объекта социальной природы: дис. ... канд. техн. наук. М., 2000. 169 с.

Любутов А. С. Автоматическая классификация как способ целенаправленного накопления информации в организационных системах // Сб. тр. кафедры информатизации структур государственной службы РАГС при Президенте РФ. Вып. 3. М.: Изд-во РАГС, 2002. С. 106-114.

Любутов А. С. Структурно-таксономическое моделирование типологии территорий (на примере типологизации районов по наркопрофилю) // Информационные технологии и решения для «Электронной России». Сборник научных трудов. Ч. 2. Ханты-Мансийск, 2003. С. 75-79.

Любутов А. С., Леванский В. А., Киприянова Д. Д. Структурно-модельный мониторинг экономико-политической ситуации в регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Моделирование в социально-политической сфере: Труды межвузовского научно-практического семинара. Москва, 27 апреля 2004 г. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2004.

Малинецкий Г. Г. Предисловие к книге Гуц А. К., Паутова Л. А. Фролова Ю. В. Математические методы в социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

Мандель И. Д. Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1988.

Нарский И. С. Проблема универсалий и дискуссия на XVI Всемирном философском конгрессе // В кн.: Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140ae623b350ee7bc35a140> (дата обращения: 10.10.2019).

Ростова Н. С. Корреляции: структура и изменчивость. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 308 с.

Ростова Н. С. Корреляционный и многомерный анализ; применение в популяционных исследованиях // Современное состояние и пути развития популяционной биологии. Материалы X Всероссийского популяционного семинара. Ижевск, 2008. С. 51-56.

Сальгин Е.Н. Моделирование в праве:

проблемы и перспективы. URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2014/11/21/1316205848/Салыгин.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

Терентьев П. В. Метод корреляционных плеяд // Вестник ЛГУ. 1959. № 9. С. 137-141.

Терентьев П. В. Дальнейшее развитие метода корреляционных плеяд // Применение математических методов в биологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. С. 27-36.

Уиллиамс У. Т., Ланс Д. Н. Методы иерархической классификации // Статистические методы для ЭВМ; Под ред. М. Б. Малютов. М.: Наука, 1986. С. 269-301.

Шаталкин А. И. Таксономия. Основания, принципы и правила. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 600 с.

Lubutov A. S. Sociolocation – New Approach to Analytical Monitoring of Social Dynamics on the Basis of Projective Structuring // Proceedings of the International Conference «Mathematical Modeling Of Social and Economic Dynamics», Moscow, 20-22 June 2017. Moscow, 2017. Pp. 147-152.

References

Ber, K. M. (1959), “On artificial and natural classification of animals and plants”, in *Annals of biology*, Izd-vo MOIP, Moscow, Russia, Vol. 1 [Online], available at: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/%3Fbookhl%3D%26book%3Draykov_karl-ber-ego-zhizn_1961 (Accessed 10 October 2019).

Voroncov, K. V. *Clustering methods* [Online], available at: http://shad.yandex.ru/lectures/machine_learning.xml. (Accessed 10 October 2019).

Vapnik, V. N. and Chervonenkis, A. Ya. (1974), *Pattern recognition theory (statistical learning problems)*, Nauka, Moscow, Russia.

Vel'dre, S. R. (1964), “On the correlation structure of external morphological features of the eared roundhead”, in *Application of mathematical methods in biology*, Izd-vo LGU, Leningrad, Russia, 75-85.

Vyhandu, L. K. (1964), “On the study of multi-sign biological systems”, in *Application of mathematical methods in biology*, Izd-vo LGU, Leningrad, Russia, 19-22.

Gorburukova, T. V., Kiku, P. F. and Saharova, O. B. *Method of correlation Pleiades in social and hygienic studies* [Online], available at: <http://izron.ru/articles/informatsionnye-tehnologii-v-meditsine-i-farmakologii-sbornik->

nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunaro/seksiya-26-obshchestvennoe-zdorove-i-zdravookhranenie-spetsialnost-14-02-03/metod-korrelyatsionnykh-pleyad-terenteva-v-sotsialno-gigienicheskikh-issledovaniyakh/ (Accessed 10 October 2019).

Gorelik, A. L. and Skripkin, V. A. (1989), *Methods of recognition*, Vysshaya shkola, Moscow, Russia.

Grenander, U. (1979-1983), “Lectures on the theory of images: in 3 vols”, in Yu. I. Zhuravleva (ed.), Mir, Moscow, Russia.

Duda, R. and Hart, P. (1976), *Pattern recognition and scene analysis*, Translated from English, Mir, Moscow, Russia [Online], available at: <http://www.aiportal.ru/downloads/books/image-recognition-and-scene-analysis-by-duda-hart.html> (Accessed 10 October 2019).

Zagoruiko, N. G. (1999), *Applied methods of data analysis and knowledge*, IM SO RAN, Novosibirsk, Russia.

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. and Lubutov, A. S. (2019), “Self-Organization in the mechanism of self-regulation of life activity of youth”, in *Youth and youth policy: new meanings and practices*, Izd-vo “Ekon-inform”, Moscow, Russia, 15-35.

Levanskiy V. A. (1970), “Application of mathematical methods and computer technology in law, criminalistics and forensic examination: proceedings of the Symposium”, in Kudryavtsev, V. N. and Shlyakhov, A. R. (eds.), Moscow, Russia.

Levanskiy V. A., Levin, A. M., Zhuravel, A. A. and Hramtsova, N. V. (1975), “Complex application of methods of pattern recognition theory for solving criminological problems”, in *Socio-psychological causes of behavior and personality of a juvenile offender*, INION of the USSR Academy of Sciences, Russia, 227-240.

Levanskiy, V. A. (1986), *Modeling in social and legal studies*, Nauka, Moscow, Russia.

Levanskiy, V. A. and Bazhanova, E. Yu. (1990), “Public preferences”, *Narodny deputat*, (3).

Levanskiy, V. A. and Lubutov, A. S. (1994), “Modeling of socio-political structures by pattern recognition: parties and their orientation (‘Image’)”, in *Computer modeling of socio-political processes*, Interpraks, Moscow, Russia, 27-41.

Levanskiy, V. A. and Lubutov, A. S. (1997), “Political spectrum of the Russian Federa-

tion: a structural and taxonomic analysis (parties, factions, elections in 1993-1996)", *Gosudarstvo i pravo*, (9), 87-94.

Levanskiy, V. A. (2005), Models of political leaders and presidential elections in post-Soviet Russia, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5), 74-87.

Lyubischev, L. A. (1969), "Error in the application of mathematics to biology", *Zhurnal obshchey biologii*, 3 (6).

Lubutov, A. S. (1997), "Changing attitudes of youth in modern socio-political context: a structural analysis", *Proceedings of the scientific and practical International conference 'Man and society: trends of social change'*, St. Petersburg-Minsk-Rostov-on-Don, Russia, 24-26 September 1997, Vol. 2, Problems of youth and education (in 2 parts), Part 1. Youth and society, 95-98.

Lubutov, A. S. (2000), "The method of projective structuring projects of social nature", Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.

Lubutov, A. S. (2002), "Automatic classification as a method of purposeful accumulation of information in organizational systems", *Proceedings of the Department of Informatization of public service structures of the Russian Academy of public service under the President of the Russian Federation*, Moscow, Russia, Vol. 3, 106-114.

Lyubutov, A. S. (2003), "Structural and taxonomic modeling of typology of territories (on the example of typologization of districts by drug profile)", *Information technologies and solutions for "Electronic Russia". Collection of proceedings*, Khanty-Mansiysk, Russia, Part 2, 75-79.

Lyubutov, A. S., Levanskiy, V. A. and Kipriyanova, D. D. (2004), "Structural and model monitoring of the economic and political situation in the region (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia))", *Modeling in the socio-political sphere: Proceedings of the interuniversity scientific and practical seminar*, Moscow, Russia, 27 April 2004.

Malinetskiy, G. G. (2014), *Preface to the book by Guts A. K., Pautov L. A. Frolov Yu. V. Mathematical methods in sociology*, Knizhny dom "LIBROKOM", Moscow, Russia.

Mandel, I. D. (1988), *Cluster analysis*, Finansy i statistika, Moscow, Russia.

Narskiy, I. S. (1981), "The problem of universals and discussion at the XVI world philosophical Congress", in *Philosophy and worldview problems of modern science*, Moscow, Russia [Online], available at:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140ae623b350ee7bc35a140> (Accessed 10 October 2019).

Rostova, N. S. (2002), *Correlations: structure and variability*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, St. Petersburg, Russia.

Rostova, N. S. (2008), "Correlation and multivariate analysis; application in population studies", *Current state and ways of development of population biology. Materials of the X all-Russian population seminar*, Izhevsk, Russia, 51-56.

Salygin, E. N. *Modeling in law: problems and prospects* [Online], available at: <https://law-journal.hse.ru/data/2014/11/21/1316205848/Салыгин.pdf> (Accessed 10 October 2019).

Terent'ev, P. V. (1959), "The method of correlation galaxies", *Vestnik LGU*, (9), 137-141.

Terent'ev, P. V. (1960), "Further development of the method of correlation Pleiades", in *Application of mathematical methods in biology*, Izd-vo LGU, Leningrad, Russia, 27-36.

Uilliams U. T. and Lans, D. N. (1986), "Methods of hierarchical classification", in Malutov, M. B. (ed.) *Statistical methods for computers*, Nauka, Moscow, Russia, 269-301.

Shatalkin, A. I. (2012), *Taxonomy. Grounds, principles and rules*, Tovarishestvo nauchnyh izdaniy KMK, Moscow, Russia.

Lubutov, A. S. (2017), "Sociolocation – New Approach to Analytical Monitoring of Social Dynamics on the Basis of Projective Structuring", *Proceedings of the International Conference "Mathematical Modeling Of Social and Economic Dynamics"*, Moscow, Russia, 20-22 June 2017, 147-152.

Любутов Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник центра социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Alexander Lyubutov, Cand. Sc. (Engineering) / Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Sociology of Youth, ISPS, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-7

Сорокин О.В.

**Особенности девиантного поведения российской молодежи
в условиях изменяющейся социальной реальности**

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, 119991, Россия
ov.sorokin@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-2597-9465

*Статья поступила 24 октября 2019 г.; принята 1 декабря;
опубликована 30 декабря*

Аннотация. Актуальность проблемы изучения особенностей девиантного поведения российской молодежи обусловлена: изменением характера интеграции молодежи в структуры переходного общества, с одной стороны и изменением характеристик социальной реальности данной социально-демографической группы, с другой. Отклоняющееся поведение молодежи в классической социологии рассматривается как необходимое условие развития социальной системы. С опорой на официальные данные статистики рассматриваются вопросы, связанные с вовлечением российской молодежи в негативные формы девиаций. Отмечается, что наиболее высокий прирост молодежи в преступные формы деятельности наблюдается в переходный период развития общества. С позиции феноменологического подхода рассматриваются особенности девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности. Изменяющаяся социальная реальность молодежи отражает систему накопленных знаний и представлений молодых людей об условиях бытия, выражающуюся в форме установок на ценности, нормы, образцы поведения, как объекты данной реальности. Данная реальность регулирует девиантное поведение российской молодежи путем складывания экстремальных установок в групповом сознании, направленных отрицание и нивелирование ценностей и норм общей культуры и формирование новых смыслов образцов поведения. Значимую роль в этом процессе играют молодежные девиантные субкультуры, которые в эпоху Интернета усиливают свою регуляционную функцию в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: молодежь, особенности девиантного поведения молодежи, изменяющаяся социальная реальность.

Информация для цитирования: Сорокин О. В. Особенности девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 80-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-7

Oleg V. Sorokin

**The characteristics of deviant behavior of Russian youth
in the circumstances of changing social reality**

Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., 119333, Moscow, Russia
Higher School of Contemporary Social Sciences,
Lomonosov Moscow State University
bld. 13, 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia
ov.sorokin@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-2597-9465

*Received October 24, 2019; accepted December 1, 2019
published December 30, 2019*

Abstract. The relevance of the problem of studying the characteristics of the deviant behavior of Russian youth has some reasons: a change in the nature of youth integration in the structures of a transition society, on the one hand, and a change in the characteristics of the social reality of this socio-demographic group, on the other. The deviant behavior of youth in classical sociology is considered as a necessary condition for the development of the social system. Based on official statistics, the issues related to the involvement of Russian youth in negative forms of deviation are considered. It is noted, that the highest growth of youth in criminal forms of activity is observed in the transition period of the development of society. From the position of a phenomenological approach, the features of the deviant behavior of Russian youth in a changing social reality are considered. The changing social reality of youth reflects a system of accumulated knowledge and ideas of young people about the conditions of life, expressed in the form of attitudes to values, norms, patterns of behavior, as objects of this reality. This reality regulates the deviant behavior of Russian youth by folding extreme attitudes in the group consciousness, aimed at negating and leveling the values and norms of the general culture and the formation of new meanings of behavior patterns. A significant role in this process is played by youth deviant subcultures, which, in the era of the Internet, strengthen their regulatory function in the virtual space.

Keywords: youth; characteristics of the deviant behavior of youth; changing social reality.

Information for citation: Sorokin O. V. (2019), "The characteristics of deviant behavior of Russian youth in the circumstances of changing social reality", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 80-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-7

Введение (Introduction). В социологии молодежи традиционно принято рассматривать особенности поведения представителей данной группы во взаимосвязи с местом в социальной структуре общества, социально-экономическим положением и включенностью в

социальные и культурные процессы. В свою очередь, социальное поведение молодежи обусловлено потребностями, интересами и ценностями данной социально-демографической группы, которые связаны с решением следующих ключевых проблем: формированием

идентичности, профессиональной самореализацией, получением образования, построением семьи и др. В классической социологии, в рамках структурно-функциональной парадигмы, в частности в концепциях социальной дезорганизации и социального контроля данные процессы объясняются с позиции социализации личности, когда молодой человек интегрируется в устойчивую систему ценностей, социальных ролей и позиций. Принимая те или ценности, нормы, роли общества молодой человек или группы молодежи обеспечивают преемственность социального опыта, транзицию от прежних поколений последующим. При этом в процессе социализации личностью ребенка, молодого человека осваиваются не только социально значимые, но и асоциальные и даже антисоциальные черты. Механизмы социального контроля в условиях стабильно функционирующего общества путем социальной регуляции обеспечивают воспроизводство устойчивых черт личности. Социальная миссия молодежи как социально-демографической группы обеспечить дальнейшее развитие данной системы, а для этого молодежь помимо воспроизводственной и трансляционной функции выполняет инновационную функцию, связанную с обновлением опыта, принесением в его жизнь новых культурных моделей и социальных практик.

В рамках такого подхода наличие совокупности актов отклоняющегося поведения молодежи рассматривается как необходимое условие для развития социальной системы, поскольку молодежь отвечает за продуцирование новых норм, ценностей, смыслов, социальных практик. В обязанности социальной системы входит создание условий для интеграции молодежи в общественно-значимые сферы жизни общества, с целью реализации ею своих социальных функций. Дисфункция общественных интеграционных механизмов будет означать для молодежи вовлечение ее представителей в марги-

нальные слои населения, исключение из социальной жизни общества. А это означает реализацию негативного сценария, когда молодежь становится участником деструкции общественной системы. Таким образом, социально-групповые особенности девиантного поведения молодежи помимо социальных условий тесно связаны с сущностными особенностями самой молодежи как социально-демографической группы.

Социология активно использует знания смежных наук о девиантном поведении молодежи. Так в криминологии отмечается, что важной социально-групповой особенностью девиантного поведения молодежи выступает участие молодежи с отклоняющимся поведением в активных действиях, таких как преступность, пьянство, наркотизм, табакокурение и самоубийства. В свою очередь, в педагогике и социальной психологии отмечается роль семьи, как фактора вовлечения молодого человека в негативные формы девиантного поведения.

Методология и методы (Methodology and methods). С точки зрения социологического подхода, в сущности, молодежи изначально заложен потенциал отклоняющегося поведения, связанного с отрицанием устаревающих норм и ценностей общества. Следовательно, девиантное поведение молодежи – это не просто социально-обусловленный феномен, но имеющий внутренние побудительные основания фактор мотивационной сферы молодежного сознания. В условиях, способствующих развитию инновационного потенциала молодежи, девиации молодежи принимают позитивные формы, такие как творческие виды деятельности (научное, техническое художественное и др.) (Чупров, 2011: 243). В рискованных условиях молодежь становится источником продуцирования рискованных ситуаций. В этом случае девиантное поведение молодежи выступает как форма преодоления неопределенности, выражающаяся в установках на преимущественно негатив-

ные отклоняющиеся формы поведения, направленные на отрицание действующих норм и ценностей, выбор альтернативных, зачастую преступных способов деятельности. Данный процесс тесно связан с социально-групповой особенностью сознания молодежи – экстремальностью. Под экстремальностью сознания молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуальном уровнях (Чупров, Зубок, 2009: 50). В молодежной среде экстремальные установки в девиантном поведении выражаются в форме фанатизма и нигилизма.

Вовлечение молодежи в девиантные формы поведения обусловлено помимо социально-групповых и социально-экономических факторов культурными факторами. В современной социологии культура рассматривается как система культурных кодов, регулирующих взаимодействия и поведение людей (Чупров, Осипова, 2011: 116). Культура «программирует» доминирующие типы мотивации деятельности людей. Так В. С. Степин полагает, что такие социокультурные программы (социокоды), как культура, язык, семиотические системы управляют биологическими кодами (генетическими программами) – ДНК, РНК и др. (Степин, 2011: 51). С точки зрения феноменологического подхода в основе знаний о социальной реальности, «картин мира» молодых людей лежат скрытые культурные элементы, которые определяют отношение молодого человека к объектам социальной реальности, в том числе и к социальным нормам, образцам поведения, как способам достижения целей деятельности. Культура в механизме регуляции социальных взаимодействий отвечает за выработку общих критериев и стандартов поведения. Цель регуляции заключается в направлении деятельности индивида,

малых групп, общностей в конструктивное русло, отвечающее интересам общественного развития (Чупров, Осипова, 2011: 118). Таким образом, движущими силами социокультурного механизма регуляции и саморегуляции девиантного поведения молодежи выступают ценности в форме нравственных требований и нормы, как средства социальной регуляции поведения. Культура транслирует личности модели, эталоны, образцы должного поведения, заложенные в ценностях и выражаемые в нормах поведения, в том числе и смыслы добра и зла, отношения к актам отклоняющегося поведения. Девиантное поведение молодежи при таком подходе рассматривается в контексте отклонения от смысловых норм и ценностей, которые выступают базовыми элементами ядра культуры.

В. И. Чупров и Ю. А. Зубок рассматривают социальную реальность в современном обществе как изменяющуюся, в которой базовые характеристики, связанные с национальной культурой и социальные ситуационные характеристики, связанные с современными культурными процессами, определяют отношение молодежи к объектам социальной реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2019: 23). Изменчивыми в групповом сознании молодежи становятся установки на образцы поведения, в роли которых выступают конкретные личности, типы поведения, социальные нормы.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как видно из Таблицы 1 за время социально-экономических преобразований в российском обществе доля молодых людей в общей совокупности лиц, совершивших преступления, оставалась высокой, что свидетельствует о том, что среди молодежи чаще, чем среди других возрастных групп в среднем, встречаются особо опасные формы отклоняющегося поведения.

Таблица 1

Доля людей в возрасте от 14 до 29 лет в общей совокупности лиц, совершивших преступления в 1990-2018 гг. (тысяч человек, в %) ¹

Table 1

The proportion of people aged 14 to 29 years in the total population of persons who committed crimes in 1990-2018 (thousand people, in %)

Годы	1990	1992	2000	2005	2010	2015	2018
Доля лиц	505,3 (56,3%)	626,3 (54,5%)	923,6 (53,6%)	738 (56,7%)	559,1 (50,3%)	461,1 (42,9%)	341 (36,7%)

Наиболее высокий прирост доли молодых людей, включенных в преступные формы деятельности, наблюдался в 1990-е-2005 гг. Именно в этот период на молодежи отразились самые негативные эффекты, проводимых социально-экономических реформ в обществе, связанных со стремительным падением уровня жизни большинства молодых граждан и сохранением высокого уровня безработицы в молодежной среде.

Примером, демонстрирующим взаимосвязь между кризисными процессами в развитии общества и вовлечением молодежи в негативные девиации, на примере преступности, может послужить социально-экономический кризис, разразившийся в российской экономике в 2013-2016 гг., последствия которого сказываются и на современном развитии России. Предпосылками, послужившими основаниями для ухудшения экономической ситуации в российском обществе в рассматриваемый период стали: падение

уровня производства, введение санкций рядом зарубежных стран против российской экономики, девальвация национальной валюты и др.

Как видно из таблицы 2 в рассматриваемый период доля молодежи, вовлеченной в преступную деятельность, сокращалась по отношению к 2013 году, и за 5 лет отрицательный прирост составил – 10,16%, что свидетельствует скорее об отсутствии ярко выраженной взаимосвязи между экономической ситуацией и вовлечением молодежи в преступную деятельность. Я. И. Гилинский связывают тенденцию снижения уровня так называемых «уличных преступлений» и уменьшения доли вовлечения в подобные преступления подростков и молодых людей в современном российском обществе с «уходом» многих представителей данных возрастных групп в виртуальный мир Интернета (Gilinskiy, 2018: 279).

Таблица 2

Доля людей в возрасте от 14 до 29 лет в общей совокупности лиц, совершивших преступления в 2013-2018 гг. (тысяч человек, в %) ¹

Table 2

The proportion of people aged 14 to 29 years in the total population of persons who committed crimes in 2013-2018 (thousand people, in %)

Годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля лиц	474,7 (46,86%)	454,4 (44,97%)	461,1 (42,88%)	423,9 (41,7%)	376,3 (38,9%)	341 (36,7%)
Прирост (к 2013 г.)		-1,89%	-3,98%	-5,16%	-7,96%	-10,16%

¹Состав лиц, совершивших преступления. По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/# (дата обращения: 05.08.2019).

Данная гипотеза свидетельствует в пользу того, что в современном российском обществе социокультурные факторы начинают оказывать преобладающее влияние на девиантное поведение молодежи по сравнению с другими, традиционно выделяемыми факторами в науке.

Согласно данным таблицы 2, если в 2015 г. отрицательный прирост молодых людей, совершивших преступления, составил 2,09% по сравнению с 2014 годом, то в 2017 г., когда наметилась тенденция выхода российского общества из кризиса 2014-2016 гг. доля молодежи, вовлеченной в преступную деятельность, сократилась на 2,8% по сравнению с 2016 годом, а в 2018 году на 2,2% по отношению к 2017 году. Поэтому взаимосвязь с экономической ситуацией и уровнем вовлечения молодежи в преступную деятельность прослеживается: с ухудшением экономической ситуации доля молодых, совершающих преступления, сокращается не так быстро, как в периоды более экономически благополучные. Отмеченную динамику следует сопоставить с цифрами о численности молодежи в современном российском обществе.

Из таблицы 3 видно, что с 2013 по 2017 годы доля молодежи в российском обществе уменьшилась на 3,13%. Поэтому при анализе процесса вовлечения

молодежи в негативные девиации, на примере преступности, стоит учитывать и фактор уменьшения доли молодежи в общей структуре населения.

О доле молодежи, вовлеченной в позитивные девиации в современном российском обществе, свидетельствуют цифры о включенности молодых людей в научную деятельность. Так, в сложный для российской науки 1994 год, доля молодых людей в возрасте до 29 лет составляла 9,2%, а в 2016 году доля молодых исследователей в этой же возрастной группе в секторе науки составила 19,3% (Российская наука в цифрах, 2018:29).

С позиции феноменологического подхода и концепции изменяющейся социальной реальности к изучению девиантного поведения молодежи становится возможным объяснение особенностей данного поведения в современном российском обществе. Так по мнению А. И. Шендрика функция ядра культуры заключается в сохранении базовых ее оснований, в роли которых выступают ценности как нравственные императивы. А девиации в этом процессе отражают отклонения от традиционного смысла ценностей ядра культуры, поскольку отрицание данных смыслов, их нивелирование в обществе приводит в итоге к исчезновению данной культуры и самого общества.

Таблица 3

Доля людей в возрасте от 14 до 30 лет в общей структуре населения (тысяч человек)¹

Table 3

The proportion of people aged 14 to 30 years in the general structure of the population (thousand people)

Годы	2013	2014	2015	2016	2017
Доля лиц	33225,2 (23,13%)	32603,4 (22,29%)	31483 (21,48%)	30420,2 (20,72%)	29368,4 (20%)
Прирост к 2013 г.		-0,84%	-1,65%	-2,41%	-3,13%

¹Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095700094 (дата обращения: 05.08.2019).

В. С. Степин полагает, что в глубинных основаниях культуры можно выделить фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые объединяются все многообразие культурных феноменов в органическую целостность. Данные смыслы в своем взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира (Степин, 2011: 62). Таким образом, ядро культуры – это воспроизводимая из поколения в поколение система смысло-жизненных ценностей, которая определяет отношение индивида к социальной реальности, оценивает, осмысливает и переживает данную реальность. По мере изменения общества изменяются и формы доминирующей культуры, ядро в этом случае, обеспечивает преемственность при переходе от одной стадии развития общества на другую (Шендрик, 2017: 290).

В ядре культуры данные смыслы организуются вокруг определенной системы ценностей, отражающей потребности и интересы людей на определенном историческом отрезке времени. При этом ядро культуры объединяет смысло-жизненные ценности, которые ориентируют на выбор определенных форм проведения досуга, организации труда, отношения к знанию, отношения к прекрасному и безобразному, допустимому и недопустимому, представлений о взаимосвязи личности и общества.

В современном обществе молодые люди включены в разные социальные среды: это и микрогруппы в реальном мире (семья, друзья, сверстники, профессиональные группы и др.) и сообщества в виртуальном пространстве. Включенность в виртуальные сетевые сообщества способствует значительному увеличению роста окружения молодого человека и объема информации, получаемой от сообществ, на которые он подписан. Посредством включенности в разные группы, общности, организации, молодые люди переструктурируют свою социальную реальность. Данные

изменения обусловлены постоянными взаимодействиями молодых людей друг с другом и получением новых знаний о социальных институтах, ценностях и нормах, посредством которых они регулируют социальные взаимодействия молодежи (Чупров, Зубок, Романович, 2019: 17). В соответствии с постоянно меняющимися знаниями о нормах и ценностях как объектах социальной реальности, изменяются и поведенческие установки в отношении к ним. Таким образом, под социальной реальностью молодежи следует понимать систему накопленных знаний и представлений молодых людей об условиях бытия, которая представлена в молодежном сознании в форме установок.

В. А. Луков использует термин «фрагментация представлений о социальной реальности», которая, с его точки зрения, свойственна современной молодежи. Данная фрагментация обусловлена, с одной стороны, переходностью социального положения молодежи, а с другой стороны, переходным состоянием самого общества, в которое интегрируется молодежь. В этой связи молодежные субкультуры, благодаря своей знаковой форме, по мнению В. А. Лукова, лучше всего позволяют социологу разглядеть зоны конструирования социальной реальности молодежью (Луков, 2008: 403). Знаковые системы молодежных субкультур лучше всего отражают отклонения в установках поведения молодежи на значимые социальные объекты.

Молодежные субкультуры как формы объединения и самоорганизации молодежи предлагают молодому человеку собственные мировоззренческие модели, отличные от общепринятых моделей мира взрослых. В данных моделях находят свое отражение инновационные практики поведения, формы проведения досуга, которые выражаются в специфических ценностях, нормах, образцах поведения (Чупров, Зубок, 2009: 46). По мнению

А. И. Шендрика, в молодежных субкультурах происходит создание собственных систем символов, с помощью которых происходит узнавание «своих», т.е. тех, кто принадлежит к данной субкультуре и является носителем ее ценностей. В девиантных субкультурах культурные различия выходят на первый план в процессе самоидентификации участников данных общностей и в процессе взаимодействия с другими субкультурами. Противостояние в молодежных субкультурах отражает экстремальные установки в девиантном поведении молодежи. Экстремальные формы реакции связаны с завышенными ожиданиями, присущими молодежи. Данные реакции проявляются в форме агрессивности, которая приобретает крайние формы фанатизма и нигилизма (Чупров, Зубок, 2009: 49). Оправданию отклоняющегося поведения способствует включенность правонарушителя в субкультуру, в которой общественно значимые нормы и ценности трактуются иначе, чем в общей культуре (Toralli, 2005: 797-798). Американские социологи Хейт Копс и Патрик Уильямс в этой связи отмечают, что девиантная идентичность – это результат девиантной карьеры, когда молодой человек в процессе социализации вовлекается в девиантные субкультурные практики (Copes, Williams, 2007: 247).

По мнению отечественных исследователей И. Н. Пятницкой и А. А. Шаталова молодежная субкультура может нести в себе черты девиантной группы, если ее участники проявляют агрессивность по отношению к обществу и вовлекаются в деструктивные практики (Пятницкая, 2011: 17). В девиантных молодежных субкультурах на первый план среди групповых мотивов выходит агрессивное поведение, обусловленное конфликтными ценностными ориентациями и социальными установками с другими группами или обществом в целом. Особой формой девиантных субкультур выступают деликвентные субкультуры, которые

отличает наличие ценностных кодексов, иерархии и деструктивная направленность деятельности.

Вовлечение в девиантные молодежные субкультуры происходит в подростковом и ранне юношеском возрасте. Для представителей данных возрастных групп характерны незавершенность психофизического и личностного развития. Так в подростковый период развития личности М. В. Ермолаева, отмечая положительные факторы, выделяет общие негативные проявления: дисгармоничность, свертывание и изменение установившихся интересов, протестующий характер по отношению к взрослым (Ермолаева, 2008: 235). В возрасте 14-15 лет на первое место среди мотивов деятельности у подростка выходит стремление общаться со сверстниками. А это означает, что важным в общении становится желание занять позицию лидера в группах, быть признанным среди значимых товарищей, стать непререкаемым авторитетом в каком-то деле. Отсутствие возможности добиться такого положения становится часто причиной вовлечения подростка в отклоняющиеся формы поведения, в девиантные подростковые компании. Нарушение отношений со сверстниками выступает одной из главных причин изменения поведения в указанном возрасте.

В современном обществе девиантные молодежные субкультуры обладают большим потенциалом вовлечения подростков и юношей в свои ряды. Во многом это стало возможным благодаря распространению в начале XXI в. социальных интернет-медиа, в роли которых выступают социальные сети, блоги, форумы, чаты. По данным компании «Крибрум», занимающейся мониторингом и анализом социальных медиа, на начало 2019 г. в деструктивные течения в российском сегменте интернета были вовлечены порядка 5 миллионов аккаунтов российских подростков, что составляет 35% от общей численности подростков в

России (Методическое пособие, 2019: 3). Регуляция девиантного поведения деструктивными субкультурами является одной из социально-групповых особенностей девиантного поведения молодежи. Возникает новый феномен – цифровые девиантные субкультуры, которые регулируют групповое поведение посредством онлайн-коммуникации с помощью трансляции норм, правил и образцов поведения, способствующих вовлечению молодежи в девиантные интернет-сообщества (Holt, 2007: 27).

Заключение (Conclusions). Таким образом, в современном российском обществе создаются предпосылки для вовлечения молодежи как в позитивные, так и негативные формы девиаций. Основные причины, которые объясняют вовлечение молодежи в девиантные формы поведения, связаны с рискогенностью среды, в которой протекает адаптация молодежи, переходностью российского общества и незавершенностью процессов становления молодежи как субъекта общественных отношений. Данные процессы отражаются в социальной реальности молодежи в форме ее достраивания и переструктурирования. В групповом сознании молодежи складываются новые феномены: фрагментация представлений о социальной реальности и изменяющаяся социальная реальность (как постоянно изменяющаяся система накопленных знаний и представлений молодых людей об условиях бытия).

Изменяющаяся социальная реальность регулирует девиантное поведение молодежи посредством формирования коллективных экстремальных установок, направленных на нивелирование базовых ценностей и норм ядра общей культуры. При таком подходе девиантное поведение молодежи, рассматривается как совокупность субкультурных отклонений от смысложизненных норм и ценностей, которые выступают базовыми элементами ядра общей культуры. Значимую роль в девиантном поведении молодежи в

условиях изменяющейся социальной реальности играют девиантные субкультуры, которые в условиях все большего ухода молодежи в виртуальное пространство Интернета, предлагают отличные от общепринятых системы норм и ценностей. Складывается новый феномен – цифровые молодежные девиантные субкультуры.

В ходе проведенного анализа были изучены следующие социально-групповые особенности девиантного поведения молодежи: риск в структуре установок на отклоняющиеся формы поведения, преобладание в структуре данного поведения крайних (опасных) форм поведения (фанатизма и нигилизма), обусловленных в экстремальностью сознания, форм ухода от реальности, значимость в процессе регуляции данного поведения со стороны молодежных субкультур, усиливающаяся самоорганизация молодежи с отклоняющимся поведением в интернет-пространстве.

Список литературы

- Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире». Сборник статей / Я. И. Гишинский. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 352 с.
- Ермолаева М. В. Психология развития. 4-е изд. М.: МОДЭК, 2008. 376 с.
- Луков В. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ: науч. Монография. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
- Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М.: АО «Крибрум», 2019. 38 с.
- Пятницкая И. Н., Шаталов А. И. Трудные дети – трудные взрослые. М.: Кнорус, 2011. 120 с.
- Российская наука в цифрах / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, Е. Л. Дьяченко и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 45 с.
- Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.
- Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович

Н. А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности: монография. М.: Норма, 2019. 208 с.

Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления и тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.

Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления. Теоретические основы: Учебник. М.: РУДН, 2011. 172 с.

Шендрик А. И. Социология культуры: учеб. пособие для студентов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 495 с.

Copes H., Williams J. P. Techniques of affirmation: Deviant Behavior, Moral Commitment, and Subcultural Identity // *Deviant Behavior*. 2007. № 28. Pp. 247-272.

Gatti U., Haymoz S., Schadee H. M. Deviant Youth Groups in 30 Countries: Results From the Second International Self-Report Delinquency Study // *International Criminal Justice Review*. 2011. № 21 (3). Pp. 208-224.

Gilinskiy Ya. Deviance in the postmodern society // *Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities*. View from Russia: collected papers XIX ISA World Congress of Sociology (Toronto, Canada, July 15-21, 2018) / Editor-in-Chief V. Mansurov. Moscow: RSS; FCTAS RAS. 2018. Pp. 77-28.

Harding D. J. Rethinking the Cultural Context of Schooling Decisions in Disadvantaged Neighborhoods: From Deviant Subculture to Cultural Heterogeneity // *Sociology of Education*. 2011. № 84 (4). Pp. 322-339.

Holt T. J. Subcultural evolution? examining the influence of on- and off-line experiences on deviant subcultures // *Deviant Behavior*. 2007. № 28. Pp. 171-198.

Kaukinen C., Apel R. The Effect of Variation in Intact Family Forms on Deviant and Antisocial Behavior // *American Journal of Criminal Justice*. 2017. № 42. Pp. 350-372.

Meldrum R. C., Clark J. Adolescent Virtual Time Spent Socializing With Peers, Substance Use and Delinquency // *Crime and Delinquency*. 2013. № 6 (18). Pp. 1104-1126.

Topalli V. When being Good is bad: an expansion of neutralization theory // *Criminology*. 2005. № 43. Pp. 797-836.

References

Deviance, crime and social control in "the new world", (2012), Alef-Press, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Yermolaeva, M. V. (2008), *Development psychology*, MODEK, Moscow, Russia. (In Russian).

Lukov, V. A. (2012), *Theories of youth. A cross-disciplinary analysis: a monograph*, Canon, ROOI "Reabilitaciya", Moscow, Russia. (In Russian).

A methodical manual on identification of signs of risk of behavior in social media (2019), AO "Kribrum", Moscow, Russia. (In Russian).

Pyatnitskaya, I. N. and Shatalov, A. I. (2011), *Difficult children are difficult adults*, Knorus, Moscow, Russia. (In Russian).

The Russian science in figures (2018), Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia. (In Russian).

Youth sociology. Encyclopedic dictionary (2008), Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Stepin, V. S. (2011), *Civilization and culture*, SPbGUP, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Chuprov, V. I., Zubok, Yu. A. and Romanovich, N. A. (2019), *Trust in self-control of the changing social reality*, Norm, Moscow, Russia. (In Russian).

Chuprov V.I. and Zubok, Yu. A. (2009), *Youth extremism: essence, forms of manifestation and trend*, Academia, Moscow, Russia. (In Russian).

Chuprov, V. I. and Osipova, M. A. (2011) *Sociology of management. Theoretical bases*, RUDN, Moscow, Russia. (In Russian).

Shendrik, A. I. (2017), *Sociology of culture: studies*, UNITY-DANA, Moscow, Russia. (In Russian).

Copes, H., Williams, J. P. (2007), "Techniques of affirmation: Deviant Behavior, Moral Commitment, and Subcultural Identity", *Deviant Behavior*, (28), 247-272.

Gatti, U., Haymoz, S. and Schadee, H. M. (2011), "Deviant Youth Groups in 30 Countries: Results From the Second International Self-Report Delinquency Study", *International Criminal Justice Review*, (21), 208-224.

Gilinskiy, Ya. (2018), "Deviance in the postmodern society", *Power, Violence and Justice Reflections, Responses and Responsibilities*, XIX ISA World Congress of Sociology, Toronto, Canada, 15-21 July, 77-28.

Harding, D. J. (2011), "Rethinking the Cultural Context of Schooling Decisions in Disadvantaged Neighborhoods: From Deviant Subculture to Cultural Heterogeneity", *Sociology*

of Education, (84), 322-339.

Holt, T. J. (2007), "Subcultural evolution? examining the influence of on- and off-line experiences on deviant subcultures", *Deviant Behavior*, (28), 171-198.

Kaukinen, C. and Apel, R. (2017), "The Effect of Variation in Intact Family Forms on Deviant and Antisocial Behavior", *American Journal of Criminal Justice*, (42), 350-372.

Meldrum, R. C. and Clark, J. (2013) "Adolescent Virtual Time Spent Socializing With Peers, Substance Use, and Delinquency", *Crime and Delinquency*, (6), 1104-1126.

Topalli, V. (2005), "When being Good is bad: an expansion of neutralization theory", *Criminology*, (43), 797-836.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Сорокин Олег Владимирович, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, доцент Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Oleg V. Sorokin, Senior Researcher, Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University.

УДК 355.01

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Шаповалова И. С.¹

Генкин (Филонова) Ю. Ю.²

**Онлайн перспектива в образовательных траекториях
молодежи**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2855-8968

²Государственный Морской Университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, пр-т Ленина, г. Новороссийск, 93353918, Россия
E-mail: yuliana1970@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0003-1762-4277

Статья поступила 28 сентября 2019 г.; Принята 8 декабря

Опубликована 30 декабря

Аннотация. В статье изложены результаты российских исследований, посвященных образовательным траекториям молодежи с учетом современных тенденций. Приведены результаты двух массовых опросов молодежи, связанные с оценкой образовательных стратегий и включенности в онлайн-образование. В качестве научного итога в статье приведены основные социализационные результаты образовательных установок молодежи: ориентация на образование в течении всей жизни, потребность в самообразовании, установка на получении второго образования. Обозначены основные риски, которые сопровождают выявленные результаты и выбранные молодежью образовательные траектории: риск ошибочной профессиональной самоидентификации, риск получение неглубоких знаний и ориентация на поверхностные образовательные продукты. Выявлены акценты в отношении новых образовательных форматов – онлайн-образования в дистанционной форме. В итоге исследования определено проблемное поле управления перспективой образовательного выбора молодежи, в периметре которого находятся проблемы, связанные с удовлетворением потребностей в самообразовании молодежи, снижение уровня и глубины получаемых и сохраняемых молодежью знаний, проблема «внешней памяти», связанная с обилием гаджетов и устройств, воспроизводящих информацию и многое другое. Обозначены риски неуправляемого включения молодежи в онлайн-образовательные альтернативы, связанные с трансформацией структуры человеческого капитала, развития негативных генерационных черт, перспективой образовательного института.

Ключевые слова: молодежь; социальные стратегии; жизненный выбор; образование; образовательные стратегии; онлайн-образование; самообразование

Acknowledgments. Российский фонд фундаментальных исследований, проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи региона России в рискологической парадигме».

Информация для цитирования: Шаповалова И. С., Генкин (Филонова) Ю. Ю. *Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи // Научный ре-*

зультат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 91-102. DOI:
10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Inna S. Shapovalova¹

Yuliana Y. Genkin (Filonova)²

Online perspective in educational trajectories of Youth

¹Belgorod State National Research University,
Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru
ORCID ID: 0000-0002-2855-8968

²Admiral F.F. Ushakov State Maritime University,
Prospect Lenina, 93, Novorossiysk, 353918, Russia
E-mail: yuliana1970@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0003-1762-4277

Received on September 28, 2019; Accepted December 8, 2019

Published December 30, 2019

Annotation. The article presents the results of Russian studies on the educational trajectories of youth, taking into account the frustrated trends. The results of two mass youth surveys related to the assessment of educational strategies and inclusion in online education are presented. As a scientific result, the article presents the main socialization results of educational attitudes of young people: orientation to education throughout life, the need for self-education, attitude towards obtaining a second education. The main risks that accompany the identified results and the educational paths chosen by young people are identified: the risk of erroneous professional self-identification, the risk of acquiring shallow knowledge and orientation toward superficial educational products. Emphasis has been identified in relation to new educational formats - online education in distance form. As a result of the study, the problem field of managing the prospect of the educational choice of youth was identified, the perimeter of which contains problems related to meeting the needs for self-education of young people, reducing the level and depth of knowledge acquired and stored by youth, the problem of “external memory” associated with an abundance of gadgets and devices that reproduce information and more. The risks of uncontrolled inclusion of youth in online educational alternatives associated with the transformation of the structure of human capital, the development of negative generational traits, and the prospect of an educational institution are identified.

Keywords: youth; social strategies; life choices; education; educational strategies; self-education; online education.

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the RFBR grant, project № 18-411-310009 "Evaluation of socializing trajectories of youth in the Russian region in the risky paradigm".

Information for citation: Shapovalova I. S., Genkin (Filonova) Y. Y. (2019), “Online perspective in educational trajectories of Youth”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8

Введение (Introduction). Молодежь – особая социальная группа, имеющая высокую настоящую и перспективную значимость, скрывающая неясный потенциал, но несущая глобальную миссию формирования национального будущего. Раскрытие потенциала российской молодежи, реализуемого в последствии в качестве составной части человеческого капитала, является приоритетом в ряду стратегических ориентиров России. Выбор жизненных ориентиров и социальных стратегий молодыми людьми, во многом определяет будущее России. Предварительное изучение социальных стратегий молодых людей способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей и управляемости регионального развития.

Вопрос человеческого капитала, как сложной, многокомпонентной и прогнозно-масштабной категории, связанной с развитием территории, является стратегическим исследовательским периметром, в виду необходимости обеспечения прорывных задач, стоящих перед российскими регионами. В этой связи, говоря о воспроизводстве человеческого капитала, мы неизменно обращаемся к включению, мотивации и результату, который дает молодежь в образовательном фарватере.

Выбор образовательных траекторий, набор и масштаб компетенций, их уровень, специфика и конфигурация образовательных мотивов и установок на самообразование – знание всех этих моментов дает возможность прогнозировать расширение и качественное наполнение, а также возможную капитализацию составляющих человеческого регионального ресурса.

Появление и экспансия онлайн-образования заставляет задуматься о влиянии эволюции образовательного института на все составляющие человеческого капитала – прогресс или регресс, технология или квазитехнология? – «вот в чем вопрос»!

Наше исследование в этой плоскости носит поисковой характер прикосновения

к проблеме и обозначения ее контура и является началом исследовательского цикла в области цифровизации регионального пространства.

Методология и методы (Methodology and methods). Молодежная культура, погруженная в общие и специфические риски, формирует сложный факторный фарватер, в рамках которого молодежи приходится принимать жизненно важные решения, вырабатывая свой путь социализации, что подчеркнуто во многих исследованиях российских авторов (Муздыбаев, 2004; Киреев, Красниковский, Сазонов и Сазонова, 2013). Изменения структуры основных социальных процессов и механизмов воздействия на молодежь основных социализационных институтов, приводит к непредсказуемому результату социализации, способному качественно изменить будущий менталитет россиянина. Такие изменения могут происходить по всем направлениям социализации, но в данной статье мы рассмотрим только одно – образовательные стратегии российской молодежи, уделив особое внимание подключению ее к новым образовательным форматам – онлайн-образованию.

Образование, как социализационный механизм для молодежи, становится предметом постоянного и активного изучения. Выбор образовательных траекторий, роль образования в самоопределении, самообразование как фактор личностного роста и фактор, определяющий личностные потенции и характеристики – эти, и другие вопросы находятся под постоянным вниманием исследователей. Среди прочих мы можем выделить работы Д. Л. Константиновского, по тематике которых мы видим динамику интереса академических институтов к проблеме образования молодежи (Константиновский, 1997, 2008, 2014, 2015), так, например, еще в 1997 году в работах ученого была поставлена проблема неравенства в образовании молодежи – вопрос, так актуальный в западных странах и только начинающий вызывать интерес сегодня (Варшавская, 2015).

Помимо специфики предметных областей образования, которые являются предметом междисциплинарных исследований, включающих, как правило, педагогические изыскания, проблема образования молодежи изучается с позиции разных научных ракурсов: образование рассматривается как ценность в общей ценностной системе молодых людей (Зырянов и Горелова, 2015), но есть и обратная связь, которая интересует исследователей – какую ценностную систему формирует образование (Моторная, 2015; Кононова, 2009). Отдельное внимание ученые уделяют изучению различных этапов образования, как правило останавливаясь на высшем и профессиональном образовании (Ткаченко, Смирнов и Бурмистрова, 2012), самообразовании, дополнительном образовании уже в период работы. Изучению связи образования и будущей профессии посвящены многие работы, позволяющие увидеть эту связь не только по отношению к общей молодой когорте (Константиновский, 2014), но и относительно региональной молодежи (Костюк, Траскунова и Константиновский, 1980).

Исследование образовательных траекторий молодежи было представлено двумя этапами.

Исследуя риски в области социализационных стратегий молодежи, в 2018 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было впервые проведено глобальное исследование социальных стратегий молодежи. Были произведены замеры в области 11 стратегий: экономические, образовательные, миграционные, трудовые, общественные, духовно-нравственные, досуговые, политические, самосохранительные, семейные, коммуникативные. Объектом исследования выступила молодежь российской провинции (N=2 500), распределенная по полу, возрасту, территории проживания и трем основным квотам: учащаяся, студенческая и работающая молодежь.

Глобальной целью первого этапа было изучение социализационных траекторий молодежи и возможности влияния на них стороны региональных институтов в условиях рискогенности современной среды обитания. Подробнее о различных аспектах исследования можно узнать из научных публикаций И.С. Шаповаловой и А.В. Кисиленко (Шаповалова и Максименко, 2018; Шаповалова и Кисиленко, 2018; Кисиленко, 2018). Одним из предметов изучения стали образовательные стратегии молодежи, что позволило выделить одну из *важных задач исследования*: определение рисков существующих диспозиций образовательного выбора и предпочтений, социализационных результатов молодежи в периметре образовательных жизненных стратегий.

На втором этапе, с использованием метода социологической оптики (Шаповалова, 2014) был «приближен» аспект трансформации образовательных форм, изучена готовность к ним молодежи. Исследование было проведено посредством онлайн-опроса (N=3 188), выборка распределена была также по полу, возрасту, территории проживания и образовательной стадии.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Усиление внимания со стороны государства и его институтов к качеству образовательных продуктов, работа над стандартами и контролем их выполнения, а также все возрастающая конкуренция среди акторов, предоставляющих образовательные услуги, приводит нас к мысли о том, что необходимо более глубоко погрузиться в прогнозирование будущей ситуации, связанной с образовательным выбором и предпочтениями современной молодежи. Поиск наиболее востребованных образовательных форм может привести к перераспределению образовательного выбора. Но, при такой задаче, конечно, мало изучать предпочтения и образовательные стратегии молодежи – необходимо в-первую очередь понимать, а что собственно мы ждем от

молодого поколения в национальном масштабе? Ожидания нашего государства можно уложить в одно ёмкое слово – «развитие». Оно предполагает активное восприятие и эффективное усваивание и использование новой информации, наличие способности и мотивации к саморазвитию, возможность получения дополнительных компетенций на любом уровне своего социального становления и образование «длинною в жизнь».

С позиции развития, повышения собственных возможностей, а также использования возможностей сильнейшего института социализации, нас интересуют образовательные траектории молодых людей. В силу того, что в исследовании принимали участие школьники, обучающиеся сузов и студенты, закономерен результат, когда 81,8% находятся на стадии обучения.

На данный момент из всего массива 13,7% получают второе образование, 1,7% обучаются по программе повышения квалификации и примерно столько же занимаются самообразованием. Стоит сказать, что получение второго образования становится не просто тенденцией, обусловленной ошибкой выбора или жизненными обстоятельствами, но и собственно изначальной стратегической установкой нашей молодежи. Трудно сказать, больше здесь плюсов или минусов. Безусловно, положительно можно оценить само стремление и активность к его осуществлению. Отрицательным же моментом является длительное самопознание, неглубокое погружение в отрасль и в первом и во втором случае, приравнивание образования к «экспириенсу», количество которого может повысить стоимость специалиста.

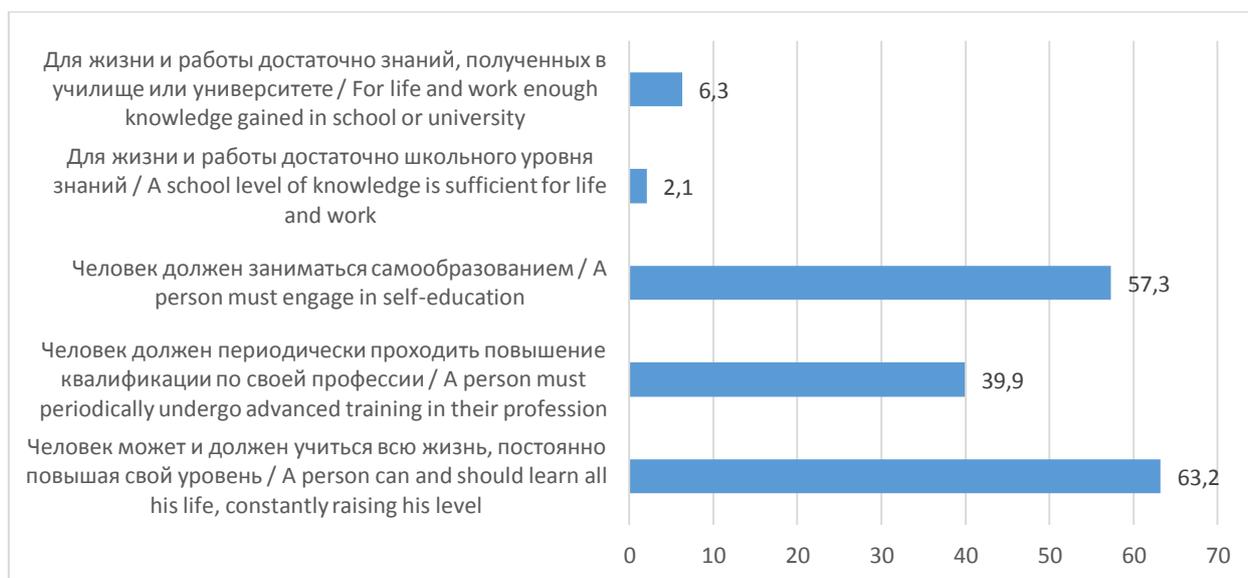

Рис. 1. Стратегический образовательный вектор современной молодежи
Fig. 1. Strategic educational vector of modern youth

Оценка диспозиций, полученных российской молодежью в итоге ее социализации показала, что большинство (63,2%) считают, что человек должен учиться на протяжении всей жизни (рис. 1). Периодическое повышение квалификации предполагают 39,9%. На данный момент мы можем говорить о двух социализационных результатах – интерес к образова-

нию и потенциал самообразования молодежи, который отмечают для себя 57,3%. Ограниченность в отношении образовательных траекторий демонстрируют только 8,4% опрошенных. Значимость качественного образования в достижении жизненного успеха признается подавляющим большинством молодежи (83,12%). Однако 31,73% из этого числа ставят качественное

образование в одном ряду с активностью самого человека. Достаточно тревожным признаком является то, что лишь половина (50,75%) молодых людей считает доступным получение качественного образования в их городе (районе) вне зависимости от финансовых возможностей. Еще 11,12% думают, что такие возможности есть, но лишь для финансово обеспеченных семей. Пятая часть опрошенных (19,29%) отрицает возможности получения качественного образования в месте своего проживания. Наиболее критично оценивают доступность качественного образования школьники средних и старших классов, а также работающая молодежь. Таким образом. Мы вплотную подходим к проблеме *территориального и экономического неравенства в возможности выбора образовательных траекторий* – в дальнейшем дан-

ная ситуация трансформируется в неравных профессиональных возможностях, порождая ригидность социальной трансформации, ограничение социальной мобильности, в ряде случаев и маргинализацию.

Рассматривая динамику жизненного выбора российской молодежи видим, что большая часть, предполагающих получить второе образование (а таковых на данный момент 52,6%) приходится на возраст 20-25 лет. К сожалению, такой факт раннего переобучения свидетельствует о том, что многие сделали или предполагают возможный ошибочный образовательно-профессиональный выбор, компенсировать который можно получив дополнительное образование в комплементарной, смежной или вообще иной области. Только 13,3% планируют это сделать, уже поработав в профессиональной сфере (см. табл.).

Таблица
Table

Ответы на вопрос «В каком возрасте Вы сделали, планируете (или не планируете), предпринять следующие шаги?»
Answers to the question “At what age did you make, plan (or do not plan), take the following steps?”

Варианты ответов/ Answer options	18-20	20-25	26-30	31-35	36-40	41-45	45-60	После 60 лет/ After 60 years	Не планирую/ I do not plan	Не знаю/ I do not know
Получить второе образование / Get a second education	5,6	30,1	13,3	2,5	0,6	-	-	0,5	6,3	13,1
Обучиться на курсах дополнительного образования / Take courses in continuing education	9,1	29,8	11,8	2,2	0,6	-	-	0,5	3,8	13,0
Повысить свою квалификацию по профессии / Improve your qualifications by profession	3,7	21,4	22,8	5,5	0,9	-	-	0,3	2,8	13,3
Заняться самообразованием / Self-education	24,2	22,1	8,8	2,9	1,0	0,5	-	0,3	1,4	10,6
Открыть собственные обучающие курсы / Open your own training	2,7	7,7	10,0	6,5	3,5	1,0	0,5	0,8	17,0	20,1

courses										
---------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Обучаться на курсах дополнительного образования в разные периоды жизни предполагают 54,0% и опять – большинство приходится на 20-25 лет. Возможно, тем самым молодые люди стремятся восполнить недостатки образования сузов и вузов. А вот повышать свою квалификацию молодые люди предполагают не только вовремя и сразу после обучения (54,6%), но в развитии свое трудовой карьеры (26-30 лет, 22,8%).

Уже сейчас практически треть опрошенных активно занимаются самообразованием – вообще, начало этого действие относится у молодежи как раз на годы обучения, что вселяет надежду на приобретение не утрачиваемого навыка, который будет использован и в дальнейшем. Преподавательский потенциал дает возможность планировать открытие собственных обучающих курсов более трети опрошенным (32,7%). Исходя из полученной динамики, мы можем несколько подкорректировать социализационный результат – молодежь планирует активно обучаться и включаться в образовательные программы до 30 лет. Одновременно стоит отметить достаточно высокую оценку собственной компетентности, планирование приобретения уникальных компетенций, в получении которых будут заинтересованы будущие «ученики и последователи» молодых людей.

Получив представление об общем образовательном векторе современной молодежи, перейдем к обозначению координат развития современных тенденций – как относится молодежь к новой траектории – онлайн-образования. Появляется ли культура цифрового образования, есть предпосылки, что будет осуществлена действительно качественная эволюция образовательных форм?

Какова же рекогносцировка ситуации на данный момент? Она весьма перспективна с точки зрения успешности экспансии новых форм – треть респондентов уже

проходила онлайн-обучение (33%), 47% знают о таком формате, но сами не принимали в нем участия. В меньшинстве остаются те, кто имеет слабое представление о новых форматах, как правило, это сельская молодежь – риск усугубления ситуации «образовательного неравенства» по нашему предположению всегда катализируется его эволюцией, что и подтвердило наше исследование.

Насколько же поддерживается новая образовательная форма молодежью? 39,7% считают, что онлайн-образование вполне может стать альтернативой традиционным формам, но в отрицательной перспективе уверен группа сопоставимая по размеру – 31,8%. Сопряжение с участием в онлайн образовании показывает, что в первой группе находятся преимущественно те, кто пробовал участвовать в онлайн-курсах, во второй – кто не принимал участие и имеет небольшое представление о таком формате.

В оценке удобства онлайн-формата молодежь разделилась практически поровну, с небольшим перевесом в сторону положительной оценки – 51,4% обозначили, что такой формат образования им удобен и 48,4% – что, скорее нет. Для определения перспектив и готовности молодежи поддержать онлайн-образование, мы задали вопрос с расширенной перспективой «Если онлайн-образование будет развиваться стремительными темпами, как вы к этому относитесь?». Распределение мнений показывает, по сути, разделение оппонентов на два противоположных лагеря: однозначно положительную перспективу видят здесь для себя 41,1%; неуверенную, осторожную или негативную позицию занимают порядка 48% (рис. 2). Так, 38,5% будут ориентироваться на референтное мнение в ограниченном использовании онлайн образования, 16,1% будут по возможности избегать включения в новый формат, а 3,6% станут на активную позицию отторжения онлайн перспективы.

Нельзя сказать, что мы получили ответ на свой вопрос – будет ли однозначно востребовано онлайн образование современной молодежью. Это привело нас к необходимости определить зону опасения по отношению к новым формам – мы выложили «мифологическое поле» – наиболее популярные мнения, суждения об онлайн-образовании, в которых заключены страхи, риски, ожидания и надежды, свя-

занные с новым форматом. Молодые участники нашего исследования оценили высказывания с позиции согласия с ними – обозначив оценку «правда» или «миф». Был предложен и нейтральный вариант, для затруднившихся с ответом. Две амбивалентные позиции построили для на следующую картину восприятия эволюции образовательных форм среди молодежи (рис. 3).

Рис. 2. Перспективная позиция молодежи по отношению к использованию онлайн-ресурсов в образовании

Fig. 2. The perspective position of youth in relation to the use of online resources in education

В своей оценке студенты определили три утверждения, с которыми они в большинстве своем согласны – это удобство онлайн-образования с позиции графика, условий, набора программ (68,13%); их эффективность, благодаря использованию удобных инструментов управления и оценки (59,91%), идентичность с дистанционными формами образования (59,44%) – данная оценка не понятна по своей эмоциональной окрашенности, дистанционная форма может быть как положительной оценкой возможности удаленного доступа, так и пренебрежением по отношению к уровню, «новизны» предлагаемого формата.

Достаточно референтным стоит считать мнения, сложившиеся практически в идентичных по своему размеру группах, но выражающих различных оценочных знак. Так, 45,82% высказались как за то, что новый формат дает возможность сле-

дить за успехами каждого выпускника, так и за то, что включение в онлайн-курсы не позволяет контролировать качество знаний и квалификацию специалистов, читающих онлайн-курсы. По сути, противопоставленные мнения, выводят нас на понимание фактического зеркального разделения целевого массива.

Обозначилось и достаточно высоко разделяемое «мифологическое поле» онлайн-образования, которое позволило понять – молодежь стоит скорее на векторе положительной оценки онлайн-возможностей системы образования. Иллюзорными молодые люди считают мнения о неэффективности и низком качестве онлайн-курсов, дороговизне и отсутствия контроля и обратной связи, а также, негативному влиянию на престиж профессии учителя. Разделяемость этих мнений составила более 40% от общего массива.

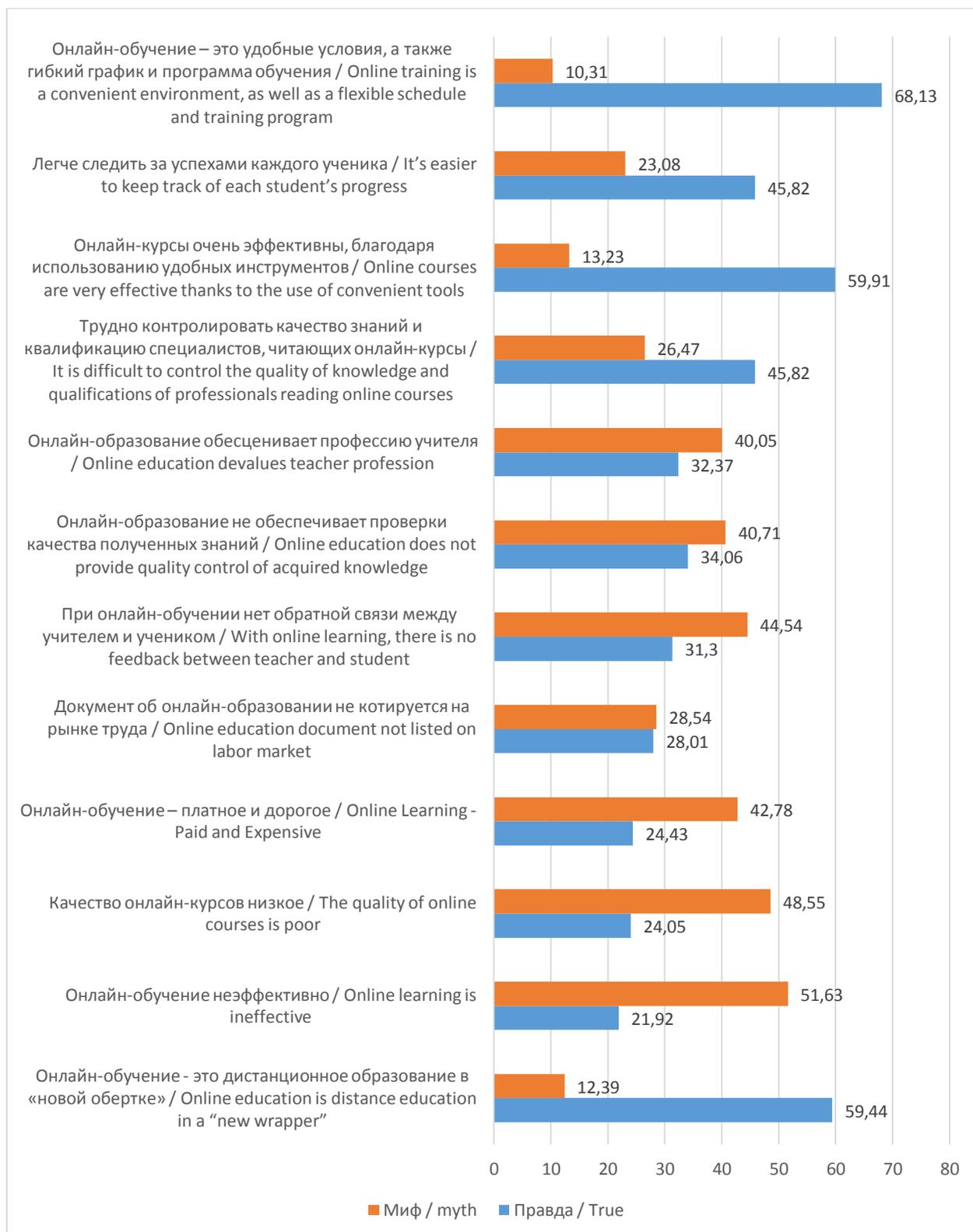

Рис. 3. Перспективная позиция молодежи по отношению к использованию онлайн-ресурсов в образовании
Fig. 3. The perspective position of youth in relation to the use of online resources in education

Заключение (Conclusions). Говоря о результатах проведенного исследования, мы отмечаем, в первую очередь, те социализационные результаты, которые получены для молодежи 1997-2003 года рождения. Это: а) *ориентация на два и более образовательных вектора*, б) *стремление к самообразованию*; в) *наличие установки на пролонгированное обучение*. По каждому из полученных результатов могут быть сделаны соответствующие выводы, необходимые для управления образовательными траекториями молодых людей. Оценивая существующую палитру образовательных форм, включение России в гонку за онлайн-образованием, можно сказать, что существующие устремления молодежи имеют благоприятную почву. Это касается и установок на постоянное обучение. Конечно, такая установка, как правило высказывается молодежью, но при операционализации конкретных сроков, как показали наши опросы, дает конкретные ограничения – а именно, 30 лет. И вот здесь стоит говорить о существующем противоречии – современные вузы России напротив, реализуют проекты серебряного университета, образовательного сопровождения профессиональных профилей, обучение узким компетенциям. Между тем, именно молодые люди до 30 лет остаются в некотором образовательном дефиците.

Осознание образовательными институтами существующих интересов и потребностей молодежи приводит не только к росту количества, но и к снижению качества образовательных продуктов. Ориентируясь на третий социализационный результат (потребность в самообразовании), мы понимаем – он будет идти параллельно с ростом онлайн образовательных платформ и продуктов – именно при их помощи будет удовлетворять молодежь свои образовательные потребности. Клиповость и поверхностная презентационность эти форматов будет только усугублять соответствующие риски и специфику молодежного мышления поколения Z (клиповое мышление, внешняя память, гаджет-

зависимость). В связи с этим мы можем получить некоторую отрицательную иллюзию – молодые люди будут считать, что реализуют свои потребности в самообразовании, ориентируясь на неглубокую и поверхностную информацию. Что делать в данной ситуации? Необходимы стандарты и ориентиры для образовательных продуктов, разграничение деятельности серьезных платформ и ресурсов от продуктов «быстрого реагирования». Поощрение молодежи к образованию и самообразованию – обязательно, но введение официальных ассесмент-процедур даст возможность молодым людям получить реальную оценку полученного результата, определить для себя ограничительные характеристики недоброкачественных образовательных продуктов.

Как развить, так и усугубить ситуацию может экспансия онлайн образовательных форм на рынке образовательных услуг. Мы видим, что «величина» подключения и поддержки нового формата среди молодежи близится к 50%. При этом, в сторону «мифологии» отошла критическая оценка восприятия системного изменения. Мы не можем не понимать – российская система стоит на принципах «копирования опыта», «догнать любой ценой», «партия сказала, комсомол ответил «есть»». Такая «принципиальная» диспозиция трансформирует «благие намерения» в «дорогу в ад» – мы предполагаем насыщение рынка образовательных услуг некачественными онлайн-продуктами, применение квазитехнологий в масштабирование и легализации формата онлайн-образования. Некритичность восприятия и насаждение необходимости со стороны управляющих систем, исключает возникновение естественных фильтров у молодежи, особенно в условиях глобализации, ускорения жизненных ритмов, тотальной экономии и дефицита ресурсов.

Что ожидать? Молодежь не может, как бы нам не хотелось выйти на уровень саморегуляции в вопросе построения эффективной образовательной траектории с

учетом обозначенных рисков и инновационных «соблазнов», так удачно «попадающих» и усугубляющих ее специфические черты (клиповость и фрагментарность мышления, кибер-зависимость, поверхностность, множественность ролей, внешнюю и кейсовую память). В связи с этим, мы можем получить деформацию человеческого капитала, нарушение цикла воспроизводства науки. Что возможно предпринять? Прежде всего, продумать системы контроля и регулирования включения на комплексной основе (с классическими формами), в качестве добавочного, расширяющего (а не заменяющего) компонента онлайн-форматов. Возможно, следует предложить модель эффективной образовательной траектории с местами модульного расширения, позволяющую сохранить те национальные достижения института образования, которые были наработаны за долгую историю его развития.

Список литературы

Блинова Т. В., Вьялшина А. А., Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско-городских различий. // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 40-49.

Кисиленко А. В., Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи. // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4(1). С. 63-71.

Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. М.: Издательский Дом «Наука», 2013. 286 с.

Кононова Т. М. Формирование ценностных ориентаций молодежи на этапе высшего образования. // Академический вестник. 2009. № 3. С. 46-50.

Константиновский Д. Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства. // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92-123.

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Интернационализация образования и российская молодежь: открытия, обретения, результативность. // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии

наук. 2008. № 4. С. 4-80.

Константиновский Д. Л. Российская молодежь: образование и занятость. // Россия и Китай: Молодежь XXI века. М., 2014. С. 283-307.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования. // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37-48.

Костюк В. Г., Траскунова М. М., Константиновский Д. Л. Молодежь Сибири: образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Максименко А. А., Шаповалова И. С. Молодежь и российская армия: будет ли положительный вектор во взаимодействии? // Научный результат. Социология и управление. 2018. Том 4. № 2, С. 70-87.

Моторная С. Е. Проблема осуществления жизненной цели и формирование ценностной шкалы современной молодежи в процессе образования. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1. С. 141-145.

Муздыбаев К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том 7. № 1. С. 175-189.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования. // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Том 13. № 6, С. 14-28.

Шаповалова И. С. Социологические маркеры в исследовании социокультурных феноменов // мат. IV Международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна», Белгород, 12.09.2014. Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 113-121.

Ткаченко Е. В., Смирнов И. П., Бурмистрова А. С. Профессиональное образование и молодежь России. М: НИИРПО, 2012. 212 с.

Варшавская Е. Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России. // Вопросы статистики. 2015. № 4, С. 40-46.

Зырянов С. Г., Горелова Г. Г. Место образования в системе ценностей студенческой молодежи. // Социум и власть. 2015. № 4. С. 7-14.

References

Blinova, T. V. and Vyalshina, A. A. (2016), "Youth outside of education and employment: an

assessment of rural-urban differences”, *Sociological research*, (9), 40-49. (In Russian).

Kisilenko, A. V. (2018), “Volunteering: the potential for self-organization of Russian youth”, *Research result. Sociology and management*, 4 (1), 63-71. (In Russian).

Kireev, E. Yu., Krasnikovskiy, V. Ya., Sazonov, A. A. and Sazonova A. L. (2013), *Youth of Moscow: value priorities, behavioral strategies and development prospects*, Izdatel'skiy Dom «Nauka», Moscow, Russia. (In Russian).

Kononova, T. M. (2009), “The formation of value orientations of youth at the stage of higher education”, *Academic Bulletin*, (3), 46-50. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. (1997), “Youth in the education system: the dynamics of inequality”, *Sociological Journal*, (3), 92-123. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L., Voznesenskaya, E. D. and Cherednichenko, G. A. (2008), “Internationalization of Education and Russian Youth: Discoveries, Findings, Effectiveness”, *Information and analytical bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, (4), 4-80. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. (2014), “Russian youth: education and employment”, *Russia and China: Youth of the 21st Century*, Moscow, Russia, 283-307. (In Russian).

Konstantinovskiy, D. L. and Popova, E. S. (2015), “Youth, the labor market, and the expansion of higher education”, *Sociological research*, (11), 37-48. (In Russian).

Kostyuk, V. G., Traskunova, M. M. and Konstantinovskiy, D. L. (1980), *Siberian youth: education and choice of profession*, Science, Novosibirsk, Russia. (In Russian).

Maksimenko, A. A. and Shapovalova, I. S. (2018), “Youth and the Russian army: will there be a positive vector in interaction?”, *Research result. Sociology and management*, 4 (2), 70-87. (In Russian).

Motornaya, S. E. (2015), “The problem of implementing a life goal and the formation of the value scale of modern youth in the educational process”, *International Journal of Applied and Basic Research*, (1), 141-145. (In Russian).

Muzdybaev, K. (2004), “Life strategies of modern youth: intergenerational analysis”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 7 (1), 175-189. (In Russian).

Shapovalova, I. S. and Kisilenko, A. V. (2018), “Spiritual and moral choices in the life strategies of youth: the experience of sociological research”, *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 13 (6), 14-28. (In Russian).

Shapovalova, I. S. (2014), “Sociological markers in the study of sociocultural phenomena”, *IV International Scientific Conference "Sociology of Religion in the Society of Late Modern"*, Publishing House "Belgorod", Belgorod, Russia, 113-121. (In Russian).

Tkachenko, E. V., Smirnov, I. P. and Burmistrova, A. S. (2012), *Vocational education and youth of Russia*, NIIRPO, Moscow, Russia. (In Russian).

Varshavskaya, E. Ya. (2015), “Youth excluded from employment and education in the EU and Russia”, *Statistics issues*, (4), 40-46. (In Russian).

Zyryanov, S. G. and Gorelova, G. G. (2015), “The place of education in the system of values of student youth”, *Society and power*, (4), 7-14. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Генкин (Филонова) Юлиана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков Государственного Морского Университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Inna Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University.

Yuliana Y. Genkin (Filonova), Candidate of Philology, Associate professor Foreign Languages Department, Admiral F.F. Ushakov State Maritime University.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9

Шлыкова Е.В.

Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
shlykova70@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

*Статья поступила 28 сентября 2019 г.; принята 8 декабря
опубликована 30 декабря*

Аннотация. Исходным в статье является представление о террористической угрозе как одном из социальных рисков современности, модифицирующем привычную среду и требующем адаптации. Предложен подход к противодействию терроризму как процессу институционально-гражданской адаптации к рискогенной среде. Представлен анализ тенденций и динамики процесса адаптации к риску терроризма в России основных субъектов противодействия: социальных институтов и гражданского общества в 2005-2018 годах. Содержательное развитие российского антитеррористического законодательства, положительная динамика качества действующего механизма противодействия способствуют активной адаптационной стратегии и высокому уровню адаптации институциональных субъектов к риску терроризма. Вместе с тем, реактивный характер российского антитеррористического законодательства приводит к недостаточной реализации принципов приоритета мер предупреждения терроризма и сотрудничества государства с гражданами в противодействии ему. Невысокий уровень самооценок защищенности от терактов, неготовность населения к участию в противодействии терроризму, недоверие институциональным субъектам и стремление переложить на них ответственность за процесс противодействия обуславливают пассивную адаптационную стратегию и низкий уровень адаптированности населения России к риску терроризма. Адаптационная асимметрия в скорости и успешности адаптации институциональных субъектов и населения тормозит процесс противодействия терроризму в целом. Предлагаются научные и практические меры, направленные на восстановление баланса адаптационных стратегий и ресурсных потенциалов субъектов противодействия терроризму.

Ключевые слова: террористическая угроза; противодействие терроризму; антитеррористическое законодательство; субъекты противодействия; гражданское участие; адаптация; адаптационная стратегия; риск, рискогенная среда.

Информация для цитирования: Шлыкова Е. В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9

Elena V. Shlykova

**Countering terrorism as adaptation to risks of the present:
social essence and subjects of the process**

Institute of Sociology,
Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
shlykova70@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2875-271X

*Received September 28, 2019; accepted December 8, 2019
published December 30, 2019*

Abstract. The starting point of the article is the idea of the terrorist threat as one of the social risks of modernity, modifying a familiar environment and requiring adaptation. Proposed approach to counter-terrorism as a process of institutional and civil adaptation to the risky environment. The article presents the analysis of trends and dynamics of the process of adaptation to the risk of terrorism in Russia of the main subjects of counteraction: social institutions and civil society in 2005-2018. The substantial development of the Russian anti-terrorist legislation, the positive dynamics of the quality of the existing counteraction mechanism contribute to an active adaptation strategy and a high level of adaptation of institutional subjects to the risk of terrorism. At the same time, the reactive character of the Russian anti-terrorist legislation leads to insufficient implementation of the principles of priority measures to prevent terrorism and cooperation between the state and citizens in countering it. The low level of self-assessment of protection from terrorist attacks, the unwillingness of the population to participate in countering terrorism, distrust of institutional actors and the desire to shift all responsibility for the process of counteraction to them cause a passive adaptation strategy and a low level of adaptation of the Russian population to the risk of terrorism. The adaptive asymmetry in the speed and success of adaptation of institutional actors and the population hinders the process of countering terrorism as a whole. Scientific and practical measures aimed at restoring the balance of adaptation strategies and resource potentials of counter-terrorism subjects are proposed.

Keywords: terrorist danger; counteraction to terrorism; anti-terrorism legislation; subjects of counteraction; civic participation; adaptation; adaptation strategy; risk; risky environment.

Information for citation: Shlykova E. V. (2019), "Countering terrorism as adaptation to risks of the present: social essence and subjects of the process", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 103-118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9

Введение (Introduction). В последние годы в мире отмечается опасная динамика роста количества и «качественного усовершенствования» террористических

атак. Основные тенденции современного терроризма, представляющие угрозу национальной безопасности России и ее населению, отражены в «Концепции противо-

действия терроризму в Российской Федерации»¹. Масштаб и высокая вероятность разрушительных последствий террористической угрозы обуславливают актуальность поиска адекватных мер противодействия терроризму, что отражается в современном научном дискурсе. Анализ научной литературы за последние несколько лет показывает, что проблема противодействия терроризму находится в зоне внимания специалистов в области юриспруденции и права, социальной психологии и социологии.

Методология и методы (Methodology and methods). Правовой аспект включает изучение специфики российского законодательства, направленного на регулирование антитеррористической, антиэкстремистской деятельности, обоснование путей его усовершенствования (Аккаева, 2015; Кочои, 2016); анализ практики правоприменения в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной работе (Бутаев, 2015); формирование комплексной правовой системы поддержки деятельности противодействующих терроризму субъектов (Сембекова, 2018). Психологи в основном исследуют процессы формирования антитеррористического и антиэкстремистского сознания (Яхьяев и др., 2018).

Мониторинговые социологические замеры включают риск терроризма в рейтинговый перечень угроз наряду с другими внутренними и внешними угрозами, а борьбу с терроризмом – в перечень оценки динамики и качества изменений в различных сферах общественной жизни (Российское общество..., 2017). Целевые социологические исследования рассматриваемой проблемы можно свести к следующим основным: обоснование социальной сущности терроризма (Щебланова, 2012); оценка населением остроты террористической угрозы, эффективности работы государ-

ственных органов по противодействию терроризму и уровень доверия к ним²; анализ причин, факторов и каналов вовлечения населения в террористические и экстремистские организации и обеспечение профилактики терроризма и экстремизма (Маркин, 2014).

Подчеркивая масштабность проблемы, приходится признать, что социологические исследования противодействия терроризму последних лет, как правило, проводятся в отдельных регионах и не дают полной картины представлений населения о сути процесса, не учитывают его динамику. Опросы общественного мнения, напротив, отслеживают динамику представлений населения о терроризме и борьбе с ним, но не проводят анализ взаимосвязи оценок террористической угрозы населением с показателями, характеризующими процесс противодействия.

Исходным для анализа в статье является представление о террористической угрозе как одном из социальных рисков современности, модифицирующем привычную, безопасную среду и требующем адаптации: «терроризм влечет за собой обширные далеко идущие последствия..., сила же социальной системы проявляется в ее возможности принять террористический вызов..., преодолеть трудности благодаря адаптивным модификациям» (Щебланова, 2013: 271).

В статье предлагается понимание противодействия терроризму на базе методологии анализа адаптационных процессов в трансформирующемся обществе. Адаптация в целом трактуется как процесс «активного освоения» среды, направленного на достижение «гармонии» между субъектом и средой (Козырева, 2004). В рискованной среде целью адаптации является

¹Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 05.10.2009 г. // Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/ (дата обращения: 31.07.2019).

²Террористическая угроза на сирийском фоне // ВЦИОМ. Пресс-выпуск 11.09.2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9302> (дата обращения: 15.08.2019); Проблема терроризма в представлениях россиян // Левада-Центр. Пресс-выпуск 12.02.2014 г. URL: <https://www.levada.ru/2014/02/12/problema-terrorizma-v-predstavleniyah-rossiyan/> (дата обращения: 15.08.2019).

способность предвидеть возможные ущербы и справляться с неизбежными (Мозговая, Шлыкова, 2014).

Сущность терроризма состоит в институционально-гражданском характере предотвращения и противодействия. Иными словами, ответственность за противодействие терроризму несут основные субъекты социальной жизнедеятельности: как социальные институты, так и гражданское общество. Применительно к террористической угрозе адаптация на институциональном уровне анализируется через правоприменение, на уровне гражданского общества – через оценки населением своей защищенности, качества и практики противодействия терроризму, доверия институциональной среде, готовности к гражданскому участию в сфере борьбы с террористическими и экстремистскими проявлениями.

Цель статьи – выявить тенденции в динамике процесса противодействия терроризму в России как адаптации к рискованной среде, трансформирующейся под воздействием террористической угрозы. Для этого охарактеризуем представления россиян о террористической угрозе; определим «социальный запрос» на определенные аспекты процесса противодействия терроризму; проанализируем их динамику за последние годы.

Эмпирическую базу анализа составляют данные общероссийского социологического опроса, выполненного группой специалистов Института социологии РАН³ под руководством директора, академика РАН, доктора философских наук, М. К. Горшкова и руководителя сектора проблем риска и катастроф, кандидата философских наук А. В. Мозговой осенью 2005 года. Квотная выборочная совокупность репрезентировала взрослое население России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, типу поселения и характеру занятости и составляла 3000 респон-

дентов. Опрос населения России проводился методом формализованного интервью. Инструментарий разработан М. К. Горшковым и А. В. Мозговой.

На основе данных этого исследования проанализируем специфику «социального запроса» россиян на противодействие терроризму по следующим показателям: оценка населением террористической угрозы; оценка россиянами правовой базы противодействия терроризму; субъекты противодействия терроризму и оценка их деятельности; гражданское участие как ресурс противодействия терроризму.

На основании вторичного анализа данных социологических исследований коллег, опросов общественного мнения, официальной статистики, содержательного анализа изменений и дополнений антитеррористического законодательства осуществим анализ динамики показателей «социального запроса» россиян на противодействие терроризму в период с 2006 года по настоящее время. Полагаем, что предложенный ретроспективный подход позволит выявить позитивные и негативные тенденции процесса противодействия терроризму в России и наметить пути его совершенствования, направленные на повышение адаптированности субъектов противодействия к риску терроризма.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Оценка террористической угрозы и динамика опасений россиян. К 2005 году население России многократно сталкивалось лицом к лицу с террористическими атаками и имело опыт переживания крупнейших терактов по количеству жертв и пострадавших⁴.

По данным опроса Института социологии РАН в 2005 году подавляющее большинство респондентов утверждали, что по тем или иным причинам справиться с терроризмом в современном мире невоз-

³С 2017 года Институт социологии РАН реорганизован в Институт социологии ФНИСЦ РАН.

⁴Теракты, совершенные в России // Википедия. Дата обновления: 09.08.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=101513875> (дата обращения: 09.08.2019).

можно (34% – из-за экономических, геополитических, религиозных и других противоречий; 16% – в силу природной агрессивности и жестокости людей; 29% – терроризм возможно ограничить, но не искоренить полностью). Вместе с тем, около трех четвертей респондентов считали, что не существует мер, которые могут полностью исключить угрозу терроризма ни в нашей стране (74%), ни в мире (76%).

В момент опроса совсем не защищенными от действий террористов ощущали себя 74% россиян, частично защищенными – 23%, полностью защищенными – 3%. Оценивая вероятность терактов, более половины россиян (54%) полагали, что теракт в том месте, где они проживают, вполне возможен, 38% – маловероятен, и только 8%, что практически невозможен. 14% респондентов довольно часто ловили себя на мысли, что они или члены их семей могут оказаться жертвами терактов, 50% утверждали, что такие мысли их посещают в основном после терактов, 22% и 13% задумывались об этом редко или практически никогда соответственно. Данные Левада-Центра за тот же год демонстрируют высокий уровень страха россиян оказаться жертвами теракта: 28% – «очень боюсь», 50% – «в какой-то мере опасуюсь», 9% – «уверен, что ни со мной, ни с моими близкими этого не случится», 10% – не задумывались об этом⁵.

Углубленный анализ наличия статистически значимой связи индикаторов внутри показателя «оценка террористической угрозы населением России» показывает, что ведущим фактором выступает степень опасений стать жертвой теракта. Именно ее динамику с момента опроса по настоящее время мы включили в дальнейший анализ (рис. 1).

В рассматриваемый период времени уровень опасений населения России стать жертвами терактов в сумме остается прак-

тически неизменным и составляет, также, как и в 2005 году, чуть более 70%. Линии тренда позволяют отследить, что динамика опасений связана в основном с вариацией признака «очень боюсь», в то время как средний уровень опасений россиян существенным образом не меняется. Причины достаточно резких спадов общего уровня опасений населения к настоящему времени социологами не исследовались и, безусловно, требуют глубокого изучения. Одна из гипотез, отраженных в научной литературе, состоит в предположении о снижении актуальности целого ряда угроз (в том числе и террористической) вследствие актуализации в массовом сознании опасений роста цен, снижения доходов, потери работы и других, связанных с переживанием экономических кризисов (Российское общество..., 2017), что вполне соответствует зафиксированным на рис. 1 спадам опасений россиян стать жертвами терактов в 2009, 2014 и 2018 годах.

В недавней работе нам удалось обосновать, что пороговое значение безопасности может определяться наличием/отсутствием тревожности в сознании социальных субъектов и, в случае наличия, указывать на низкий уровень адаптированности к рискогенной среде (Шлыкова, 2018). Поэтому в рамках методологии анализа адаптационных процессов зафиксированные достаточно высокий уровень опасений россиян в отношении террористической угрозы и практически отсутствующая динамика этого показателя указывают на низкий уровень адаптированности населения к риску терроризма на протяжении длительного времени.

Оценка россиянами правовой базы противодействия терроризму, динамика ее развития и современное состояние. На момент опроса Института социологии РАН в 2005 году практически ничего не знали о российских законах, регулирующих процесс борьбы с терроризмом, 62% россиян; кое-что знали 34%, хорошо осведомлены оказались 4% опрошенных. Среди осведомленных в той или иной степени об ан-

⁵Проблема терроризма в представлениях россиян // Левада-Центр. Пресс-выпуск 12.02.2014 г. URL: <https://www.levada.ru/2014/02/12/problema-terrorizma-v-predstavleniyah-rossiyan/> (дата обращения: 15.08.2019).

титеррористическом законодательстве только 8% респондентов полагали, что правовая база борьбы с терроризмом в России достаточна, 64% указывали на необходимость некоторой ее корректировки, 28% считали, что правовая база требует

кардинальных изменений. В частности, респондентам задавался вопрос об изменении меры ответственности для террористов, пособников и сочувствующих (таблица 1).

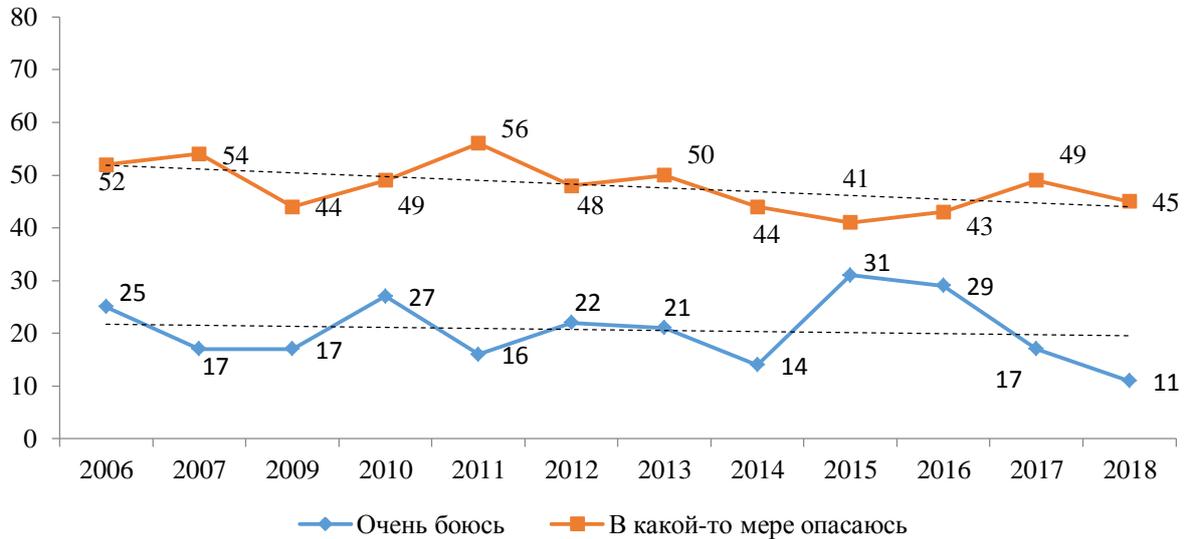

Рис. 1. Динамика высоких и средних оценок опасений россиян стать жертвами теракта (2006-2018)¹, % от количества опрошенных
Fig. 1. Dynamics of high and average estimates of the fear of Russians to become victims of a terrorist attack (2006-2018), % of the number of respondents

Таблица 1
Table 1

Представления россиян об изменении меры ответственности для террористов, пособников и сочувствующих (% от количества опрошенных)
Russians' views about changing the measure of responsibility for terrorists, accomplices and sympathizers (% of the number of respondents)

Категории субъектов террористической угрозы	Мера ответственности		
	Смягчение уголовной ответственности	Ужесточение уголовной ответственности	Применение смертной казни
Террористы	1	44	55
Пособники (распространители экстремистских идей)	3	83	14
Сочувствующие (те, кто знал и не сообщил о готовящихся терактах или пропаганде экстремистских идей)	4	87	9

¹График построен на основании данных из источника: Террористическая угроза на сирийском фоне // ВЦИОМ. Пресс-выпуск 11.09.2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9302> (дата обращения: 15.08.2019).

Представленные нами данные 2005 года подтверждаются полученными в тот же период времени результатами коллег, в соответствии с которыми большинство населения России поддерживает жесткую тактику борьбы с террористами и их пособниками и значительно меньшая часть «придерживается мнения о том, что нужно следовать либо миротворческой, либо «изоляционистской» тактике ведения борьбы» (Грязнова, 2005: 29), то есть имеет место «социальный запрос» на силовые меры противодействия. Далее проанализируем динамику развития российской правовой базы противодействия терроризму.

Основу правовой базы борьбы с терроризмом в России составляет Федеральный закон от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹, который «устанавливает правовые и организационные основы противодействия терроризму в Российской Федерации, принципы, субъектов противодействия терроризму, правовой режим контртеррористической операции, основы международного сотрудничества Российской Федерации в области борьбы с терроризмом» (Анищенко, 2006: 87). Во исполнение Закона в последующие годы подготовлен и принят целый ряд других федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, других федеральных органов государственной власти (Косарев, 2016), а также международных соглашений, «направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений террористического характера» (Соболев, 2010: 25).

Однако аналитики правовых основ противодействия терроризму, отмечают нестабильность российского законодательства, связанную, прежде всего, с быстро меняющимися видами и способами террористической деятельности и неоптимальностью уже принятых законодательных решений (Кочои, 2016). Так, Федеральный

закон «О противодействии терроризму» к концу 2015 года был изменен или дополнен 14 раз: неоднократно менялось определение понятия «террористический акт», корректировалось нормативное понимание его целей, расширялись трактовки понятий «террористическое преступление» и «террористическая организация» (Кочои, 2016). Расширение нормативных понятий «террористическое преступление» и «террористическая организация» привели к необходимости соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ в части преступлений террористической направленности. Анализ динамики внесенных в Уголовный кодекс РФ поправок «позволяет констатировать последовательное усиление уголовной ответственности за подобные проявления через ужесточение санкций за противоправные деяния» (Павлинов, 2014: 123-124): увеличение сроков лишения свободы за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и за возбуждение ненависти или вражды, в том числе через СМИ; введение уголовной ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, за организацию террористического сообщества (организации) или участие в них; криминализация публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (Павлинов, 2014). Наряду с этим в практику правоприменения относительно преступлений террористического характера введены следующие меры: «запрет на условное осуждение, увеличение максимальных сроков лишения свободы по совокупности преступлений и совокупности приговоров, включение в некоторые санкции такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы, отмена сроков давности» (Косарев, 2016: 39). Нововведения в практике правоприменения отражаются на характере динамики преступлений террористической направленности (рис. 2).

¹О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта. URL: <https://rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html> (дата обращения: 10.08.2019).

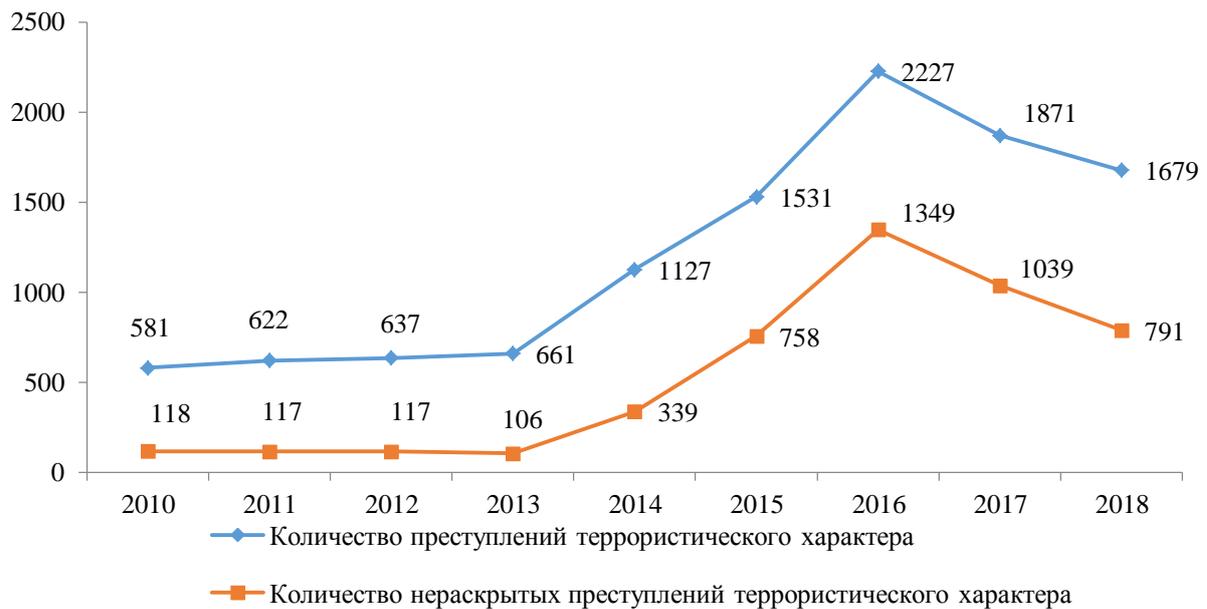

Рис. 2. Динамика количества преступлений террористического характера и их нераскрываемости (2010-2018)¹

Fig. 2. Dynamics of the number of terrorist crimes and their non-disclosure (2010-2018)

Данные официальной статистики демонстрируют рост количества преступлений террористического характера, обусловленный основными изменениями российского антитеррористического законодательства, пришедшимися на этот период времени, а именно: расширение нормативных понятий «террористическое преступление» и «террористическая организация» и ужесточение наказания за преступления, относящиеся к рассматриваемой категории. «Социальный запрос» населения на силовые меры противодействия терроризму выполнен, причем, заметная в последние три года тенденция к снижению количества преступлений террористического характера, в том числе нераскрытых, свидетельствует об эффективности реализации антитеррористического законодательства в практике правоприменения.

Результаты анализа позволяют утверждать, что динамика развития российской законодательной базы в целом способствует процессу противодействия, а значит, адаптации к риску терроризма. Однако, изменения, вносимые в законодательство но-

сят преимущественно *реактивный* характер и недостаточно реализуют потенциал предусмотренных Федеральным Законом «О противодействии терроризму» принципов, таких как сотрудничество государства с гражданами в противодействии терроризму и приоритет мер *предупреждения* терроризма (статья 2)¹.

Субъекты институциональной среды: оценка деятельности и доверия. В качестве основных действующих субъектов терроризма принято выделять самих террористов, их пособников, сочувствующих и противодействующую сторону – государственные властные и силовые структуры. В ходе исследования Института социологии РАН в 2005 году россиянам предлагалось оценить меру ответственности различных государственных структур за обеспечение безопасности страны от угроз террористического характера (таблица 2).

¹О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ (действующая редакция) // Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 16.08.2019).

Таблица 2
Table 2

Оценка населением России меры ответственности субъектов институциональной среды за противодействие терроризму и обеспечение безопасности страны
(% от количества опрошенных)

Assessment by the Russian population of the responsibility of the subjects of the institutional environment for countering terrorism and ensuring the security of the country
(% of the number of respondents)

Субъекты институциональной среды	Мера ответственности		
	Полная	Частичная	Никакой ответственности
Армия	43	49	8
Государственная Дума	56	40	4
Полиция	76	23	1
Правительство РФ	81	18	1
Президент РФ	80	19	1
Совет Федерации	51	44	5
Судебная система	51	43	6
ФСБ	91	8	1

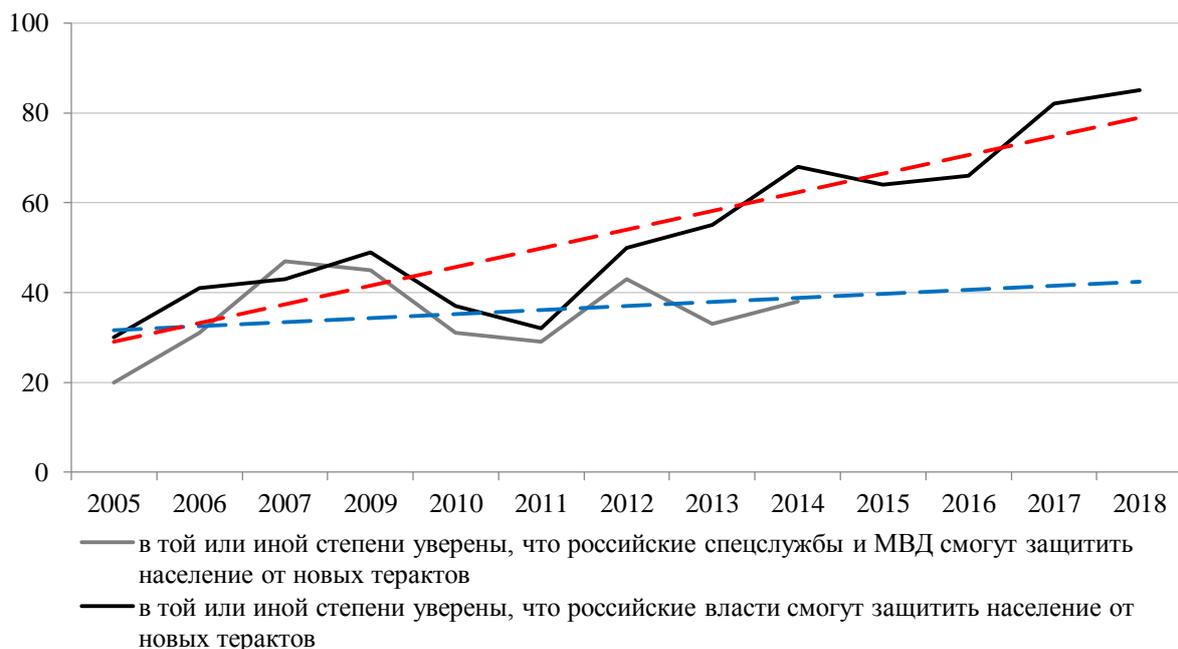

Рис. 3. Динамика уверенности россиян в том, что российские спецслужбы, МВД¹ и власти² смогут защитить население от новых террористических актов (2005-2018), сумма долей ответивших «определенно да» и «скорее да»

Fig. 3. Dynamics of confidence of Russians that the Russian special services, the Ministry of Internal Affairs and the authorities will be able to protect the population from new terrorist acts (2005-2018), the sum of the shares answered «Definitely yes» and «Rather yes»

¹График построен на основании данных из источника: Проблема терроризма в представлениях россиян // Левада-Центр. Пресс-выпуск 12.02.2014 г. URL: <https://www.levada.ru/2014/02/12/problema-terrorizma-v-predstavleniyah-rossiyan/> (дата обращения: 15.08.2019).

²График построен на основании данных из источника: Террористическая угроза на сирийском фоне // ВЦИОМ. Пресс-выпуск 11.09.2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9302> (дата обращения: 15.08.2019).

Наибольшую ответственность за обеспечение безопасности страны от угроз терроризма в 2005 году россияне возлагали на ФСБ, Правительство, Президента РФ и полицию. Опираясь на результаты опросов Общественного мнения Левада-Центра и ВЦИОМ, проанализируем динамику оценок россиян их уверенности в том, смогут ли российские спецслужбы, МВД и власти защитить население от новых терактов

(см. рис. 3).

Данные о динамике в рассматриваемый период времени указывают на тенденцию медленного роста уверенности россиян в способности силовых структур защитить население от новых терактов, что при соотнесении со статистикой количества зарегистрированных терактов в России может представляться определенным парадоксом (рис. 4).

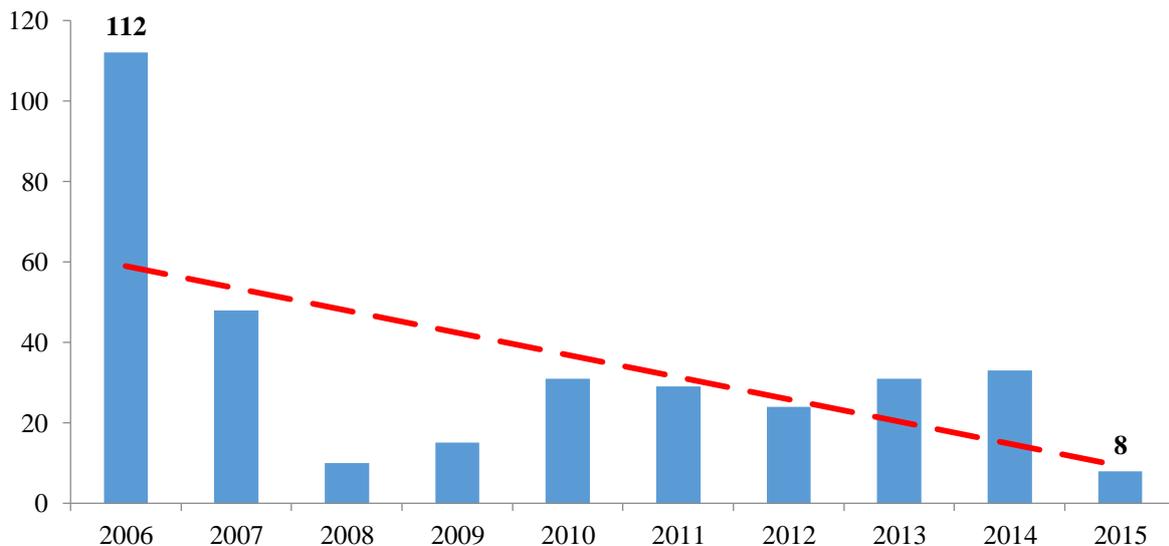

Рис. 4. Динамика количества зарегистрированных террористических актов в Российской Федерации (2005-2015)¹

Fig. 4. Dynamics of the number of registered terrorist acts in the Russian Federation (2005-2015)

Тенденция резкого снижения количества терактов в России за десятилетие на фоне активизации и роста мощи международных террористических организаций свидетельствует о достаточной эффективности российских спецслужб в противодействии терроризму, что подтверждается и публичными отчетами о деятельности ФСБ. В интервью «Российской газете», отвечая на вопрос о готовности российских спецслужб к отражению угроз терроризма и экстремизма, Директор ФСБ России А. В. Бортников подчеркнул, что в России выстроена общегосударственная система противодействия терроризму, в функции которой входят не только борьба с терроризмом и минимизация его последствий, но и профилактика терроризма и

экстремизма. «Ведется профилактическая работа по противодействию радикализации населения и его вовлечения в террористическую деятельность..., осуществляются мероприятия по противодействию и профилактике распространения идеологии терроризма: ...пресечена деятельность свыше 300 структурных подразделений организаций террористической и экстремистской направленности...; из незаконного оборота изъято значительное количество оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ...; ведется работа по перекрытию каналов переброски боевиков международных террористических организаций из зон вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Африке и афгано-пакистанской зоне в Россию, а также выезд

да в эти регионы российских граждан; ...проводятся фильтрационные мероприятия в миграционных потоках. Приоритетным направлением деятельности ФСБ по противодействию терроризму сегодня является вскрытие «спящих ячеек» террористических и экстремистских организаций, а также противодействие боевикам-одиночкам, атаки которых в последнее время произошли уже во многих государствах»¹.

Эксперты в области правового обеспечения национальной безопасности отмечают концептуальные изменения в подходах «к организации деятельности по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, которая планируется заблаговременно, исходя из прогнозов возможных последствий террористических актов» (Меркурьев, Агапов, 2016: 52).

Об успехах в противодействии терроризму свидетельствуют и результаты социологических исследований специфики деятельности спецслужб в отдельных регионах, например, в Саратовской области (Щебланова, 2016).

Полученные результаты позволяют утверждать, что институциональные субъекты противодействия терроризму характеризуются достаточно высоким уровнем адаптированности к риску терроризма. Содержательное развитие как законодательства, так и механизмов противодействия свидетельствуют об активной стратегии адаптации институциональных субъектов к рискогенной среде.

Однако важнейший ресурс повышения адаптированности населения к риску терроризма, а именно – доверие к институциональным противодействующим субъектам, в полной мере не реализуется.

Выявленное противоречие между за-

фиксированными успехами спецслужб и тенденцией медленного роста уверенности населения России в способности силовых структур защитить от новых терактов, на наш взгляд, представляет собой научную проблему, требующую специального изучения. Целевой анализ причин рассматриваемого противоречия на сегодняшний день оказывается невозможным из-за отсутствия данных – позволяющие его осуществить исследования не проводятся ни социологами, ни представителями смежных дисциплин, ни экспертами из силовых ведомств (по крайней мере, в публичном доступе результаты подобных исследований не обнаружены). В рамках статьи продемонстрируем обобщение результатов социологических исследований, целью которых было выявление представлений экспертов и населения России о причинах недостаточной эффективности деятельности российских спецслужб, которые мы интерпретируем как требующий развития резерв механизмов противодействия, так и ресурс адаптации к риску терроризма.

Причинами неэффективности деятельности спецслужб по предупреждению и смягчению последствий терактов эксперты называют недостаточное внимание «предупредительно-профилактической работе»; отсутствие специальной подготовки сотрудников власти, образовательных учреждений по защите от терроризма; невыполнение на местах принятых решений вышестоящих органов; отсутствие в образовательных учреждениях обучающих курсов и воспитательных программ по антитерроризму; недостаточное привлечение ученых (социологов, психологов) к решению проблем противодействия терроризму (Щебланова, 2016).

По данным опросов населения, основными причинами неэффективности деятельности спецслужб по противодействию терроризму являются: нехватка квалифицированных кадров, недостаточность финансирования, неразвитость сети осведомителей, слабая координация действий силовых структур, недостаточное взаимо-

¹ФСБ расставляет акценты. Интервью главного редактора «Российской газеты» В. А. Фролина с Директором ФСБ России А. В. Бортниковым // Российская газета. Федеральный выпуск № 288 (7454). 19.12.2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (дата обращения: 15.08.2019).

действие с зарубежными специалистами, отсутствие прочной опоры в обществе в борьбе с терроризмом – Институт социологии РАН, 2005; коррупция в правоохранительных органах (Грязнова, 2005); отсутствие возможностей у населения или его нежелание оказывать помощь властным и силовым структурам (Роговая, 2015).

Гражданское участие как ресурс противодействия терроризму. В системе противодействия терроризму гражданское население выступает специфическим субъектом, с одной стороны, является главной «мишенью» воздействия террористов, с другой, – «априори приписывается к сторонникам государственных структур» (Грязнова, 2005: 17). Как было показано выше, население и эксперты солидарны в том, что гражданское

участие является важным фактором повышения эффективности процесса противодействия терроризму. В рамках методологии анализа адаптационных процессов участие населения в борьбе с терроризмом является важным адаптационным ресурсом и показателем активной стратегии адаптации. Следовательно, определение антитеррористического потенциала россиян представляется актуальной научной и практической задачей.

Одной из целей опроса Института социологии РАН 2005 года являлось фиксирование представлений респондентов о важности различных мер противодействия терроризму и определение места привлечения населения к работе спецслужб по противодействию терроризму в рейтинге этих мер (рис. 5).

Рис. 5. Оценка россиян важности мер противодействия терроризму (рейтинг), % от количества опрошенных

Fig. 5. Russians' assessment of the importance of counter-terrorism measures (rating), % of the number of respondents

В представлении россиян в 2005 году в рейтинге важности мер противодействия терроризму привлечение населения к работе спецслужб занимало среднюю позицию.

Однако необходимо учитывать тот факт, что гражданское участие в противодействии терроризму по важности оценивается населением так же, как и деятельность МВД.

На наш взгляд, часть населения, осознающая важность гражданского участия, может рассматриваться как социальная база противодействия терроризму – та самая потенциальная опора в обществе, отсутствие которой рассматривалось выше в числе факторов, снижающих эффективность борьбы с терроризмом.

По социально-демографическим характеристикам в этой группе населения больше женщин, респондентов со средним и средним специальным образованием; преобладают люди среднего возраста и проживающие в областных и районных центрах. Осознающие важность гражданского участия в противодействии терроризму достаточно равномерно распределены по российским регионам, в которых проводился опрос.

Данные более позднего исследования, полученные коллегами из МГЛУ в 2011 году, подтвердили неизменность социально-демографических особенностей «предрасположенных» к участию в противодействии терроризму россиян (Шалупенко, 2012). Однако нельзя исключить

возможность динамики социального портрета антитеррористического потенциала населения России в более поздний период, так как подобного рода исследования после 2011 года нам не известны.

Ниже целесообразно подробнее обозначить результаты упомянутого исследования МГЛУ, так как оно является уникальным целевым исследованием готовности россиян к противодействию терроризму. «Готовность к противодействию терроризму» авторы исследования интерпретировали как «специфическое состояние человека, отражающее его *подготовленность и предрасположенность* любыми способами противостоять организованным действиям насильственного характера, направленным на устрашение населения, оказание давления на представителей органов государственной власти и местного самоуправления при принятии политически и социально значимых решений» (Шалупенко, 2012: 43). Обобщенный результат, полученный коллегами, представим на рис. 6.

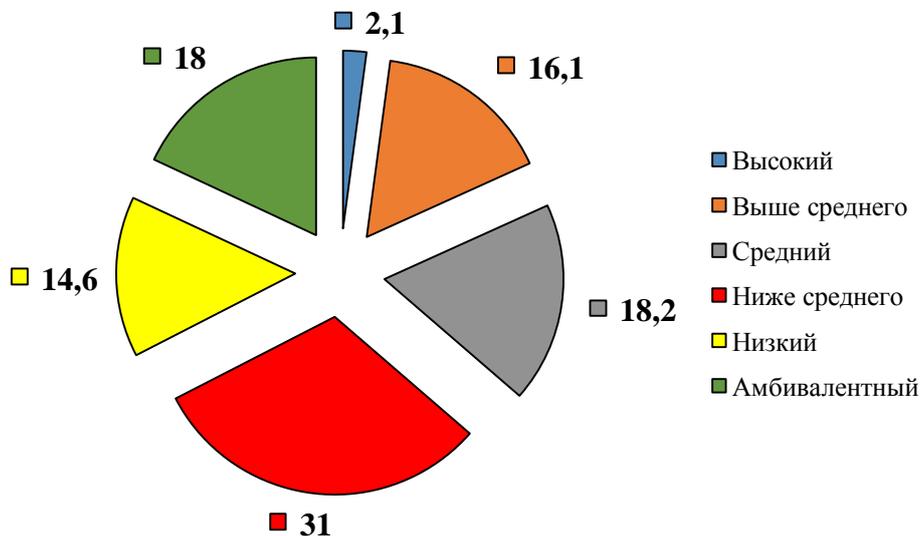

Рис. 6. Общий уровень готовности населения России к противодействию терроризму (результат сопоставления различных уровней подготовленности и предрасположенности по методу логического квадрата)¹

Fig. 6. The general level of readiness of the population of Russia to counter terrorism (the result of comparing different levels of preparedness and predisposition by the method of the logical square)

¹Диаграмма построена на основе данных из источника (Шалупенко, 2012: 47-48).

Сопоставление результатов нашего исследования 2005 года с результатами коллег показывает, что в рассматриваемый шестилетний период потенциал гражданского участия населения России в борьбе с терроризмом как механизм противодействия, так и адаптационный ресурс, оставался недостаточно развитым. Население как субъект противодействия характеризуется пассивной стратегией адаптации к риску терроризма. Полагаем, выявленные тенденции не только являются фактором, тормозящим процесс противодействия терроризму, но и могут обуславливать низкий уровень адаптированности гражданского общества к рискогенной среде.

Заключение (Conclusions). Предложенный в статье подход к противодействию терроризму как процессу институционально-гражданской адаптации к рискогенной среде, позволил зафиксировать адаптационную асимметрию в скорости и успешности адаптации двух субъектов противодействия: социальных институтов и гражданского общества, которая является важным фактором, тормозящим процесс противодействия в целом. В связи с этим считаем актуальной задачу поиска факторов, детерминирующих баланс адаптационных стратегий и ресурсных потенциалов рассматриваемых субъектов.

Институциональные субъекты характеризуются достаточно высоким уровнем адаптированности, высокой скоростью наращивания адаптационного потенциала и активной адаптационной стратегией, обусловленной действующим механизмом противодействия терроризму.

Развитие российской законодательной антитеррористической базы способствовало выведению процесса противодействия терроризму на новый уровень, характеризующийся согласованностью оперативно-розыскной работы и правоприменительной практики. Дальнейшее развитие законодательной базы требует особого внимания к превентивным мерам противодействия – профилактике и предотвращению преступлений террори-

стического характера. На наш взгляд, важнейшим фактором, способствующим накоплению научного знания и практического опыта борьбы с терроризмом, мог бы стать «мониторинг эффективности противодействия терроризму», обеспечивающий обратную связь институциональных субъектов противодействия и гражданского общества. Наличие научно обоснованной оценки реализации решений в сфере противодействия терроризму существенным образом сохранит силы и средства участников процесса, будет способствовать его эффективности в целом и послужит основой коммуникации субъектов противодействия. Включение в мониторинг показателей, связанных с оценкой населением антитеррористической деятельности институциональных субъектов, откроет возможность научного обоснования факторов повышения доверия силовым и властным структурам и разработки рекомендаций для формирования их положительного имиджа, что впоследствии может привести к снижению уровня тревожности населения в отношении террористической угрозы, а значит, будет способствовать росту адаптированности населения к риску терроризма.

Население характеризуется низким уровнем адаптированности к риску терроризма, неразвитостью адаптационного потенциала и пассивной стратегией адаптации, обусловленной недооценкой важности гражданского участия и стремлением переложить ответственность за противодействие терроризму на институциональные субъекты. Необходимым представляется углубленное изучение потенциала гражданского участия в противодействии терроризму; выявление факторов, способствующих наращиванию адаптационных ресурсов населения, формированию активных установок на участие в профилактике и противодействии терроризму, росту готовности разделить ответственность за снижение риска терроризма в России с институциональными субъектами.

Список литературы

- Аккаева Х. А. Новые тенденции законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2. С. 16-18.
- Анищенко К. Ф. Правовые основы противодействия терроризму в России: краткий анализ Федерального закона «О противодействии терроризму» // Теория и практика общественного развития. 2006. № 2. С. 87-92.
- Бутаев М. Я. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3. С. 106-110.
- Грязнова О. Массовое отношение к терроризму как показатель политической культуры жителей России // Вестник общественного мнения. 2005. № 3. С. 16-29.
- Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.
- Косарев М. Н. Состояние и перспективы противодействия терроризму в России: теоретические и практические аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 37-41.
- Кочои С. М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 740-749.
- Маркин В. В. Формирование российской идентичности как фактор противодействия идеологии экстремизма и терроризма: региональный аспект // Власть. 2014. Т. 22, № 6. С. 120-127.
- Меркурьев В. В., Агапов П. В. Вопросы регламентации действий руководителя контртеррористической операции // Мониторинг правоприменения. 2016. № 2. С. 49-58.
- Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 25-49.
- Павлинов А. В. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 123-130.
- Роговая А. В. Локализация противодействия идеологии экстремизма и терроризма в муниципальном образовании // Власть. 2015. № 1. С. 124-130.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.
- Сембекова Б. Р. Терроризм – угроза национальной безопасности: стратегия антикриминальной безопасности личности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1, № 4. С. 37-47.
- Соболев В. А. Противодействия терроризму в XXI веке // Обозреватель – Observer. 2010. № 8. С. 20-30.
- Шалупенко В. В. Готовность граждан России к противодействию терроризму // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 42-49.
- Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 3. С. 56-75.
- Щебланова В. В. Институциональные формы превенции террористических угроз // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение. Мат. V Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ю. О. Бронникова, Л. В. Мясникова, Т. Г. Фирсова. М.: Перо, 2016. С. 143-149.
- Щебланова В. В. Социальное конструирование проблем терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2012. № 2. С. 103-107.
- Щебланова В. В. Террористические действия и их последствия в ракурсе концепций социального действия // Вестник СГТУ. 2013. № 1. С. 268-272.
- Яхьяев М. Я., Исаева Э. Г., Сутаева А. Р. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 46-59.

References

- Akkaeva, H. A. (2015), "New tendencies of legislation on extremism and terrorism in the Russian Federation", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (10-2), 16-18. (In Russian).

Anishhenko, K. F. (2006), "Legal basis of counter-terrorism in Russia: a brief analysis of the Federal Law 'On counter-terrorism'", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (2), 87-92. (In Russian).

Butaev, M. Ya. (2015), "The use of detective activities' results in proving when investigating cases of terrorist crimes", *Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika*, (3), 106-110. (In Russian).

Gryaznova, O. (2005), "Mass attitude to terrorism as an indicator of the political culture of the citizens of Russia", *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, (3), 16-29. (In Russian).

Kozyreva, P. M. (2004), *The processes of adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of XX-XXI centuries*, Centr obshchechelovecheskih tsennostey, Moscow, Russia. (In Russian).

Kosarev, M. N. (2016), "The status and prospects of counter-terrorism in Russia: theoretical and practical aspects", *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, (4), 37-41. (In Russian).

Kochoi, S. M. (2016), "The gaps in anti-terrorism legislation and proposals for bridging them", *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*, 10 (4), 740-749. (In Russian).

Markin, V. V. (2014), "Formation of Russian identity as a factor of counteraction to ideology of extremism and terrorism: regional aspect", *Vlast'*, 22 (6), 120-127. (In Russian).

Merkur'ev, V. V. and Agapov, P. V. (2016), "Issues of legal regulation of the plan of action of the head of a counter-terrorist operation", *Monitoring pravoprimeneniya*, (2), 49-58. (In Russian).

Mozgovaya, A. V. and Shlykova, E. V. (2014), "Social resources and adaptation to risk: the choice of strategy (by the example the social community in the situation of particular risk)", *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, (4), 25-49. (In Russian).

Pavlinov, A. V. (2014), "Legislative support of the fight against terrorism and other extremist activities: exhausted whether resources?", *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, (3), 123-130. (In Russian).

Rogovaya, A. V. (2015), "Localization of counteraction to the ideology of extremism and terrorism in the municipality", *Vlast'*, (1), 124-130. (In Russian).

Russian Society and Challenges of The Time. Book Five (2017), in Gorshkov, M. K. and

Petuhov, V. V. (eds.), *Ves' Mir*, Moscow, Russia. (In Russian).

Sembekova, B. R. (2018), "Terrorism – a threat to national security: the strategy of anti-criminal security of the person", *Society and Security Insights*, 1 (4), 37-47. (In Russian).

Sobolev, V. A. (2010), «Countering terrorism in the XXI century», *Obozrevatel' – Observer*, (8), 20-30. (In Russian).

Shalupenko, V. V. (2012), "The willingness of Russian citizens to countering terrorism", *Sociologicheskie issledovaniya*, 12, 42-49. (In Russian).

Shlykova, E. V. (2018), "Subjective assessment of personal security as an indicator of adaptation to a risky environment", *Sociologicheskij zhurnal*, 24 (3), 56-75. (In Russian).

Shheblanova, V. V. (2016), "Institutional forms of prevention of terrorist threats", in Bronnikova, Yu. O., Myasnikova, L. V., Firsova, T. G. (eds.) *Conflicts in the modern world: international, state and interpersonal dimension. Proceedings of the V International scientific conference*, Pero, Moscow, Russia. (In Russian).

Shheblanova, V. V. (2012), "The social construction of the problems of terrorism", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, (2), 103-107. (In Russian).

Shheblanova, V. V. (2013), "Terrorist actions and their consequences regarding the concepts of social actions", *Vestnik SGTU*, (1), 268-272. (In Russian).

Yax'yaev, M. Ya., Isaeva, E. G. and Sutaeva, A. R. (2018), "Socio-psychological aspects of counteraction to terrorism in multicultural space", *Social'naya psixologiya i obshchestvo*, 9 (2), 46-59. (In Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Шлыкова Елена Викторовна, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, кандидат социологических наук.

Elena V. Shlykova, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, PhD in Sociology.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-10

Oleg N. Yanitsky

Critical Situations and Civil Activism in the Digital Era

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Received November 3, 2019; accepted on November 20, 2019;
published December 30, 2019*

Abstract. Nowadays, a civil society and its volunteers are the active participants of a global political process, especially when it's going on about current critical situations (natural disasters, technological accidents and so on). Such civil activism is defined by a lack of vital resources, poverty and illnesses, an atmospheric and water pollutions as well as by various forms of social inequality. The essence of current critical situation is produced by the fact that a man is simultaneously became a powerful instrument of catastrophic changes on the planet and a pigmy fully dependent on the informational impulses from the outside and on the growing process of accumulation of the industrial and household wastes. Due to an existence of global information networks a process of shaping of a certain 'hybrid' named as a "science-education-practice" is rapidly going on. A multitude of metabolic processes emerging as a result of interaction of qualitatively different essences is its integrating force. The interactions of theses essences are shaping a capability of the individuals to the ecological and other forms of a systemic risk-reflection. For a rapid and relatively painless resolving of any critical situation three preconditions are absolutely necessary: the mutual understanding among the three of the above institutions, an existence of a common platform for a permanent exchange by new ideas and knowledges, and for accumulation of a new experience is necessary.

Keywords: critical situation; volunteers; globalization; metabolism; network society; risk-reflection; triad "science-education-practice"; Russia

Acknowledgments: This article is funded by the Russian Scientific Fund, grant No 19-78-10052, the project "Emergency volunteering as a reply to the natural and technological challenges in Russia".

Information for citation: Yanitsky O. N. (2019), "Critical Situations and Civil Activism in the Digital Era", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 119-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-10

Яницкий О.Н.

**Критические ситуации и гражданский активизм
в «цифровую эпоху»**

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Статья поступила 3 ноября 2019 г.; принята 20 ноября 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация. Сегодня гражданское общество и его волонтеры являются непре-
менными участниками глобального социально-политического процесса, осо-
бенно когда речь идет о современных критических ситуациях (природных, тех-
ногенных и других катастрофах). Этот активизм обусловлен, в том числе, недо-
статком ресурсов жизнеобеспечения, бедностью, болезнями и другими форма-
ми социального неравенства населения. Характер современных критических
ситуаций объясняется тем, что современный человек одновременно стал как
источником критических ситуаций, так и стал зависимым от информационного
потока извне и накопления промышленных и бытовых отходов. Одновременно
вследствие глобальных информационных процессов идет формирования некое-
го гибрида «наука-образование-практика». Их интегрирующей силой являются
многосторонние метаболические процессы (качественные трансформации), ко-
торые формируют у индивидов способность к системной экологической и дру-
гой риск-рефлексии. Для относительно быстрого и безболезненного разреше-
ния критических ситуаций необходимы, минимум, три условия: взаимопони-
мание между названными тремя институциями, наличие общей платформы для
постоянного обмена идеями и знаниями и накопление нового опыта.

Ключевые слова: волонтеры; глобализация; критическая ситуация; метабо-
лизм; риск-рефлексия; сетевое общество; триада «наука-образование-
практика»; Россия.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Критические ситуации и
гражданский активизм в «цифровую эпоху» // Научный результат. Социология
и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 119-129, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-
10

Introduction. Ordinary people have
always been the participants of public life but
in every particular case in a specific manner.
Looking historically these people have been
an inexhaustible resource of a slave-holding
society, then – the Guild society, after then –
a resource again but already for the Industrial
society, and later on as an important part of
the emerging civil society, an inseparable so-
cial institution of a transition period toward
the Information society or, in Castell’s terms,

towards the ‘Internet Galaxy’ (Castells,
2004).

It means that the epoch of a society di-
vision on the ‘creators’ of a technological
progress and the mass consumers of its inven-
tions and goods has come.

Recently, we have recognized a histori-
cal fact: in any societal and natural ecosys-
tems the process of a process of selection has
been going on. Ch. Darwin and other great
evolutionists have called this process within

and interspecies struggle while K. Marx and many other social theorists called the social processes as a class struggle or a struggle all with all as well as an opposition of socio-economic, ethno-confessional or as economic or social conflicts between various states or political forces.

Actually, in any natural or social system there is and will always be a struggle for an access to resources, ideological and geopolitical domination. As for Russia, we are now experiencing not only lack of financial resources, in particular due to the escape of capital abroad. We are at the margin of the deficit of some natural resources, such as water, for many reasons, as the water pollution, the shallowing of some of our great rivers like the Volga River, and an intensive transformation of the water of Baikal Lake into marketable goods.

But recently our main deficit is a worsening of quality of life of a great number of ordinary people as a result of insufficient salary and a quality of education and professional experience and for many other reasons. So it's not accidental that the Russian government is now concerned with a quality of the state of a primary link of our medicine especially in small towns and agrarian regions. The matter is that by and large this primary link has been transformed into commercial medicine everywhere.

Besides, up to now we have been accustomed to speculating about the quality of life of ordinary people in economic terms, i.e. in the terms of macroeconomic figures that is in the terms of the GNP, an input and output, an economic crisis and the like. But under conditions of the 'Internet Galaxy' that is permanently influencing our consciousness, and therefore is capable to transform qualitatively the life of any individual, a lack of well-educated and experienced people creates a permanently critical and all-embracing situation in Russia.

As a result, the paradoxical situation has emerged that humanity isn't capable to resolve now. The matter is that nowadays a man is simultaneously has become a powerful instrument of catastrophic changes on the planet

and a pigmy fully dependent on the informational impulses from the outside and on the growing process of accumulation of the industrial and household wastes. This is an example of a dialectics of the global information society. And this is not a metaphor but a distinguishing feature of our everyday life which I call a critical one because we are now living and doing something in a certain hybrid environment composed from the calamities and the goods, promises and unrealized hopes. It is a very difficult matter to escape such a hybrid environment. The only way out is to permanently study the regularities of its shaping, functioning and dynamics. Today, to state that a capitalist mode of living is guilty is possible but already insufficient.

Methodology and methods.

Civil activism as a participant of global geopolitical process.

The formulae 'All is tied with all, the all is going somewhere, and nothing is given for nothing' offered by the US biologist B. Commoner is nowadays fully confirmed because the modern global sociobiotechnical system is tightly interdependent by numerous economic, social and natural processes and networks.

Therefore, the regular practice that initially the rescue forces and other state organizations are mitigating a critical situation and only then the first-aid forces with participation of civil organizations will fulfill all other necessary works seems to me now already insufficient or even wrong.

First, today all societies have to strive not only to mitigation of the after-effects of the emergencies and disasters, but to foresee them in order to take necessary preventive measures. If the negative after-effects are impossible to escape, the Volunteers should be prepared to them.

Second, first of all we have to strive to be prepared in a global scale because the principle 'All is tied with all, the all is going somewhere, and nothing is given for nothing' has today all-embracing character due to already well developed system of global information, resource and human networks.

Third, recently a public activity of the citizens is becoming more and more important driving force of the global political processes. Slowly but persistently a global civil society is shaping (see, for example, Kaldor et al., 2003; Kaldor, 2012). Anyone may speak ironically in relation of a certain geopolitical project named 'Greta Tunberg', but to avoid a rapidly growing political activity of the schoolchildren and youth is impossible.

Fourth, this growth of is a serious challenge to an existing political structure of modern society. As a practice of the mass political protests during the last several years clearly showed (Germany, France, Catalonia in Spain), the civil society of well economically-developed states of the West quickly and seriously reacts on economic, political and social challenges of the global world than their institutional systems (political parties and their alliances, trade unions) as well as on sudden global political agreements.

Five, more than that, those global institutional structures such as the European Union that yesterday seemed unshakable, recently undergoes serious political and economic crises. And the global issues like environmental ones are uniting the ordinary citizens in their struggle for a survival and existence.

Six, I'm convinced that already started new round of struggle in defense of natural ecosystems will exert much more strong impact on the state environmental politics in a majority of the countries of the world than a permanent oscillations of party structure in a majority of the European Union countries and of the US as well.

Seven, a development of the 'Internet Galaxy' is still continued, there is a risk of contradictions between two groups of world population, namely between those who already live and act in the virtual world, and those which use the information networks in order to make harm to their potential adversaries. Thus, the struggle between the poor and rich countries is shifted into an information sphere. It means that a political struggle is transforming from a 'frontal' to a 'spot-like.'

Types and forms of current civil activism in Russia.

In the run of the last 10-15 years the number of civil organizations organized and sponsored by the Russian state of Big Business is permanently growing. These pro-state civil organization have been created with two aims, the one is to have one more basement for the state's politics, and the other for the maintenance of public order during large international events like the Olympic Games and many other. Besides, the state authorities consider these civic organizations as the cadre reserve for the states' bodies.

Under such conditions of long-term prevalence of the pro-state civil organizations some readers (mainly abroad) begin to forget that there is a lot of civil organizations in Russia supported and sponsored by many charity and philanthropic organizations in Russia and abroad.

I'd remind that the political parties irrespectively of their ideology as well as labor unions are the true civil organizations as well. That is why in Western sociology the term non-governmental organizations (the NGOs) are commonly accepted. But it doesn't mean that in the Western countries the NGOs cannot get grants from the municipal bodies that I consider the civil organizations as well.

On the emergence and development of the civil organizations in Russia/SSSR/RF there is a lot of literature on Russian and English, therefore there is no sense to repeat it again (see, for example, Stepansky, 1980; Yanitsky, 1991, 2013), and many other sources. поэтому повторяться не буду. I'd like only to mention that some nature protection and other civil organizations and movements have been based on the network structures by means of mailing, seminars, conferences, etc.

In sum, recently there are two clear-cut types of civil organizations: pro-state and true civil ones i.e. the self-organized and self-regulated (Yanitsky, 2014). The former, as a rule, are structurally-functionally stable as, for example, All-Russian Peoples' Front and its regional divisions, while the latter are period-

ically or even permanently restructured due to changing external situations and internal necessities. That is, *the latter maintain their sustainability by means of permanent changes*. This rule is true if critical are destroying their structural unity. The matter is that even in such critical case they protect their ideological and value unity.

The former are obliged to collaborate with the law enforcement agencies while the latter being obliged to collaborate with them, first of all are concerned with affected nature and ordinary people. The former are usually supported by these state bodies while the latter are usually act independently according to circumstances and their own attitudes and resources at hands. That is why the formers' activity is restricted by numerous norms, instructions and commands while the latter prefer to act immediately.

The difference of activity of the two above types of civil organizations is clearly seen under critical conditions. Let's take an example of flooding in Irkutsk administrative region and total destruction of small city Tulun, the center of the municipal region, happened in autumn of the 2019 year. What has been done by the regional pro-state civic organizations? To my mind, nothing had been done because all local bodies waited a certain 'command' from above.

I foresee the objections because the given situation has been too serious. I agree but only partly. *First*, local activists, irrespectively pro-state or true civil ones should to send signals of emergency everywhere. *Second*, they have enough time to mobilize a part of local population in order to take some preventive measures. *Third*, these people have an experience of previous flooding, forest fires and other critical situations. *Four*, these people should take the measures for a resettling the children and old people to another, more safe place. These people clearly knew that their town is situated in the low-lying land, and therefore this town is the first at risk to be flooded.

Fifth, in modern rapidly changing natural and geopolitical conditions such political

structures as the state organizations and political parties are too large and stable and thus they cannot quickly and systemic react to permanent changing of their situation.

Sixth, the more general conclusion is that recently, under conditions of already existed all-embracing information network and permanently renewed arm forces the global political stakeholders are predominantly acting by a set of possible and actual threats from sanctions and switching off from global currency or economic networks till the treat of making the massive strike by means of the release of billions of refugees living in the camps on the territory of Turkey or other countries. That is, a set of strategies to make harm on a possible adversary are simultaneously used. In all the above actions the information networks ate playing the key role.

An individual and group behavior in a critical situation.

Many Russian and foreign sociologists and politicians are continuing to work in so-called arithmetical paradigm i.e. to evaluate a particular situation in the terms like the 'better or worse', the faster or slower', the 'closer or farer', etc. Such researchers are usually didn't take into account that simultaneously with quantitative changes are simultaneously going the qualitative ones.

Let's take as the example well-known in the social psychology phenomenon called as a 'dynamic stereotype' (Abul'khanova-Slavskaya, 1980). Its essence is in a dialectical balance (and repetition) of the stereotype and changing parameters of his/her everyday behavior.

In other words, the stereotypes of the individual and group behavior may vary under the particular circumstances but in a certain limits only. If these limits are surmounted, the actor is forced to change his/her dynamic stereotype, say, changing everyday 'home—work' transportation to a distanced mode of work. But in any case the individual make the efforts to maintain his/her dynamic stereotype, otherwise he may lose a lot of time and his work as such.

Now let's look on what is going on with

his/her contacts under extreme conditions. Her I'd refer to the works of L.A. Kitaev-Smyk (1983), the well-known Russian specialist in this realm. He offered to divide the issue in three steps: initial, being in extreme conditions as such, and adaptive one.

On the first step, Kitaev-Smyk said, that is in the process of the entering of the individual in a stressful situation, his activity is sharply going down, he is as if standstill, become reserved (1983: 284). But further the object in question should be differentiated. If it's a village or a small town, and more than that – in remote Russia, under a sudden emergence of a critical situation he/she have to rely upon himself or his neighbors only. An individualistic psychology took over. If it's a large city or megalopolis he/she would rely on quick coming of the rescuers or an ambulance.

On the adaptive step, that is after the critical situation the inhabitants of small and large settlements have the common problems. The first one is purely Russian, named as imperfections or incompleteness. The second one is an adaptation on the new place of living.

The second one is especially painful for those who lost who had personal plot and livestock.

In conclusion of this section are some additional notes. The very notion of the 'dynamic stereotype' is applicable not only to individuals and small groups but it's useful for the analysis of critical situations emerging in more broad social and economic contexts.

For example, all international relationships are existed in such dynamic, i.e. dialectical context. This dialectics is produced by permanent oscillations of the global geopolitical situation generated in particular by the flow of the IT-innovations that influences the global distribution of forces.

It means that the farther the more not only the individual and small groups but the states and transnationals will be involved into a permanent process of the structural-functional development of their relationships. It means that for the individuals and their

groups a creation of a relatively sustainable 'dynamic stereotype' will be an everyday issue. It's not an easy task because a time for an individual decision-making will be shrinking every moment.

Research Results and Discussion.

A Critical situation, civil activism and the other social institution.

Let's divide this issue on the yesterday, current and future periods. It seems not surprising that in the Soviet times (the 1960-80s) the situation looks like more calm and 'sustainable' than now.

Let's take for example an issue of nature protection. There has been All-Russian Society for Nature Protection, the Moscow Society of Naturalists, the World-Wide Fund for Nature Protection, The Greenpeace-Russia and many others. I'd especially to mention the Students' nature protection movement which later created the Socio-Ecological Union (later on it became the International Socio-Ecological Union). This movement has been organized by three different but interrelated forces, namely by the scientists, teachers and students themselves. The Baikal movement had been established in mid 1950s by the Siberian scientists, scholars and local people. Besides, there were a lot of local initiative groups who planting of greenery in newly industrially built neighborhoods across the Soviet Union. The emergence of the above movements and organizations didn't exclude the emergence of various local NGOs and initiative groups that tried to cope with local critical situations, for example, the prevent destruction of natural monuments as well as the various types of reserves ranging from very small ones to the biosphere reserves.

With the approach of the perestroika period (the years of 1988-92) the number and diversity of civil initiatives rapidly grew, the process of politicization of social movements. The years of the perestroika has been marked by a sharp politicization of social movement and civil activism. Nevertheless, before, in and after these years a collaboration of Russian and foreign sociologist has been continued. There were at least three international

research projects on social movements that should be mentioned. One is the project 'Cities of Europe: The Publics' Role in Shaping an Urban Environment' (Deelstra and Yanitsky, 1993), 'New Social Movements in Russia' under the supervision of prof. A. Touraine (1992-94), and the International project 'Where Russia is going?' (1991-2000) guided by acad. RAN T.I. Zaslavskya and prof. Th. Shanin (Intercenter, Moscow). As for me, I practiced a socio-ecological approach for many years basing mainly of the works of the fathers of the Chicago School of Human ecology. Therefore, I've been very glad that their ideas and principles have been developed conformably to the condition of the digital age (Stokols, 2018).

As concerned to social activity of the Russian citizens, after the 1993 it began to slow down for several reasons: unemployment, lack of the means of subsistence, a necessity to gain them by means of temporary work, etc. The criminality rapidly grew and some families began to disintegrate. The gap between the rich and the poor widened. As to the relationships between the volunteers, the state rescue forces and the bodies of social protection, as our investigation of the social consequences of the forest fires in the 2012 showed, that such collaboration didn't exist at all. Besides, that research revealed the following regularities.

First, the state rescue forces began their operations in the midst of the critical situation. *Second*, the rescue forces have been concerned with a protection of a given settlement only, if such work has been done, they said that their mission is over (Yanitsky, 2012). *Third*, the affected people have been resettled in new individual houses made by industrial methods. It has been a humanistic act but in hurry the designers and builders set these houses on the land with a very high level of subsoil waters. As it appears next spring, the majority of these houses were needed in a capital repair.

The many appeals of the twice affected people to municipal authorities gave a zero effect, these people were obliged to address to

a particular Moscow organization, i.e. to the Moscow planners who in hurry didn't take into account a basic rules and norms of town planning despite the fact that the 'Construction norms and Rules' (CN&R) have existed. Later on, the capitalist economy step by step destroyed the state normative base of town planning in Russia.

It has been not only the case of Russia but a norm of the capitalist's relation to the appeals and requirements of ordinary people, their natural and cultural values. When in the year 2003 the tornado Catherina has destroyed a substantial part of the New Orleans city, the center of the Afro-American culture of the US, the local volunteers began a repairing works. But immediately emerged developers have promised to make all repairing and renovation work but with only one condition: every US dollar input has to bring them 100 US dollars output (Barrios, 2011).

We revealed a quite another model of the affected people and their relations with some other social institutions is shaping in the case when these people are totally isolated from the outside world by military operations or by a certain natural disaster. We've to analyze many such cases (for example, Krymsk, cities in Donbass and Syria, etc.). In such cases the people are usually mobilized and united in order to protect themselves or simply for a survival, and this type of consolidation may be created by very different people and social groups, with the particular ideologies.

Civil activism in the struggle with a consumer ideology.

F. Engels was wright saying that a man lives 'by the nature.' But neither not he, nor other social thinkers had been concerned by the process of diminishing of natural resources, and therefore the struggle for them is sharpening. In the final analysis, it leads to a much more exhausting of natural resources, and to a much more tough struggle for the access to them.

But it's not all. The reverse side of the same coin is a gradual transformation of the biosphere into the sociobiotechnosphere presents a bill to the mankind. I mean a perma-

nently growing volume of the industrial and domestic wastes that the natural ecosystems are incapable to utilize.

To my mind, a mechanism of market economy, well elaborated in the run of the centuries, is now encountered with a global limit that this mechanism is incapable to overcome. For example, the market economy has no instruments to overcome the coming global warming. A half-a-century attempts of the world community to find a way out end without any radical results. As international researches clearly showed, the only one way out is a certain delay of a world global crisis (Haberl et al., 2016; Von Weizsäcker et al., 2018; *The Global Risk Report*, 2018).

The idea of limits of growth and the redistribution of its negative results on the poor, their ability to expand of the world population gave very little effect. Because when the growth of humans' consumption is going down, the threat of economic crisis is becoming. Besides, the giant masses of natural resources are growing numb in the process of various arms production, ammunition, etc. and all that without the arms forces cannot exist.

Is the civil activism is potent to lessen an international tension?

Yes, of course, and our history gave us some convincing examples. I mean first of all the movement for the lasting peace and democracy that intensively developed after the WWII. And nowadays, the same goals are pursued by the world movement of the Greens motivated by the other reasons and ultimate goals. The leaders of this movement are well-understand the deadlocks of modern capitalism. I mean first of all a civil-oriented scientists and scholars who well-understand these deadlocks of modern capitalist economy. And the first step on this road is a reduction of redundant consumption. But there are many other ways of doing this.

A digital activity in the 'Internet Galaxy'.

For a sociologist who think and work in an 'arithmetical paradigm', i.e. in terms like more or less, better or worse, faster or slower,

etc. the following ideas will seem not very important. But all will be changed if I remind to the reader about the phenomenon of a 'space compression by means of the time' only. Let's go point by point because today the digital activity of the individuals and their groups is a very important prerequisite of human activity of any kind.

First, as human history shows, an individual's activism usually outstripped any collective social activity especially if it is organized into network structures. And now the 'Internet Galaxy' gives them such possibility.

Second, this 'Galaxy' isn't simply a technical mean as sometimes it appears to the technocratically-oriented thinkers. The volunteers' and other social group activities are inseparable from a quality of communication technologies. It is one more confirmation of the abovementioned triad the 'science—communication technologies—social practice.'

Third, the 'Internet Galaxy' is a mean for potential joint efforts of the civil activists concerned with the old and new challenges. It's not only technical mean but a mean for mutual understanding of the planet's population.

Fourth, it follows that this population is becoming not only closer socially but psychologically. Indeed, we are all not symbolically but actually are in the same Noah's Ark. The global information network is a prerequisite for a shaping of global civil society (see Kaldor et al., 2003).

Fifth, the information which is collected in various parts of the world gives to the scientists and scholars an impression about the state and dynamics of the global and space sociobiotechnosphere.

Sixth, while on the first stage of the 'Internet Galaxy' shaping the one-to-one contacts have been preoccupying recently this global network is becoming a platform for the discussions concerning the global issues.

Seventh, the above process follows by the shaping of the triad communities and their counterparts with diverse social, ethno-confessional and geopolitical viewpoints.

Therefore, an informational chaos gradually is becoming structured.

Eighth, the above processes voluntary and involuntary develop the individuals and group potential to ecological, technical and social reflection (Kyz'mina, 1998; Yanitsky, 1998). In turn, it shapes the language for a mutual understanding.

Ninth, a network analysis embracing the whole world at once promotes to overcome the country analysis based on the principle of division the critical situations on local and global. As Chernobyl accident and then many others across the world, in majority of the cases what happened here sooner or later will have an echo somewhere there.

Tenth, it's obvious that the existence of global information networks is a mean for mobilization of people, resources and efforts as well as for their struggle with a corporative or bureaucratic (departmental) approach to the natural or technological issues.

Eleventh, the global information networks are gradually lowering the barriers between those who have already mastered the digital language, and who still isn't.

Twelveth, these networks assist in an overcoming of feelings of alienation and of the feeling of fear in front of coming disaster or technological accident.

All said above doesn't mean that all volunteers should become the 'button adults.' It's going on that their activity should use potential of the 'Internet Galaxy' in the highest degree.

The permanent tie between the 'science, teaching, and practice' is a key moment.

I see in their permanent interrelationships the key precondition for a success of the volunteers' activity. In contrast to the epoch of the Enlightenment when the human cognition developed by means of the differentiation of knowledge and institutionalization of particular disciplines and teaching recently we are witnessing of the reverse process, namely of integration of natural, technical and social sciences and the shaping of a certain triad named the 'science-teaching-practice.'

Initially, its shaping is going as sporadic

interactions, than by regular interactions, and finally a process of shaping of a new social institution that I've named as a socio-scientific research coupled with a practice is emerging. It's not an accidental but regular process because a complexity and dynamics of our life is needed in a more close collaboration of the science, teaching and practice.

That uninterrupted process is practically realized, and the scientist is becoming an experimenter (as academician and Noble laureate P. Kapitza), an engineer turned into theoretician constructing the middle-level concepts, and the volunteer an experienced man. It's not a dream but everyday reality. I'd remind you the members of the 'Doctors without borders' team, the astronauts, the members of polar expeditions in the Arctic and Antarctic and many other cases.

In other words, two processes are going hand in hand, namely of merging many disciplines in a united whole and a practical use of such integrated knowledge. And the way round, the ascent of a permanently changing practice toward its theoretical (interdisciplinary) comprehension. In some cases this merging process is going naturally while in many others it is going on under pressure of the CSs. In such cases its 'value' is the life of many ordinary people as it happened in many cities in Donbass and Syria (Yanitsky, 2017). In such cases the mass public surveys are useless because it's impossible to evaluate those qualitative transformations that are occurring with a person in the CS, say, under a time and resources deficit as well as under permanently changing local situation (see, for example, Inglehart, 1991). It is such knowledge-and-mode of action is needed in order to define a degree of urgency and the character of the aid to the affected nature and people.

Actually, this triple tie is permanently shaping. One should keep in mind that recently the way from the decision-making and design till an end-product production isn't linear but multisided and interdisciplinary one. The very process of a construction of anything represents now a very complicated issue. Nowadays, almost all industrial products are

the hybrid ones. Then, a modern logistics is actually a very complex issue which has to be put in definite space-time frames.

Let's me give a very simple example. Watch on the activity of a child. He is always simultaneously an explorer, constructor and a pupil. Unfortunately, this very important quality of the child's psychology is totally effaced when the child enters in the rigid frames of secondary school's programs, textbooks, timetables, etc. To those who is interested in alternative teaching I'd recommend a small book 'Release of the Schools' written by Ivan Illich (2006) and later translated in Russian.

The key moment in this triad is the notion of the metabolism under which is understood many exchange processes and their qualitative transformations that make many agents the qualitatively new actors. It's essential that the tempo-rhythms and an end-result of their interactions may vary from mutual assistance in the maintenance of their viability (symbiosis or cyclical process), one-sided impact and till mutual annihilation.

The importance of further study of the metabolism phenomenon is first of all necessary for the technologists, sociologists and other humanitarians because in the natural sciences the notion of metabolism is commonly accepted. And in the biological sciences and medicine it's one of the cornerstones.

Maybe all said above is necessary under calm and regular conditions of the universities and research institutes? Not at all! On the contrary, the metabolic processes such dynamic systems as accidents and disasters are urgently needed in the further and more complex investigations. And in such studies the schoolchildren, students and other civil activists both outside and inside the disaster epicenter should take an active part on all phases of its development.

Conclusions. Any critical situation generates a certain critical social order as the antithesis to a 'normal' social order. The critical social order is a set of various natural and socially-constructed orders that differs by their specific metabolic processes.

An impotence or critical delay of the ac-

tivity of existing social institutions, mutual distrust and fear, lack of self-confidence of many people, and transformation of their living environment into a hostile and dangerous are the main characteristics of the CS. Its logical and practical end is a total disorder as a couple of ungoverned elemental processes and particular practices under full absence of control from the side of the state and international organizations.

Some western researchers see the roots of our CS in the 'backwardness' of our country. But as academician N.N. Moiseev stressed, such viewpoint is risky not only for Russia but for the world as a whole (Moiseev, 1996: 16). If the CS stimulates the escape abroad of some, and an encapsulation of the others it is not well.

If the CS stimulates the scientists, teachers and civil activists to reflect, to look for the ways out from a particular CS, it's quite another matter. For this t least two conditions are important: a mutual understanding and an existence of a stage for the exchange by the knowledges and experiences.

References

- Abul'khanova-Slavskaya, K. (1980), *An Activity and Psychology of a Person*, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).
- Illich, I. (2006), *A Release from the Schools. Proportionality and the Modern World*, Prosvescheniye, Moscow, Russia. (In Russian).
- Castells, M. (1996), *The Information Age. Economy, Society and Culture*. Blackwell Publishers, Oxford, UK.
- Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kitaev-Smyk, L. (1983), *A Psychology of the Stress*, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kuz'mina, A. (1998), An Ecological Activity as a Form of Reflectivity, in Yanitsky, O. N. (ed.), *Russia: The Risks and Threats of "Transition" Society*, Publishing House of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 225-36. (In Russian).
- Moiseev, N. (1996), *Death-Agony of Russia. An Attempt of a Systemic Analysis*, Ecopress-3M, Moscow, Russia. (In Russian).
- Stepansky, A. (1980), *The Tsarist Autocra-*

cy and Public Organizations in Russia at the Turn of the XIX-XX Centuries, Moscow, Russia. (In Russian).

Yanitsky, O. (1998), The Chernobyl Catastrophe: An Experience of a Risk Reflection, in Yanitsky, O. N. (ed.), *Russia: The Risks and Threats of "Transition" Society*, Publishing House of the Institute of Sociology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 36-59. (In Russian).

Yanitsky, O. (2014), "The Volunteers of the State and Civil ones". *Sociological Science and Social Practice*, 1 (5): 71-89. (In Russian).

Yanitsky, O. (2017), "A Qualitative model of the besieged city: the case of Aleppo, Syria", *Sociological Science and Social Practice*, (1): 129-144. (In Russian).

Barrios, R. E. (2011), Post-Katrina Neighborhood Recovery Planning In New Orleans, in Dowty, R. A. and Allen, B. L. (eds.), *Dynamics of Disaster. Lessons on Risk, Response and Recovery*, London, Washington, DC, Earthscan, UK, 97-114.

Deelstra, T. and Yanitsky, O. (1991), *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian).

Haberl, H., Fisher-Kowalski, M., Krausmann, F. and Winiwater, V. (2016), *Society-Nature Relations across Time and Space* [Online], available at: <http://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-319-33326-7> (Accessed 1 November 2019)

Inglehart, M. (1991), *Reactions to Critical Life Events. A Social Psychological Analysis*, Praeger, New York, USA.

Kaldor, M. (2012), *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Kaldor, M., Anheier, H., and Glasius, M. (2003), *Global Civil Society Yearbook*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Stokols, D. (2018), *Social Ecology in the Digital Age. Solving Complex Problems in a Globalized World*, Academic Press, University of California, USA.

The Global Risk Report (2018), World Economic Forum, Geneva, [Online], available at: www.weforum.org/risk (Accessed 1 November 2019).

Von Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*, Springer, New York, USA.

Yanitsky, O. (1993), *Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions*, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian).

Yanitsky, O. (2012), "The 2010 Wildfires in Russia. An Eco-Sociological Analysis", *Sociological Studies*, 51 (2): 57-75.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-11

Гусейнова К. Э.

**Оценка уровня инновационного развития регионов
в контексте проблем пространственного взаимодействия
(по критерию «свои» – «не свои»)**

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
likseidar@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-7957-7317

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования проблем инновационного развития в 17 субъектах Российской Федерации. Анализируется специфика терминов инновационная политика, научно-технологическое развитие в современном научном и политическом дискурсе. Рассматривается специфика оценки региональным экспертным сообществом инновационного развития в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. В статье также дана оценка барьеров реализации инновационных проектов по материалам анализа работы на региональном уровне. Методологической особенностью качественного анализа собранного материала является применение концепции идентификации граждан в пространстве инновационного социального развития как «своих» и «не своих» групп, разработанная отечественным социологом В. А. Ядовым. В статье сделана попытка выделить критерии идентификации для групп «свои» – «не свои» (или «чужие»). Проанализировать факторы дихотомических уровней, способных продемонстрировать оценку и текущий уровень инновационного развития регионов посредством качественных данных. Представлена зависимость оценки уровня инновационного развития регионов от множества факторов, будь то исторические (социокультурные), экономические, природные особенности и проч. В любом случае индивиды и различные социальные группы, участвующие в создании и разработке инновационных проектов, находятся в некоем «социальном пространстве» заинтересованного взаимодействия. Механизмы их взаимодействия, уровни коммуникации, уровень модернизации – всё это составляет «социальную проблему» реализации инновационной политики.

Ключевые слова: социология управления; инновационное развитие региона; научно-технологическое развитие; экспертный опрос; «свои» и «не свои»; В.А. Ядов.

Информация для цитирования: Гусейнова К. Э. Оценка уровня инновационного развития регионов в контексте проблем пространственного взаимодействия (по критерию «свои» – «не свои») // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 130-138. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-11

Ksenia E. Guseynova

Assessment of the level of innovative development of regions in the context of spatial interaction problems (based on the “insiders and outsiders” criteria)

Center for Management Sociology and Social Technology,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
likseidar@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-7957-7317

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the problems of innovative development in 17 subjects of the Russian Federation. The article analyzes the specifics of the terms innovation policy, scientific and technological development in the modern scientific and political discourse. The author considers the specificity of the regional expert community assessment of the level of innovative development in regions with different levels of socio-cultural modernization. The article also assesses the barriers to the implementation of innovative projects based on the analysis of work at the regional level. The methodological feature of the qualitative analysis of the collected material is the application of the concept of division of citizens in the space of innovative social development into “insiders” and “outsiders” groups, developed by the domestic sociologist V. A. Yadov. The article attempts to identify identification criteria for groups “insiders” – “outsiders” (or “others”). To analyze the factors of dichotomous levels that can demonstrate the assessment and current level of innovative development of regions through qualitative data. The article describes dependence of the assessment of the level of innovative development of regions on a variety of factors, whether historical (socio-cultural), economic, natural features, etc. In any case, individuals and various social groups involved in the creation and development of innovative projects are in a kind of “social space” of interested interaction. The mechanisms of their interaction, the levels of communication, the level of modernization—all this is a “social problem” of the implementation of innovation policy.

Keywords: sociology of management; innovative development of the region; scientific and technological development; expert survey; “insiders” and “outsiders”; V. A. Yadov.

Information for citation: Guseynova K. E. (2019), “Assessment of the level of innovative development of regions in the context of spatial interaction problems (based on the “insiders and outsiders” criteria)”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 130-138. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-11

Введение (Introduction). Инновационная политика, её внедрение, равно как и

уровень развития давно стали частью не только научного, но и государственного

дискурса. В современных условиях данная проблема является одной из множества предметных областей государственной практики управления. Цель последней, помимо всего прочего, заключается в поддержании России на должном мировом уровне экономических показателей.

Основу современного инновационного развития регионов составляют, в частности, федеральные проекты, призванные решать наиболее острые общественные проблемы. Так, например, в 2016 году Президентом России была утверждена Стратегия научно-технологического развития РФ, в тексте которой представлено следующее определение: «научно-технологическое развитие Российской Федерации – трансформация науки и технологий в ключевой фактор развития России и обеспечения способности страны эффективно отвечать на большие вызовы»¹. К последним относятся проблемы, осуществление которых возможно лишь при условии качественной модернизации имеющихся управленческих и производственных механизмов (Проблемы разработки и реализации..., 2018), а вместе с ними и построения новых заинтересованных социальных и групповых отношений.

Суть научно-технологического развития заключается в сращивании интересов государства, науки и бизнеса. Этот факт подтверждается и тем, какое значение современная государственная политика придает инновационным проектам (см. Концепцию социально-экономического развития РФ 2030, Лапин, 2008). Во-первых, суть таких проектов заключается в развитии т.н. «прорывных технологий», выступающих результатом работы различных отраслей науки и знания. Во-вторых, их реализация нацелена на повышение конкурентоспособности отечественной науки в области высоких технологий.

«Особое внимание при этом уделяется прогрессивным отраслям науки, таким как информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), нанотехнологии, биомедицина и проч. Конвергенция указанных областей знания может привести к появлению новых прорывных технологий в междисциплинарной сфере» (Гусейнова, 2018). А в-третьих – опора на заинтересованных в их реализации групп, специалистов, персонала (Проблемы разработки и реализации..., 2019).

Отечественный социолог В. А. Ядов оказался весьма дальновидным на этот счет. Еще в 2005 году он говорил о том, что «новым поколениям предстоит осуществить разворот в направлении принципиально иных технологий, которые включают радикальное обновление промышленного и сельскохозяйственного оборудования, с компьютерным управлением, сокращение производства стали, создание технополисов...» (Ядов, 2005).

Очевидно, что уровень инновационного развития регионов может зависеть от множества факторов, будь то исторические (социокультурные), экономические, природные особенности и проч. В любом случае индивиды и различные социальные группы, участвующие в создании и разработке инновационных проектов, находятся в некоем «социальном пространстве» заинтересованного взаимодействия. Механизмы их взаимодействия, уровни коммуникации, уровень модернизации – всё это составляет «социальную проблему» реализации инновационной политики.

Методология и методы (Methodology and methods). В представленной статье методологические основания для изучения данных, отражающих оценку уровня инновационного развития в регионах, связаны с концепцией Владимира Александровича Ядова о процессах идентификации граждан в социальном пространстве «своих» и «не своих» групп и сообществ (Ядов, 2004). В этом случае нам становится близка позиция Н. И. Лапина и его социокультурного подхода. Смысл которого заклю-

¹Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/> (дата обращения: 07.11.2018).

чается в том, что индивид выступает здесь в качестве социального субъекта, способного не только перенимать, но также воздействовать на структуру группы, в которой он состоит. Его функции схожи с функциями социальных институтов, деятельность которых возрастает вместе с ростом научно-технологического процесса (Лапин, 2000).

Первая группа может формироваться под влиянием субъективных факторов – отношений, личных интересов в том случае, когда они не противоречат общественным или групповым. Зигмунт Бауман, например, называет их *субъектными*, поскольку именно на их основании происходит идентификация участника со «своим» сообществом (Бауман, 1996; Bauman, 1992). Характер таких факторов позволяет нам говорить о положительных и отрицательных социальных оценках, которыми индивид наделяет своё сообщество, защищая и дифференцируя среди других. Если же общность интересов и целей не наблюдается, на смену солидарности приходит противоречие, которое и отвечает за существование «чужих» или «не своих» (Ядов, 1995).

У Пьера Бурдьё, например, социальное пространство обладает рядом признаков: оно не плоское, имеет несколько измерений, которые определяются из того, что каждый индивид пребывает в нём не сам по себе, он оснащен определенными совокупностями (капиталами) (Bourdieu, 1979; Swartz, 1998; Bourdieu, 1998).

Так, участников социального пространства, связанных с инновационным развитием, также можно отнести к дихотомии «свои» и «не свои». Это может стать методологическим ключом для их качественной классификации и для оценки возникающих барьеров. Критерии идентификации также могут быть различными, например:

1. Регион (локальность): когда в качестве «своих» выступают представители родного региона, в то время как другие (например, Москва) получают статус «не

своих», в силу серьезных экономических и социокультурных различий;

2. Интересы: кто из заинтересованных сторон – народ, наука, бизнес, государство – может считаться «своим», а кто нет? Какова оценка роли каждого участника в пространстве инновационного взаимодействия?

3. Финансы и ресурсы: какими экономическими запасами обладают регионы и на чью финансовую поддержку они (не)могут рассчитывать?

4. Мораль и этика: в данном случае «своими» можно назвать людей, имеющих профессиональный творческий интерес в развитии инновационных проектов. «Не своими» – людей, незаинтересованных, работающих исключительно «по приказу».

Приведенные критерии могут быть изменены и дополнены другими значениями. В данном случае мы рассмотрим пример того, как региональное экспертное сообщество оценивает уровень инновационного развития в своих регионах посредством выделения «своих» и «чужих».

Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН уже более 10 лет проводит совместные исследования с Президиумом РАН. Одно из последних исследований связано с изучением социально-организационных барьеров, препятствующих реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ. В 2019 году научным коллективом был проведен экспертный опрос в 17 субъектах РФ (Амурская область, Белгородская область, Вологодская область, г. Москва, Московская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, г. Санкт-Петербург, Свердловская область, Смоленская область, Томская область). Методика отбора регионов основана на классификации Н. И. Лапина об уровне их социокультурной модернизации (Атлас модернизации, 2016). В качестве респондентов были при-

глашены люди, имеющие опыт управленческой практики, представители науки, бизнеса, общественных организаций, региональных органов власти и др.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Качественный анализ полученных материалов дает возможность описать некоторые дихотимические различия в концепции «свои» и «не свои».

Так, к социальному пространству «своих» эксперты отнесли социальные группы, которые:

- обладают энтузиазмом и верой в научные достижения, заинтересованы в финальном результате;

- создают координационные советы по вопросам инновационного развития;

- обеспечивают взаимодействие всех заинтересованных стороны на равных условиях, поддерживают диалог с бизнесом и властью;

- обеспечивают финансирование научных организаций;

- создают совместные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, проводят круглые столы, организуют научные мероприятия для постоянного обмена опытом, проводят совместные междисциплинарные исследования;

- создают единое информационное пространство для всех участников.

К социальному пространству «не своих» эксперты отнесли социальные группы, которые:

- лоббируют собственные интересы;

- плохо, либо вовсе не взаимодей-

ствуют с другими участниками, в т.ч. с экспертами;

- не поддерживают развитие отраслевых технологий;

- не заинтересованы в конечном результате.

Как мы можем видеть, любое общество может быть субъектно. Ради достижения общей цели индивиды готовы к кооперации и взаимодействию. Они также способны самостоятельно определять критерии идентификации не только в личном, но и в профессиональном групповом аспекте. На уровне коллективного бессознательного они способны локализовать «источник добра», «источник зла», а также способ действия для достижения благоприятного результата (Лурье, 1998).

В качестве другого основания для подобной дихотомии может быть представлена консолидация региональных ученых с Институтом им. Курчатова. Данная организация является новатором в вопросах объединения научно-технологического и гуманитарного знаний. Согласно полученным данным, 12% от общего количества опрошенных экспертов заявили о наличии тесных связей между региональными учеными и их коллегами из Курчатовского института (табл. 1). Последние, как мы видим, сумели попасть в группу «своих», т.к. наличие партнерских связей с коллегами респондентов (т.н. «близким кругом») наверняка свидетельствует о тесном сотрудничестве, схожих целях и интересах.

Таблица 1

Table 1

Наличие у региональных научных организаций связей с Курчатовским институтом
(в % от числа ответивших)

Connections of regional research organizations with the Kurchatov Institute
(% of the number of respondents)

У региона имеются связи научных организаций с Курчатовским институтом	Кол-во
Да, имеются тесные связи наших ученых с институтом им. Курчатова	12
Думаю, что нет таких связей	22
Скорее всего, есть отношения, но трудно сказать определенно какие	23
У этого Института есть отношения с отдельными организациями нашего региона	16
Затрудняюсь ответить	26
Всего	100

О наличии взаимоотношений Института с отдельными региональными организациями заявили 16% опрошенных. Их, в свою очередь, также можно отнести к группе «своих». Если в первом случае речь идет о доверии, которое возникает при общении со знакомыми людьми (критерий «интерес» – см. выше), во втором случае мы имеем дело с организациями «нашего региона», близким нам локально и физически. Примечательно, что в обоих случаях твердую уверенность в научных взаимоотношениях выразили такие регионы как Москва, Московская область, Новосибирская область, Республика Татарстан. Очевидно, что они хорошо знакомы с работой Курчатовского института и его филиалов.

В то же время почти четверть опрошенных (22%) включили Институт им. Курчатова в группу «чужих», посчитав отсутствие каких-либо связей с ним местных (региональных) ученых за критерий недоверия.

Следует отметить, что у львиной доли экспертов (49%) данный вопрос вызвал затруднение. При этом их нельзя отнести ни к одной из двух групп. В концепции А. В. Тихонова таких людей называют «медиаторами» или «срединниками» (Тихонов, 2016). В данном конкретном случае его метод «триплекс-анализа», посвященный оценке гражданами функций властно-

управленческой вертикали (см. там же) вполне может быть применим и здесь. Очевидно, что ответы «затруднившихся» не дают никакой эмоциональной окраски, указывающей на принадлежность к той или иной группе.

Полученные данные свидетельствуют о том, что представители регионально-научного сообщества, заинтересованные или участвующие в инновационном развитии своего региона, определяют Курчатовский институт в качестве «своего». То есть допускают наличие схожих интересов, доступных форм коммуникационного взаимодействия и общих исследований. Таким образом, мы видим, что даже на таком простом примере можно отследить ориентации «свои»-«чужие» в социальном пространстве.

Участники инновационной политики также могут быть представлены в качестве критерия идентификации. В данном исследовании коллективом ученых были установлены три т.н. стейкхолдера инновационного процесса: разработчики, производители и потребители инновационных продуктов. Все они несут различную функциональную нагрузку. Порядковая шкала в данном случае позволяет сделать вывод о том, как взаимодействие участников определяет их роль в социальном пространстве (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Наличие связей между участниками инновационного процесса
(в % от числа ответивших)
The presence of links between the participants of the innovation process
(% of the number of respondents)

В регионе прослеживаются устойчивые связи между разработчиками, производителями и потребителями инновационных продуктов	Кол-во
Прослеживаются	19
Прослеживаются частично (с кем-то одним или двумя)	48
Не прослеживается	16
Затрудняюсь ответить	16
Всего	100

67% экспертов заявили о наличии частичных или полноценных связей между участниками. Это говорит о том, что на

момент их взаимодействия они как минимум вступали в коммуникацию друг с другом, и как максимум – садились за стол

переговоров, обменивались идеями и мыслями, думали над общими целями. Следовательно, сам факт их сотрудничества даёт нам право объединить их в группу «своих». 16% опрошенных утверждают, что участники инновационного процесса не вступали в коммуникацию друг с другом, по крайней мере экспертному сообществу неизвестно обратное. Очевидно, что в данном конкретном случае говорить об общих интересах не приходится.

Как мы можем видеть, индивиды способны идентифицировать себя с различными группами, их взаимодействие определяется добровольными или вынужденными контактами. Их социокультурное поле обусловлено общей идеологией, нормами взаимодействия, стилем поведения (Stompka, 1993).

Заключение (Conclusions). На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что уровень инновационного развития региона напрямую связан с уровнем его социокультурного развития. Чем выше этот уровень, тем точнее субъекты и индивиды могут определить границы «своей» группы.

Следовательно, готовность к научно-технологическому развитию у таких субъектов будет в разы выше. Особенно важно необходимо отнестись к тому факту, что низкая готовность регионов к реализации инновационных программ зависит от множества социально-организационных факторов, таких как недостаточность межрегиональных связей, плохая обратная связь между участниками научно-технологического процесса, некачественное управление.

Полученные результаты, проанализированные посредством качественной дихотомии «свои»-«не свои», демонстрируют то, как экспертное сообщество, занятое в организации инновационных процессов региона, определяет свое социальное пространство. Последнее, в свою очередь, может нести в себе положительную и отрицательную коннотацию.

Положительная оценка коммуника-

тивного пространства при разработке и реализации инновационных проектов главным образом связана с критерием доверия, а также с развитостью и качеством коммуникативных каналов. Отрицательная – с наличием барьеров, препятствующих качественному взаимодействию на различных уровнях и решению стратегических задач. В первую очередь к ним можно отнести инфокоммуникативные барьеры, выражающиеся в низком уровне организации коммуникативного пространства: невозможность заинтересованных лиц (экспертов) принимать активное участие в реализации стратегических вопросов и планов, незаинтересованность региональных властей в организации междисциплинарных площадок для обмена опытом между участниками (как следствие – низкий уровень развития междисциплинарных исследований), низкая готовность ученых к коммуникации.

К социально-организационным барьерам можно отнести низкий уровень организации и создания региональных экспертных групп, координационных советов, единой информационной платформы, а также незначительную финансовую поддержку. Вопросы о недостаточности либо отсутствии квалифицированных кадров, качества образовательных программ, не соответствующих решению проблем регионального развития, позволяют нам утверждать о наличии кадровых барьеров. Среди социально-политических барьеров наблюдается лоббирование собственных интересов, а также незаинтересованность региональных чиновников в решении проблем стратегического развития. Список барьеров, препятствующих инновационному развитию регионов, может быть значительно расширен. От их грамотного преодоления зависит то, насколько изменится оценка уровня инновационного развития.

Организация коммуникативного пространства между заинтересованными экспертными участниками способствует росту их субъектности. И если рассматривать

каждый регион как отдельное государство, то с помощью определенных критериев идентификации мы сможем получить качественную оценку их внутри регионального взаимодействия, а также специфику таких отношений. Качественная дихотомия, предложенная В. А. Ядовым, дает сегодня возможность социологу-исследователю изучить вопрос более тщательно и расширить диапазон собираемых данных.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Аспект пресс, 1996.

Гусейнова К. Э. Прорывные инновационные проекты как решение проблемы стратегического развития страны // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 78-86.

Лапин Н. И. Пути России. М.: ИФ РАН, 2000. 194 с.

Лапин Н. И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. М.: Логос, 2008. 328 с.

Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998.

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, 2013 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 20.12.2018).

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры (по материалам дистанционного исследования в 14 регионах страны с разным уровнем социокультурной модернизации) / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Мерзляков, К. Э. Гусейнова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. № 3.

С. 380-415. URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/841/820> (дата обращения: 21.11.2018).

Проблемы разработки и реализации стратегических программ научно-технологического развития в регионах РФ: социально-организационные барьеры. Часть 2 / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Мерзляков, К. Э. Гусейнова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. № 10 (3). С. 340-368. URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/927> (дата обращения: 10.11.2019).

Тихонов А. В. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 66-84.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3-4.

Ядов В. А. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999-2002 гг.) // Мастер-класс профессора В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004. 326 с.

Ядов В. А. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие. М.: МПСИ, 2005. 584 с.

Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.

Bourdieu P. (1979), *La distinction. Critique sociale du jugement*. Paris, 1979.

Bourdieu, P. *Espace social et genese des «classes»* // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1984. Vol. 52.

Stompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell Publishers, 1993.

Swartz D. *Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu*, Chicago: University of Chicago Press, 1998.

References

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), *Ves' Mir*, Moscow, Russia. (In Russian).

Bauman Z. (1996), *Thinking sociologically: a study manual*, Translated by Filippova, A. F., Aспект press, Moscow, Russia. (In Russian).

Guseynova, K. E. (2018), “Breakthrough innovation projects as a solution to the problems of strategic development of the country”, *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 78-86. (In Russian).

Lapin, N. I. (2000), *Ways of Russia*, IPH RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Lapin N. I. (2008), *Theory and practice of innovation*, Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Lur'e, S. V. (1998), *Historical ethnology*, Aspect Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Forecast of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (2013), [Online], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (Accessed 20 December 2018). (In Russian).

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A. and Guseynova, K. E. (2018), “The problems of development and implementation of strategic programs of scientific and technological development in the regions of the Russian Federation: socio-organizational barriers (based on remote research in 14 regions of the country with different levels of socio-cultural modernization)”, *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, (3), 380-415, [Online], available at: <https://www.mirnayka.com/jour/article/view/841/820> (Accessed 21 November 2018). (In Russian).

Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S., Merzlyakov, A. A. and Guseynova, K. E. (2019), “The problems of development and implementation of strategic programs of scientific and technological development in the regions of the Russian Federation: socio-organizational barriers. Part 2”, *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, (10), 340-368, [Online], available at: <https://www.mirnayka.com/jour/article/view/927> (Accessed 10 November 2019). (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2014), “Experience of Sociological and Culturological Research of the Problems of Administrative Vertical Reforming”, *Vestnik instituta sotziologii*, (10), 66-84. (In Russian).

Jadov, V. A. (1995), “The social and socio-psychological mechanisms of social identification”, *Mir Rossii*, (3-4). (In Russian).

Jadov, V. A. (2004), *Processes of identification of Russian citizens in the social space of “insiders” and “outsiders” groups and communities (1999-2002)*, Master class of Professor V. A. Yadov, Aspect Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Jadov, V. A. (2005), *Social transformations in Russia: theory, practice, comparative analysis*, MPSU, Moscow, Russia. (In Russian).

Bauman, Z. (1992), *Intimations of Post-modernity*, Routledge, London, UK.

Bourdieu, P. (1979), *La distinction. Critique sociale du jugement*, Paris, France.

Bourdieu, P. (1984), “Espace social et genese des ‘classes’”, *Actes de la recherche en sciences sociales*, 52.

Stompka, P. (1993), *The Sociology of Social Change*, Blackwell Publishers, Oxford, UK.

Swartz, D. (1998), *Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гусейнова Ксения Эльдаровна, младший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, аспирант,

Ksenia E. Guseynova, Junior Researcher, Post-graduate Student, Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.733

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Зубок Ю. А.
Чанкова Е. В.

Коммуникативная компетентность личности
в пространстве виртуальной реальности

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
uzubok@mail.ru
chev3@yandex.ru

*Статья поступила 18 ноября 2019 г.; принята 8 декабря
опубликована 30 декабря*

Аннотация. Актуальность проблемы определена современной общественной динамикой, связанной с изменением форм коммуникации и способов ее саморегуляции. Информатизация, виртуализация, цифровизация являются наиболее общим основанием изменения социальной реальности и формирования нового коммуникативного пространства. Его особенностью является расширение реальности социальных взаимодействий посредством роста значимости его виртуальных форм. Объективные изменения в коммуникативной реальности требуют соответствующих навыков их регулирования. В пространстве виртуальной реальности главную роль играет саморегуляция, а ее основным механизмом – коммуникативная компетентность личности. Компетентность личности в пространстве виртуальной реальности представлена как способность сохранять свою социальность посредством владения подвижными знаниями, ценностями, нормами, умениями, способами поведения в условиях изменяющейся социальной реальности. Методологию исследования вопроса определили концепции социального пространства (П. Бурдьё), современного сложного общества (Дж. Урри, З. Бауман, С.А. Кравченко), информационного общества (М. Кастельс), социальной реальности (А. Шюц). На их основе разрабатывается концепция коммуникативной компетентности в условиях виртуальной среды интеракций. Дается определение коммуникативного пространства виртуальной реальности и коммуникативной компетентности личности в изменяющейся реальности. Обосновываются изменения, происходящие в коммуникативной компетентности, под влиянием виртуальности. Выделяются наиболее значимые характеристики ее структуры: формирование иного механизма формирования коммуникативной компетентности, смещение от принятия институционального образца к его конструированию; подвижность норм и практик интерактивного взаимодействия, рефлексивная саморегуляция индивидуальных интеракций и субъектная валидизация достоверности информации. Повышенная гибкость и мобильность коммуникации; ускорение, установка на поверхностные контакты и необязательность, эмоциональная автономность, снижение эмпатии и «сетевая жаргонизация» как формы рационализации коммуникативных интеракций.

Ключевые слова: социальное виртуальное пространство; изменяющаяся социальная реальность; коммуникативная компетентность личности;

социальность личности; рискогенность и интегрированность современного общества.

Информация для цитирования: Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 139-150. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Yulia A.I. Zubok
Elena V. Chankova

Communicative competence of the personality in the space
of virtual reality

Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
uzubok@mail.ru
chev3@yandex.ru

Received November 18, 2019; accepted December 8, 2019
published December 30, 2019

Abstract. The relevance of the problem is determined by contemporary social dynamics associated with a change in the forms of communication and methods of self-regulation. Informatization, virtualization, digitalization are the most common basis for changing social reality and the formation of a new communicative space. Its feature is the expansion of the reality of social interactions through the growing importance of its virtual forms. Objective changes in communicative reality require appropriate skills for their regulation. In the space of virtual reality, self-regulation plays the main role, and the communicative competence of the individual is its main mechanism. The competence of a person in the space of virtual reality is presented as the ability to maintain their sociality through the possession of moving knowledge, values, norms, skills, ways of behavior in a changing social reality. The methodology for the study of the issue was determined by the concepts of social space (P. Bourdieu), modern complex society (J. Urry, Z. Bauman, S. A. Kravchenko), the information society (M. Castells), social reality (A. Shuts). Based on them, the concept of communicative competence is developed in a virtual environment of interactions. The definition of the communicative space of virtual reality and the communicative competence of the personality in a changing reality is given. The changes occurring in communicative competence are substantiated under the influence of virtuality. The most significant characteristics of its structure are highlighted: the formation of another mechanism for the formation of communicative competence, the shift from the adoption of an institutional model to its design; mobility of norms and practices of interactive interaction, reflective self-regulation of individual interactions and subject validation of information reliability. Increased flexibility and mobility of communication; acceleration, installation on surface contacts and optionality, emotional autonomy, decreased empathy and “network jargon” as a form of rationalization of communicative interactions.

Keywords: social virtual space; changing social reality; communicative competence of a personality; sociality of the personality; riskogenicity and integration of modern society.

Information for citation: Zubok Y. Al., Chankova E. V. (2019), "Communicative competence of the personality in the space of virtual reality", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 139-150. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Введение (Introduction). Глобальные изменения последних лет выразились в нескольких определяющих трендах, существенно повлиявших на жизнедеятельность индивидов и групп. Одним из таких трендов стала цифровизация и ее следствие – виртуализация. Широта покрытия территорий и вовлеченность людей в интернет-коммуникации прирастает чрезвычайными темпами. По данным ВЦИОМ¹, 45% россиян старше 18 лет пользуются хотя бы один раз в день какой-либо социальной сетью. Максимальный уровень вовлеченности зарегистрирован у молодежи – в группе 18-24 года ежедневно пользуются социальными сетями 91%, но и среднее поколение является активным участником сетевых коммуникаций. Следовательно, виртуальные формы взаимодействий – неотъемлемая часть социального пространства и социальной реальности большинства россиян. Овладение навыками коммуникации в этих условиях становится самостоятельной задачей акторов и свидетельствует об уровне их коммуникативной компетентности.

Под социальной реальностью понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Щюц, 1994: 485). Исходя из феноменологического подхода к пониманию реальности, ее основу составляют не столько объективные различия социальных феноменов (социальная действительность), сколько их субъективное восприятие (социальная реальность) на уровне

обыденного сознания людей в процессе их взаимодействий. Реальными видятся те объекты, которые осознаны как пространство собственной деятельности, в частности, коммуникации. В этом залоге индивид строит свои объективные социальные связи и отношения, исходя из представлений о действительности, сформированных опытом.

Изменение опыта и переосмысление представлений становится условием формирования новых оснований и способов коммуникации. Конструирование принципиально новых или переосмысление прежних образцов взаимодействия (Бергер, Луман, 1995) является предпосылкой изменения коммуникативной реальности. В свою очередь, изменяющаяся коммуникативная реальность выступает условием изменения коммуникативной компетентности личности. Изменчивость как имманентная черта реальности и интенсивность этого процесса, особенно четко проявившаяся в виртуальной среде, делает коммуникацию объектом постоянного конструирования и переконструирования, а коммуникативную компетентность – объектом саморегуляции.

Методология и методы (Methodology and methods). Если коммуникация определяется как один из видов социальной деятельности, направленных на поддержание связи объектов материального и духовного мира путем передачи и обмена информацией в процессе межличностного и социального взаимодействия², то коммуникативная компетентность призвана поддерживать необходимые для этого знания, навыки, умения, мотивацию, ценности, убеждения,

¹Данные опросов ВЦИОМ от 12.02.2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (дата обращения: 01.10.2019).

²Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественный научный фонд; Рук. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 863.

способности (Дж. Равен, Т. Ю. Базаров, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, И. А. Зимняя, Л. М. Митина) Если эффективность коммуникации осмысливается через обратную связь³, приводящую к достижению некой целостности сообщества, то коммуникативная компетентность будет включать такой параметр как устойчивость социальных взаимодействий и связей и их результативность в аспекте поддержания определенного уровня социальной интеграции. В таком случае под коммуникативной компетентностью понимается способность и готовность личности оптимизировать взаимодействие с учетом взаимных ожиданий и установок, общих интересов и ценностей. И результатом коммуникации с большей вероятностью станет сближение.

Исходя из сказанного, определяющим становится обмен смыслами и понимание, умение и способность людей передавать и понимать смыслы, обеспечивая обратную связь. Регулирующую функцию берет на себя общественная структура. Она базируется на совокупности устойчивых ценностно-нормативных ориентиров, определяющих социальные интеракции и социальную жизнь. Данные ориентиры закрепляются в статусно-ролевых ожиданиях индивидов и групп, задающих параметры коммуникации. Их интериоризация и включение в практики коммуникативного взаимодействия является показателем коммуникативной компетентности личности.

Однако такая задача может успешно решаться личностью в условиях относительной нормативной устойчивости и статусно-ролевой позиционности коммуникативного пространства с четко очерченными правилами и предсказуемо результативными практиками, в случае соблюдения этих правил. Формирование коммуникативной компетентности сводится к успешному освоению образцов,

регулируемых наиболее общими представлениями о норме. В ситуации изменчивости с присущей ей эрозией нормативности этот процесс регулируется множественными ситуативными конвенциональными нормами, возникающими на основе индивидуальной и групповой рефлексии пространства коммуникации и ее образа.

В связи с этим целью исследования является обоснование особенностей коммуникативной компетентности личности как субъективно конструируемого феномена. Такой подход связывается с пониманием личности как самоорганизующего начала, что наиболее ярко проявляется в сетевом взаимодействии, т.е. в пространстве виртуальной реальности.

«Виртуализация, – пишет Д. В. Иванов, – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику, отмечает автор, можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например, виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через Internet, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и посредством агитации с помощью web-страниц или пресс-конференций в Internet, и посредством рекламных акций в телестудии или на концертной площадке» (Иванов, 2000: 96).

Под влиянием виртуализации изменяются образы мира и способы взаимодействия людей. Интернет-коммуникации приводят к изменениям в представлении человека о самом себе, оно становится неотделимым от информации о нем во внешнем мире (Козоларида, 2007). В образе мира преодолеваются не только реальные, но и символические границы, расширяется доступность его частей. В

³Словарь психологических развивающейся терминов. М.: Наука, 2010. С. 241.

общее коммуникационное поле вовлекаются разнородные группы, прежде никогда бы не имевшие шанса на контакт в реальной жизни. Происходит интенсивная диффузия любых социокультурных образцов. Формируется особый тип пространства, в котором соединяются его реальные и виртуальные образцы, дополняющие и продольжающие друг друга при заметной доминанте виртуального.

Если физическое пространство «...определяется по взаимным внешним сторонам образующих его вещей» и «может быть определено как площадь, поверхность или объем, который занимает агент или предмет» (Бурдьё, 1993: 33). Социальное пространство – как «структура рядоположенности социальных позиций» (Бурдьё, 1993: 33), в котором индивиды выступают как социальные агенты и «...помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам (выше, ниже, между и т.п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других» (Бурдьё, 1993: 33), а позиционность является важнейшей характеристикой взаимодействия в социальном пространстве, то виртуальность, отмечает Д. В. Иванов, отражает ситуацию, в которой «конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий». Поскольку «...виртуальная реальность – это искусственно созданная информационная среда, существующая в режиме интерфейса «человек – компьютер» (Ладов, 2004: 19), то виртуальными интеракциями являются взаимодействия человека с другими социальными акторами, опосредованные компьютером. Однако социальное содержание виртуализации, согласно Д. В. Иванову, состоит в симуляции институционального строя общества, что первично по отношению к содержанию техническому» (Иванов, 2000: 96). Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания способа существования современного коммуникативного пространства и меха-

низма формирования коммуникативной компетентности.

Если социальное пространство «...является социально обозначенным и сконструированным» (Бурдьё, 1993: 35), то виртуальное в еще большей степени подвержено конструированию. Поэтому формирующееся в этих условиях пространство коммуникативных интеракций является социальным конструктом, возникающим, прежде всего, в сознании и в практиках самих индивидов. Прирастающее новыми формами и позициями, оно видится через призму субъективной реальности акторов, т.е. через «лупу» сформированного образа коммуникации. В этом образе – когнитивно сформированном и эмоционально пережитом – отражаются наиболее распространенные его черты, собранные воедино опытом взаимодействия в этом пространстве и знаниями о его устройстве, приобретаемыми в интересующих взаимодействиях. В ходе спонтанных коммуникаций постепенно формируются новые нормы. Отражаясь в индивидуальном сознании, они встраиваются в систему представлений людей и воплощаются в конкретных практиках коммуникации, обретая массовый характер. Накопление опыта коммуникативных взаимодействий, организуемых в определенном режиме, и его распространение в определенной среде способствует закреплению соответствующего образа коммуникации в групповом сознании и практиках, становясь частью реальности.

Именно через опыт взаимодействий формируется не только образ пространства, но и представления об оптимальном типе коммуникации, о способах ее организации. В современном обществе происходит радикальная трансформация пространства и времени, которая представлена М.Кастельсом в концепции сетевого общества с пространством потоков и вневременного времени (Castells, 2010). Эти координаты составляют материальный фундамент

новой культуры «информационального общества». В соответствии с концепцией виртуальной реальности (Castells, 2010), (Elliot, Urry, 2010) и др. в информациональном обществе (терминология Кастельса М.) все культурные формы адаптируются к системе, подчиняясь ее логике и языку в условиях изменившихся параметров социального пространства и времени. Многоузловая сеть коммуникаций влияет на характер культурных форм выражения и имеет важные последствия для социальных форм и процессов, что отражается и в характеристиках коммуникативного пространства, и в коммуникативной компетентности личности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исходя из толкования ключевых понятий – социального пространства, социальной реальности и виртуальности *коммуникативное пространство виртуальной реальности может определяться как искусственно созданная среда интеракций, осуществляемых посредством сетевого взаимодействия.* Коммуникативная компетентность включает в себе культурные характеристики коммуникации виртуальности и закрепляет их в социальных практиках. В данных интеракциях человек замещен своим виртуальным представителем – электронной почтой, скайп-именем, ником в блогах, чатах, сетях, твиттере, номером телефона в мессенджерах и т.п. Специфика данного взаимодействия проявляется в дистанционности, анонимности и воображении. Человек может выступать в интеракции как под собственным именем, так и вымышленным, или анонимно. Это создает ситуацию неопределенности и формирует открытую социальную реальность, подлежащую распознаванию, воображению и достраиванию путем индивидуального выбора адекватных способов. Поиск и отбор таких способов отражает уровень компетентности личности.

Отражая эти изменения, коммуника-

тивная компетентность в «виртуальности» приобретает новые черты по сравнению коммуникативной компетентностью в «реальности», что проявляется в способности личности к установлению интеракций в условиях изменяющихся потоков пространства и времени, гибкой, «текучей» позиционности. Изменение нормативных, пространственно-временных характеристик и персональные возможности личности отвечать на изменившиеся условия освоением новых форм коммуникации определяют индивидуализацию темпоритмов коммуникативных интеракций. Индивидуальные темпоритмы и формы коммуникации становятся предметом саморегуляции, что отражается в коммуникативной компетентности. То есть, *саморегуляция индивидуальных режимов коммуникации в сетевых интеракциях является особенностью коммуникативной компетентности личности в виртуальной реальности.*

Постоянное присутствие в сетевом пространстве само по себе становится особой коммуникативной компетентностью. Порождается сетевая культура постоянного присутствия в коммуникации – «бытия на связи» – готовности к виртуальным интеракциям в любой момент времени. Одновременное вовлечение в разные формы интеракций становится причиной симбиотических явлений в коммуникативной реальности. Так, появляется новая система коммуникативно-временного этикета, когда моментальность ответа более приоритетна, чем его продуманность. *Это требует мобильности и гибкости как составных частей коммуникативной компетентности в условиях виртуальной среды.*

При этом возникает проблема совместимости, вытекающая из противоречия между разными образцами коммуникации и присущими им формами социальности. Проблему совместимости традиционных и новых форм социальности М. Кастельс видит как фундаментальную для современной социальной

реальности, логика «пространства мест» традиционного общества вступает в противоречие с логикой «пространства потоков» новых форм социальности. Данное обстоятельство диктует изменения в структуре виртуальной коммуникативной компетентности на ценностно-нормативном уровне, по сравнению с относительной стабильностью реальности – когда в виртуальности требуется осознание себя человеком мира, но не человеком места.

Распространение актуальной информации в Интернете мгновенно, в частности, в силу отсутствия посредников в виде СМК – характеризует социальное пространство виртуальных коммуникаций. Социальным последствием отсутствия фильтров достоверности при моментальности, текучести, быстром изменении информации становятся крайние – экстремальные – проявления рискофобии и рискофилии (Кравченко, 2016). Растет тенденция к «цифровому детоксу» (Tufekci, 2012) – постоянному или временному отказу от сетевой коммуникации. И в то же время имеет место отклонение от дозированной виртуальных коммуникаций (Цыганков, Мальнин, Егоров, Хвостиков, 2007). Нормой становится утрата доверия друг к другу, к авторитетам, в частности, к различным экспертам, СМИ, власти. А коммуникативная компетентность проявляется в поиске достоверной информации по субъективным критериям валидности. То есть, в виртуальной коммуникативной компетентности характерна тенденция к созданию субъективных критериев отношения и поведения, что есть проявление саморегуляции в условиях риска.

Вместе с тем, как утверждается некоторыми авторами, современное взаимодействие не устраняет потребность в реальном взаимодействии (Урри, 2013) Это, с одной стороны, придает дискуссионность утверждению о вытеснения реальных интеракций

виртуальными. А с другой стороны, ставит вопрос о степени их совмещения и такой особенности коммуникативной компетентности, как доминирование паттернов, в большей мере релевантных виртуальности.

Возможность передавать короткие сообщения в телефонной связи (Shot Mobil Service) сформировала особый язык, отличающийся лаконичностью и упрощенностью – активно применяется в виртуальном взаимодействии и привело к появлению так называемому интернет-фольклору. И, хотя, как отмечают исследователи, рано говорить об их переходе в устойчивые элементы культуры и участия в создании фонда языка (Ахапкина, Рахилина, 2014), тем не менее, они прочно утвердились в коммуникативных сетевых практиках. То есть, для коммуникативной компетентности в виртуальной среде характерна рационализация языковых форм, выраженная в овладении «сетевой жаргонизацией».

В силу особенностей виртуальной среды как реальности открытого типа, ключевыми признаками сетевой личности, взаимодействующей в Интернет-пространстве, являются самотворение и самоконструирование (Галкина, 2010). Выделенные качества указывают, прежде всего, на трансформацию позиционности как важнейшей характеристики социального пространства, что приводит к изменениям и в коммуникативной компетентности: принятие готового образца сменяется субъектным конструированием коммуникативного пространства. Подобные изменения в полной мере отвечают параметрам сложного общества (С. А. Кравченко, З. Бауман, Н. Луман и др.) как нелинейной самоорганизующейся системы, основанной на рефлексии. Нелинейность как одно из основных свойств такой системы, обозначает наличие множества потенциальных стационарных состояний, допускающих различные законы в поведении этой

системы (Василькова, 1999). Различные состояния вызывают множественность вариантов развития интеракции, вариативность ее стилей и способов саморегуляции. Множественность, характерная для современной социальной системы в целом, в виртуальной реальности проявляется специфическими особенностями коммуникации и требует соответствующих компетентностей.

В условиях нелинейности и непредсказуемости виртуальной среды актуальны коммуникативная стрессоустойчивость и пластичность (Bauman, 1998), умение отслеживать направленность изменений коммуникативной среды (Кравченко, 2016), интериоризация «культуры риска» как формирования лояльности и открытости любым изменениям – позитивным и негативным (Giddens, 2007). Иными словами, *необходимой становится интериоризация изменчивости как имманентной составляющей виртуального взаимодействия.* Для сохранения устойчивой позиции в изменяющейся системе взаимодействий – «в потоке» – личности *необходимы навыки быстрого освоения постоянно совершенствующихся коммуникативных технологий.* Стремительно изменяющиеся параметры коммуникации сложного общества вынуждают индивида к решению непрерывного потока задач (Луман, 2004), что приводит к появлению коммуникативной компетентности для пространства виртуальной реальности со своими отличительными чертами – в данном случае мобильности в условиях многозадачности.

Современные процессы сочетания глобального и локального (Castells, 2010) в социальном пространстве приводит к автономизации людей в разных социокультурных мирах и развитию отношений «без обязательств» (Bauman, Donskis, 2013), *возможности не учитывать ожидания участников коммуникации.* Данная особенность указывает на изменения коммуникативной

компетентности личности в условиях виртуальности по сравнению с реальными интеракциями, смену ролевых позиционных распределений участников интеракции с ожидаемых на непредсказуемые. Сиюминутные ситуативные виртуальные возможности распространяются на межличностные отношения и их дискурс общения. Данный дискурс проявляется, в частности, в распространении необязывающих социальных контактов и сокращении устойчивых отношений, характерных для реального взаимодействия. *Мобильность в виртуальной коммуникативной компетентности проявляет себя, с одной стороны, в способности быстрого реагирования и перестраивания, с другой стороны – в быстром и легком расставании, что нехарактерно для межличностных отношений.*

Исходя из понимания социальных коммуникаций (Ю. Хабермас, Н. Луман, Ф. И. Шарков, Т. М. Дридзе, Э. Ф. Макаревич), в сообщениях другому передается не только информация, но и заложенный в ней личностно значимый смысл, который должен быть понят адресатом. Понимание другого, таким образом, является сущностным признаком коммуникации. Пониманию близка по смыслу эмпатия как способность распознавать и сопереживать эмоциям и чувствам, передающего смыслы адресанта. Смысловая и эмоциональная составляющие интеракций оказываются дихотомическими в межличностной коммуникации и соответствующей ей коммуникативной компетентности.

Вместе с тем усиление интенсивности интерактивных потоков требуют все большей рационализации и прагматического действия, что отражено в идее макдольнизации (Ritzer, 2013). Рост скорости приводит не только к ускорению в технологиях обслуживания, но и формированию образцов «инстант-культуры» как поверхностной ситуативности (Зубок, Яковук, 2008). Быстрая

коммуникация становится в один ряд с фаст-фудом и быстрым сексом, отражая отсутствие времени на отложенное вознаграждение. Отсутствие глубоких чувств и привязанностей становится формой рационального восприятия ускорения изменчивости и продуцирует дегуманизацию коммуникативных интеракций, снижение ценности переживаний и понимания, прочных социальных отношений. В коммуникативной компетентности виртуальной реальности это проявляется в эмоциональной автономности и сниженной эмпатии, неустойчивости обратной связи и поверхностных контактах при их растущей скорости и мгновенности. Таким образом, виртуальная социальная реальность, с одной стороны, обладает чертами деструкции, определяя подвижность норм и ценностей в коммуникативной компетентности личности. С другой – активное формирование новых множественных норм, обладающих непродолжительным сроком валидности. Этот процесс протекает на фоне общей тенденции «нормализации аномии» (Кравченко, 2014).

Попытка взглянуть на ведущие современные социологические концепции с позиции выявления особенностей взаимодействия в виртуальном пространстве выразилась в следующих его характеристиках:

- *интериоризация изменчивости как имманентной составляющей нелинейной социального пространства;*
- *ценностно-нормативные изменения;*
- *саморегуляция индивидуальных темпоритмов личности в сетевых интеракциях;*
- *навыки быстрого освоения постоянно совершенствующихся коммуникативных технологий;*
- *повышенная гибкость и мобильность в коммуникации;*
- *автономность, сниженная эмпатия, необязательность обратной связи, ценностные ориентации на поверхност-*

ные контакты, радикально изменяющие представления о социальности в прежнем виде;

- *тенденция к созданию субъективных критериев отношения и поведения как проявление саморегуляции в условиях риска;*

- *«сетевая жаргонизация» как коммуникативное умение, характеризующее коммуникативную компетентность в виртуальности;*

- *появление иного механизма формирования коммуникативной компетентности – с принятия институционального образца поведения на самоконструирование своего жизненного пространства, своей субъективной реальности.*

Заключение (Conclusions). Итак, в коммуникативной компетентности личности решающую роль играет способность личности сохранять свою социальность посредством подвижных ценностей и конструирования гибкой, индивидуальной социокультурной нормы коммуникации на основе следующих принципов: 1) интериоризации изменчивости как имманентной характеристики пространства коммуникативной реальности; 2) опознавания и типизации ожиданий акторов; 3) рационализации собственных ожиданий и действий с учетом изменяющихся норм и ожиданий других; 4) рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; 5) выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; 6) самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима (Чанкова, 2018).

В коммуникативном пространстве виртуальной реальности названные особенности коммуникативной компетентности конкретизируются в следующих формах: в изменении самого механизма формирования коммуникативной компетентности, в котором происходит смещение от принятия институционального образца к конструированию новых или переосмыслению прежних образцов;

подвижность норм и практик интерактивного взаимодействия; рефлексивная саморегуляция индивидуальных интеракций на основе субъектной валидации и выбора режимов интеракции. В саморегуляции коммуникативных интеракций преобладает рационализация, выражаемая в гибкости и мобильности коммуникации, ускорении и установке на поверхностные контакты, необязательность как отражение сиюминутности, эмоциональная автономность, снижение эмпатии и «сетевая жаргонизация». В разных сферах жизнедеятельности выделенные признаки проявляются по-своему.

Список литературы

- Ахапкина Я. Э., Рахилина Е. В. Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. 326 с.
- Базаров Т. Ю. Компетенции будущего: Квалификация. Компетентность. (критерии качества). URL: https://www.lecture_06.html (дата обращения: 14.11.2019).
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Бурдые П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Социология политики. Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.
- Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Изд-во Лань, 1999. 480 с.
- Дридзе Т. М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. С. 58-78.
- Жуков Ю. М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003. 223 с.
- Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос» (дата обращения: 14.11.2019).
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41-57.

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt. (дата обращения: 14.11.2019).

Ильин В. И. Всемирный конгресс социологов: лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2014. № 3. С. 12-14.

Колозарди П. Как интернет и социальные сети меняются вместе с пользователем // Спецпроект IQ. HSE.RU «Социальные сети. Что нового соцсети позволяют узнать о человеке и обществе. URL: www.iq.hse.ru/networks/ (дата обращения: 31.08.2019).

Кравченко С. А. Социология риска и безопасности. М.: Изд-во Юрайт. 2016. 302 с.

Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.

Ладов А. В. VR-ФИЛОСОФИЯ (философские проблемы виртуальной реальности). Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 62 с.

Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновский. М.: «Логос», 2004. 232 с.

Люблинский В. В. Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 26-29.

Макаревич Э. Ф. Коммуникационное влияние на современные социальные изменения // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 5-16.

Митина Л. М. Психология профессионального развития. М., 1998.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.

Словарь психологических терминов. М.: Наука, 2010. 241 с.

Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественный научный фонд / Рук. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3-13.

Хабермас Ю. Моральное сознание и

коммуникативное действие. Пер. с нем.; под ред. Д. В. Складава. СПб.: Наука, 2010. 382 с.

Цыганков Б. Д., Мальнин Р. Р., Егоров А. Ю., Хвостиков Г. С. Нехимические аддикции: патологическая игровая зависимость, Интернет-зависимость, зависимость от компьютерных игр // Вопросы наркологии. 2007. № 4. С. 18-38.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 382 с.

Шарков Ф. И. Коммуникология. Основы теории коммуникации. М.: Из-во Дашков и К^о, 2013.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль; Под ред. В. И. Добренькова. М.: МГУ, 1994. 496 с.

Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. Pp. 14-15.

Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.

Boswell W. R., Olson-Buchanan J.-B. The Use of Communication Technologies After Hours: The Role of Work Attitudes and Work- Life Conflict // Journal of Management. 2007. Vol. 33, № 4. Pp. 592-608.

Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 406 p.

Elliot A., Urry J. Mobile Lives. London: Routledge, 2010.

Giddens A. Europe In The Global Age. Cambridge: Polity, 2007.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. USA: University of Maryland Sage, 2013.

Tufekci Z. Facebook, Youth and Privacy in Networked Publics // Proceedings of the Sixth International AAA Conference on Weblogs and social Media. 2012, Pp. 338-345.

References

Akhapkina, Ya. E., Rakhilina, E. V. (2014), *Contemporary Russian language in the Internet*, Yaziki slavyanskoy kulturi, Moscow, Russia. (In Russian).

Bazarov, T. Y. *Competences of the future: Qualification. Competence. (quality criterion)* [Online], available at: <https://www.системе>

lecture_06.html (Assessed 14 November 2019). (In Russian).

Berger, P. and Luckmann, T., (1995), *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*, Translated by Rutkevich, E. Medium, Moscow, Russia. (In Russian).

Bourdieu, P. (1993), *Physical and social spaces: penetration and appropriation (Sociology of politic)*, Translated by Shmatko, N., Socio-Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilkova, V. V. (1999), *Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization*, Lan, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Dridze, T. M. (1999), "Sociocultural communication: text and dialogue in semiosocial psychology", in *Socio-cultural space of dialogue*, Nauka, Moscow, Russia, 58-78. (In Russian).

Zhukov, Yu. M. (2003), *Communication training*, Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian).

Zimnjaya, I. A. "Core competence – a new paradigm of modern society" [online], available at: Internet-journal Eidos (Assessed 01 November 2019). (In Russian).

Zubok, Y. A. and Chuprova, V. I. (2017), "Changing social reality in a crisis-ridden Russian society", *Economic and social changing: facts, trends, forecast*, 10 (1), 41-57. (In Russian).

Zubok, Y. A. and Yakovuk, T. I. (2008), *The spiritual life of youth in a transforming society*, Alternativa, Brest, Belarus. (In Russian).

Ivanov, D. V. (2000), *Society Virtualization* [online], available at: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt. (Assessed 14 November 2019). (In Russian).

Ilyin, V. I. (2014), "International sociological congress: face to face with social inequality", *Journal of sociology and social anthropology*, (3), 12-14. (In Russian).

Kolozaridi, P. (2017), *How the Internet and social networks are changing with the user*, Special project IQ, HSE.RU Social Networks, What new social networks allow you to learn about a person and society [online], available at: www.iq.hse.ru/networks/, (Assessed 31 August 2019). (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2016), *Sociology of risk and safety*, Yurajt, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2014), "'Normal anomie': the contours of the concept", *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 3-10. (In Russian).

Ladov, A. V. (2004), *VR-FILOSOFY (filosofical problems of virtual reality)*, TSU,

Tomsk, Russia. (In Russian).

Luman, N. (2004), *Society as a social sistem*, Translated by Antonovskiy, N., Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Lyublinskiy, V. V. (2019), "Social policy in conditions of development network community", *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10 (3), 26-29. (In Russian).

Makarevich, E. F. (2015), "Communicative influence on today's social processes", *Scientific works of Moscow Humanitarian University*, (5), 5-16. (In Russian).

Mitina, L. M. (1998), *Psychology of professional development*, Moscow, Russia. (In Russian).

Raven, J. (1984), *Competence in modern society*, Translated from English, Moscow, Russia. (In Russian).

Dictionary of psychological terms (2010), Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Sociological Encyclopedia (2003), National public science foundation, Misl, Moscow, Russia. (In Russian).

Urri, J. (2013), "Mobility and proximity", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 3-13. (In Russian).

Habermas, J. (2010), *Moral consciousness and communicative action*, Translated from German, in Skladov, D. (ed.), Nauka, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Tsigankov, B. D., Malnin, R. R., Egorov, A. Yu. and Hvoshtikov, G. S. (2007), "Non-chemical addictions: pathological gambling addiction, Internet addiction, addiction to computer games", *Addiction issues*, (4), 18-38. (In Russian).

Chankova, E. V. (2018), "Communicative competence of the personality in the conditions of changing social reality", D.Sc. Thesis, Institute of Social and Political Researchs of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian).

Sharkov, F. I. (2013), *Communicology. Basis of the theory of communication*, Dashkov&K^o, Moscow, Russia. (In Russian).

Shuts, A. (1994), "The formation of concepts and theory in the social sciences", in *American sociological thought*, Moscow, 485-496. (In Russian).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2013), *Moral Blindness The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*, Polity Press, Cambridge, UK.

Bauman, Z. (1998), *Globalization: The Human Consequences*, Columbia University Press, New York, USA.

Boswell, W. R. and Donskis, L. (2013), "The Use of Communication Technologies After Hours: The role of Work Attitudes and Work-life conflict", *Journal of Management*, 33 (4), 592-608.

Castells, M. (2010), *The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Wiley Blackwell, Oxford, UK.

Elliot, A. and Urry, J. (2010), *Mobile Lives*, Routledge, London-New York.

Giddens, A. (2007), *Europe In The Global Age*, Polity, Cambridge, UK.

Ritzer, G. (2013), *The Mcdonaldization of Society*, University of Maryland Sage, USA.

Tufekci, Z. (2012), "Youth and Privacy in Networked Publics", *Proceedings of the Sixth International AAA Conference on Weblogs and social Media*, California, USA, 4-7 June 2012, 338-345.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зубок Юлия Альбертовна, заведующая Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук, профессор.

Чанкова Елена Вадимовна, научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук, доцент.

Yuliya Al. Zubok, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor.

Elena V. Chankova, Researcher, Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Associate Professor.

УДК 316.444.051.63

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13

Ковин Е.А.
Лысенко О.В.

Теория поколений в контексте социологии управления

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
ул. Сибирская, 24, г. Пермь, 614990, Россия

kovin-egor@mail.ru

lysenko_ov@pspu.ru

ORCID iD: 0000-0003-1952-6320

ORCID iD: 0000-0003-2605-9126

*Статья поступила 28 мая 2019 г.; принята 11 октября
опубликована 30 декабря*

Аннотация. На сегодняшний день многие организации сталкиваются с проблемой различия в отношении сотрудников разных поколений к работе, управлению, лидерству, организационной политике. Знание теории поколений позволит выделить сильные стороны каждого поколения, а также правильно проводить мероприятия по подбору, адаптации, мотивации и сохранению персонала в организации. Следовательно, данная исследовательская работа может способствовать применению более взвешенного и обоснованного подхода к управлению персоналом. В данной статье ставится под сомнение релевантность современной «теории поколений XYZ», основанной американскими писателями В. Штраусом и Н. Хоувом. Приводится деконструкция теории данных авторов, и подвергается анализу их совместная книга «Поколения». В статье также рассматриваются по-настоящему научные подходы к теме поколений таких авторов как Карл Маннгейм, Маргарет Мид, Шмуэль Эйзенштадт. Помимо анализа за рубежом авторов, представлено российское научное мнение по данному вопросу. Главные выводы статьи заключаются в том, что (1) помимо научно-популярной теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува, есть и научная традиция изучения поколений, (2) традиция рассмотрения поколений, обозначает поколение как социальное явление, (3) с одной стороны следует отказаться от предположения, что неким мистическим образом люди одного поколения мыслят одинаково, с другой стороны, столь же несостоятельны и позитивистские трактовки, делающие поколение реальной социальной группой только на основании схожих дат рождения. В конце статьи обозначаются главные проблемы, которые стоят перед современной теорией поколений на данный момент.

Ключевые слова: теория поколений; поколения XYZ; научный подход к теории поколений; проблемы современной теории поколений.

Информация для цитирования: Ковин Е. А., Лысенко О. В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 151-162. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13

Egor An. Kovin
Oleg V. Lysenko

The theory of generations in the context of sociology of management

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24 Sibirskaya St., Perm, 614990, Russia
kovin-egor@mail.ru
lysenko_ov@pspu.ru
ORCID iD: 0000-0003-1952-6320
ORCID iD: 0000-0003-1952-6320

Received May 28, 2019; accepted October 11, 2019
published December 30, 2019

Abstract. Today, many organizations face the problem of differences in the attitude of employees of different generations to work, management, leadership, and organizational policies. Knowledge of the theory of generations will allow to highlight the strengths of each generation, as well as properly conduct measures for the selection, adaptation, motivation and retention of personnel in the organization. Consequently, this research work may contribute to a more balanced and reasonable approach to personnel management. In this article, the relevance of the modern «XYZ generation theory», founded by American writers V. Strauss and N. Howe, is being questioned. Deconstruction of the theory of these authors is given, and their joint book «Generations» is analyzed. The article also discusses truly scientific approaches to the topic of generations of authors such as Karl Mannheim, Margaret Mead, and Shmuel Eisenstadt. In addition to the analysis of foreign authors, the authors present the Russian scientific opinion on this issue. The main conclusions of the article are: (1) besides the popular science theory of the generations of V. Strauss and N. Howe, there is also a scientific tradition of studying generations, (2) the tradition of considering generations defines generation as a social phenomenon, (3) on the one hand, it is necessary to abandon the assumption that in some mystical way people of one generation think the same way, on the other hand, positivist interpretations are equally untenable, making the generation a real social group only on the basis of similar dates of birth. At the end of the article, the main problems that confront modern generational theory, today, are indicated.

Keywords: theory of generation; XYZ generation; scientific approach to the theory of generations; problems of the modern generation theory.

Information for citation: Kovin E. An., Lysenko O.V. (2019), “The theory of generations in the context of sociology of management”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 151-162. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-13

Введение (Introduction). На сегодняшний день многие организации сталкиваются с проблемой различия в отношении сотрудников разных поколений к работе, управлению, лидерству, организационной политике. В связи с этим, в научно-

популярных и публицистических текстах мы все чаще сталкиваемся с использованием таких терминов как: «теория поколений», «поколение X», «поколение Y», «поколение Z», «межпоколенческий конфликт». Более того, российские специали-

сты по работе с персоналом, рекламой, маркетингом активно изучают данную тему, и зачастую на основе теории поколений принимаются те или иные управленческие решения. Теория поколения в практике используется как понятное всем явление, хотя на самом деле, с точки зрения теоритического анализа, не так все очевидно. Данный термин, придя из западной литературы, стал общеупотребимым в России, границы его размылись и на данный момент, остается открытым вопрос: правильно ли мы понимаем, что же такое «теория поколений»?

Знание теории поколений позволит выделить сильные стороны каждого поколения, а также правильно проводить мероприятия по подбору, адаптации, мотивации и сохранению персонала в организации. Следовательно, данная исследовательская работа может способствовать применению более взвешенного и обоснованного подхода к управлению персоналом. Таким образом, целью работы является научная адаптация и верификация существующих теорий поколений в поле социологии управления.

Для достижения данной цели необходимо: во-первых, рассмотреть теоретические основы теории поколений с точки зрения управления, во-вторых, выявить и эмпирически обосновать разницу в отношении к труду, карьере, управлению, лидерству, организационной политике представителей разных поколений, работающих на современных предприятиях, в-третьих, разработать рекомендации по работе с представителями разных поколений в ходе трудового процесса.

Методология и методы (Methodology and methods). На сегодняшний день широкое распространение в научно-популярном и публицистическом изложении получила «теория поколений XYZ». Авторы данной теории Вильям Штраус и Нил Хоув впервые опубликовали данную теорию в своей совместной книге «Поколения» в 1991 году. Начиная с этого года, данных авторов принято считать основате-

лями и идейными вдохновителями «теории поколений». Википедия сообщает, что Эрик Гувер, один из лучших экспертов Америки по поступлению в колледж, признал В. Штрауса и Н. Хоува пионерами в области исследования теории поколений (Hoover, 2009). Также известный писатель Майкл Линд, высказал свое мнение о книге «Поколения» в газете «Нью-Йорк таймс» (Lind, 1997). Американский политический активист Стив Бенон настолько вдохновился вышеупомянутой книгой, что на ее основе снял документальный фильм «Поколение 0». Более того, ссылки на теорию В. Штрауса и Н. Хоува можно встретить практически в любой научной работе, посвященной теме поколений.

В России на основе теории поколений вышеуказанных авторов существует проект «RuGenerations – российская школа Теории поколений»¹. Кроме того, многие крупные фирмы, такие как «Вымпелком» и «Уральский банк реконструкции и развития», проводят активные исследования по данной теме. Самым масштабным из них является исследование, проведенное «Сбербанком» совместно с маркетинговой компанией «Validata», где была предпринята попытка изучить «поколение Z» и было выявлено 30 фактов о современной молодежи².

Можно сделать вывод, что сегодня «теория поколений XYZ», авторами которой принято считать В. Штрауса и Н. Хоува, обрела большую популярность как в академических, так и в бизнес кругах. Более того, на основе данной теории в крупных фирмах уже начинают приниматься управленческие решения.

Для дальнейшего изучения теории поколения, необходимо разобраться кто же такие, самые известные и цитируемые авторы в данной теме – Вильям Штраус и Нил Хоув.

¹Российская школа Теории поколений – RuGenerations, 2012 г. URL: <https://rugerations.su/> (дата обращения: 13.02.2019).

²«30 фактов о современной молодежи» – Сбербанк, 2016 г. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 10.02.2019).

Вильям Штраус родился 5 декабря 1947 года в Чикаго, умер 18 декабря 2007 года, в возрасте шестидесяти лет. Закончил Гарвардский университет, известен как со-основатель и директор американской политической сатирической группы «Капитолийские шаги», которая выступала с 1981 года. Также был сооснователем международной программы обмена учебным опытом для студентов и подростков театральной и журналистской школ, занимающихся драматургией «Кэппи»³.

Нил Хоув родился 21 октября 1951 года в Калифорнии, закончил Йельский университет. В настоящее время известен как управляющий директор по демографии в инвестиционной исследовательской фирме в «Хеджей» (Hedgeye), президент консалтинговой компании «Сакилиум» (Saeculum Research and LifeCourse Associates), старший сотрудник по глобальному старению в аналитическом центре «Центр стратегических и международных исследований» и старший исследователь в политической пропагандистской группе Соединенных Штатов «Конкордная коалиция»⁴. Как автор, также наиболее известен совместной работой с В.Штраусом над теорией поколений.

Таким образом, получается, что наиболее известные авторы теории поколений не являются академическими учеными. Тем не менее, данный факт не помешал им написать следующие книги: «Поколения» (1991), «13-ое поколение» (1993), «Четвертое превращение» (1997), «Восстание миллениалов» (2000), «Миллениалы идут в колледж» (2003 и 2007), «Миллениалы и культура поп-музыки» (2005) и еще ряд произведений, которые были написаны как совместно, так и по отдельности. Необходимо акцентировать внимание на самой известной и цитируе-

мой книге, с которой все и началось – «Поколения».

Данная книга имеет полное название «Поколения: история американского будущего 1584-2069» и состоит из трех смысловых блоков. Вначале первого блока «Цикл» В. Штраус и Н. Хоув цитируют книгу «Возрастные кризисы», написанную в 1976 году американской писательницей Гейлой Шихи: жизненный цикл человека состоит из таких стадий как – брак (около 21 года), первый развод (в 28-30 лет), возраст, когда мы проводим своего последнего ребенка в детский сад (около 35 лет), кризис среднего возраста (38-42 года), возраст, в котором после фундаментальных изменений в своей жизни человек чувствует «смягчение и тепло» (старше 42 лет) (Sheehy, 1976). Далее авторы книги «Поколения» приводят еще несколько мнений о стадиях жизненного цикла: американский психолог Дэниель Левинсон отмечает шесть стадий жизненного цикла, которые схожи с циклами Г.Шихи, лишь с одним условием, что молодой мужчина стоит перед выбором – жениться на молодой девушке (сверстнице) или на более старшей, которая будет ему наставником (Levinson, 1978); американско-немецкий психолог Эрик Эрикссон писал, что к тридцати годам у человека окончательно сложились социальные, экономические и семейные составляющие в жизни (Erikson, 1950); американский писатель и историк Малькольм Коули отмечал, что стадия взрослой жизни характеризуется не романтичностью, непрочно-стью и постоянными кутежами (Leonard, 1993); американская писательница Эллен Лагеман считала, что женщины около тридцати лет не должны выходить замуж, а в комфортных условиях достигать своих целей (Lagemann, 1979).

Всех этих авторов В. Штраус и Н. Хоув критикуют за «ошибку когортоцентризма» (fallacy of cohort-centrism – понятие, которое ввела Матильда Вайт Райли), то есть за интерпретацию истории поколений с точки зрения собственного социального опыта. В. Штраус и Н. Хоув гово-

³Wikipedia (2010), “William Strauss”, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/William_Strauss, (Accessed 18 February 2019).

⁴Wikipedia (2010), “Neil Howe”, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Neil_Howe, (Accessed 18 February 2019).

рят, что нужно смотреть на мир не своего поколения, а попробовать посмотреть на мир глазами разных поколений. Впрочем, они сами регулярно впадают в эту ошибку вслед за критикуемыми авторами. Так, например, отбросив все сложности, они разделяют структуру жизненного цикла людей каждого из существовавших в истории обществ на четыре фазы: молодежь (от 0 до 21 года), взрослая жизнь (от 23 до 43 лет), средний возраст (от 44 до 65 лет), старость (от 66 до 87 лет) (Howe, Strauss, 1993: 57). Но очевидно, что представления о возрасте являются социальными конструктами, меняющими содержание на протяжении истории. Так, Средневековье, по мнению Филиппа Арьеса, вообще не знало, что такое юность, а дети с ранних лет вели себя, подражая во всем взрослым (Арьес, 1999). В 1923 году В. В. Маяковский написал стихотворение «Кем быть» и начал его с таких строчек: «У меня растут года, будет и семнадцать. Где работать мне тогда, чем заниматься?». То есть, к 17 годам, по представлениям начала XX века человек должен уже найти стать взрослым и приступить к работе. А на сегодняшний день в западных странах границы молодежи увеличиваются и достигают 27-28 лет. Возрастные когорты, которые выделили В. Штраус и Н. Хоув, соответствуют скорее нормам второй половины XX века, но никак не современным реалиям.

Тут же рассматриваемые нами авторы вводит понятие «поколение» (a generation), под которым понимается люди, родившиеся в течение 16-29 лет (Howe, Strauss, 1993: 60). Длина поколений основывается не на средней разнице возрастов родителей и детей, а на фазе жизненного цикла, который в свою очередь определяется центральными социальными ролями. В. Штраус и Н. Хоув так расписывают роли, соответствующие фазам жизненного цикла:

1. Старость (возраст 66-87 лет) – центральная роль заключается в управлении (надзор, наставничество, передача знаний).

2. Средний возраст (44-67 лет) – центральная роль заключается в лидерстве (воспитание, обучение, руководство институтами общества, использование ценностей).

3. Взрослая жизнь (22-43 года) – центральная роль заключается в активной деятельности (работа, создание семьи, заработок средств для существования, обслуживание институтов общества, тестирование ценностей).

4. Молодежь (0-21 год) – центральная роль заключается в зависимости (рост, обучение, принятие защиты и воспитания, избегание вреда, приобретение ценностей) (Howe, Strauss, 1993: 62).

Для идентификации поколения и нахождения его границы вводиться понятие «личность сверстников» (a peer personality), некий обобщенный образ, в котором собраны три признака: (1) общий возраст; (2) общие убеждения и поведение; (3) воспринимаемое членство в общем поколении (Howe, Strauss, 1993: 64). Для того чтобы понять, что влияет на направление эволюции истории человечества, вводиться понятие «социальный момент» (a social moment) – период, продолжающийся около 10 лет, когда люди переживают исторические события, кардинально меняющие их социальную среду. «Социальные моменты» могут быть «безопасными» (когда изменяются общественные институты, но не затрагиваются основы мировоззрения), и проблемными (характеризующимися «духовными проблемами»), когда общество фокусируется на изменении внутреннего мира и частного поведения. «Социальные моменты» и определяют черты, объединяющие представителей каждого из поколений, делая их, в зависимости от исторического контекста, «доминантными» или «рецессивными», «художниками», «героями», «странниками» или «пророками» и т.д. В рамках данной статьи мы не будем подробно разбираться в достаточно сложной и запутанной циклической схеме смены поколения этих авторов.

Во втором блоке «Циклы Америки»,

В. Штраус и Н. Хоув применяют на практике разработанную ими теорию на примере американской истории с 1584 по 2003 год. Так, за этот период они выделили 5 циклов: колониальный (colonial) 1615-1723 гг., революционный (revolutionary) 1724-1821 гг., гражданской войны (civil war) 1822-1882 гг., «великой силы» (great power) 1883-1960 гг., миллениальная эпоха (millennial era) 1961 г. и 18 поколений. Авторы разобрали каждое конкретное поколение и выделили такие аспекты как: тип поколения, численность всех членов, процент иммигрантов, наиболее известные личности, лидеры страны и многие другие показатели.

Третий смысловой блок «Будущее» посвящен определению эр, созвездий и настроений каждого поколения в истории Америки.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Проанализировав книгу «Поколения», можно сделать вывод, что В. Штраус и Н. Хоув разработали теорию поколений, чтобы доступным языком рассказать своим читателям социальную историю Америки начиная с 1584 года. То есть, В. Штраус и Н. Хоув объяснили историю прошлого в конкретно взятой стране научно-популярным языком, который понятен широкому кругу людей.

С научной же точки зрения, наиболее ценная идея о том, что условия жизни влияют на формирование поколений, не была проработана в теории вышеуказанных авторов, и, по сути, является лишь гипотезой, которая ничем не обоснована. Это подтверждает известный американский журналист Эндрю Леонард, в своем обзоре на уже вторую книгу В. Штрауса и Н. Хоува «13-ое поколение»: авторы не перестают издеваться над своим собственным поколением – представляя карикатурный образ бэйби-бумеров, как длинноволосых хиппи-гедонистов (Leonard, 1993). Но являлись ли все бэйби-бумеры представителями хиппи? Ответ очевиден. Более того, теория В. Штрауса и Н. Хоува не объясня-

ет даже их собственное поведение, так как они тоже являются бэйби-бумерами. Таким образом, можно сделать вывод, что В. Штраус и Н. Хоув В. совершают ошибку реализма. То есть они искусственно выделяют группу людей, исходя из их времени рождения, и приписывают ей реальное существование. Представляя образ бэйби-бумеров, данные авторы берут маленькую часть из всего поколения и расширяют их образ на всех остальных. То же самое сейчас делает и «Сбербанк», который в своем исследовании, анализируя какую-то часть молодежи, выделяет 30 черт, которые свойственны всем молодым людям.

Можно привести ряд критических высказываний и на книгу «Поколения»: так Мартин Келлер, профессор истории в Брандейском университете, отметил, что авторы выполнили «домашнее задание» и их теорию можно рассматривать только в качестве поп-социологии (Piccoli, 1991). Гарвардский социолог Дэвид Рисмен заявляет, что книга является впечатляющим набором множества отрывков из теорий и исторических трудов. Журнал Publishers Weekly сравнивает точность книги «Поколения» с городским гороскопом.

Однако многие российские современные компании относятся к «теории поколений XYZ» В. Штрауса и Н. Хоува со всей серьезностью и воспринимают данную теорию как готовую инструкцию по применению для менеджеров по управлению человеческими ресурсами и маркетологов. Сам термин «поколение», который известен еще с древних времен, активно использовался демографами и социологами еще в XIX веке (смотрите в следующем разделе). А понятие «поколение X» первоначально вводит совсем не В. Штраус и Н. Хоув, как это принято считать, а британская исследовательница Джей Деверсон, изучавшая молодежь в Великобритании в 1960-х гг. Один из популярных женских журналов того времени «Womans own» поручил Д. Деверсон проинтервьюировать подрастающее поколение. Была проведена серия интервью, которая обна-

ружила тип подростков, «спящих друг с другом до свадьбы, не верящих в Бога, не любящих королеву и не уважающих своих родителей и не меняющих фамилию при выходе замуж» (Deverson, Hamblett, 1965). Редакция журнала «Womans own» приняло решение не опубликовывать результаты проведенного исследования, так как это новое явление не соответствовало интересам издания. Однако Д. Деверсон продолжила свое исследование вместе с голливудским корреспондентом Чарльзом Хамблеттом, и в 1965 году они выпустили совместную книгу под названием «Поколение X». Дальнейшее распространение данного термина продолжил канадский писатель Дуглас Коупланд в своем романе «Поколение X: Сказки для ускоренного времени» в 1991 году.

Таким образом, теория В. Штрауса и Н. Хоува является лишь облегченной и популярной версией настоящих научных теорий поколений, существующих достаточно давно. Чтобы не повторить опыт российских компаний, необходимо разобраться, что из себя представляет научная теория поколений.

Впервые понятие «поколение», отличное от понятий «родители» и «дети» в родовом древе, по мнению Д. В. Лезгиной, вводит Геродот. Во введении к своему основному труду «История греко-персидских войн», он определяет историю как процесс смены поколений, причем три поколения составляют столетие. Понятие «поколение» тем самым начинает означать уже не родственность по общему предку, а единицу ритма истории и локальные «места» исторических событий (Лезгина, 2004).

По-настоящему первую в истории развернутую социологическую версию теорию поколений разработал Карл Маннгейм. В 1928 году выходит его эссе «Проблема поколений», которое по сей день является важнейшим исследованием в этой области. В ней К. Маннгейм объединяет существовавшие до него позитивистский подход, трактующий поколения как номинальную группу (разрабатываемый демо-

графами), и романтически-исторический подход, (разрабатываемый чаще философами), предпочитавший говорить о поколениях, как некой духовной общности. Сам Маннгейм определяет поколение как группу людей одинакового возраста, испытавшие примечательные исторические события в течение определенного промежутка времени. Согласно К. Маннгейму, старшие поколения формируют социальный контекст, в котором действует новое поколение – «делает свежий контакт». Также он дает определение понятия «смена поколений» как универсального процесса, который основан на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие которого:

1. «В культурном процессе появляются новые участники»;
2. «Старые участники этого процесса постепенно исчезают»;
3. «Члены любого данного поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса»;
4. «Переход от поколения к поколению есть последовательный процесс» (Mannheim, 1952: 280).

Также К. Маннгейм вводит три самостоятельных понятия:

1. Поколенное положение («Generationslagerung») – поколенный статус, который занимают люди определенного возраста в обществе, то есть их потенциальные возможности (Mannheim, 1952: 289). Как правило, старшее поколение имеет высокий поколенный статус и получает возможность формировать социальный контекст, в котором действует новое поколение. В результате взаимодействия старшего и младшего поколения, которое выражается в воспитании, обучении, покровительстве происходит поколенная взаимосвязь.

2. Поколенная взаимосвязь («Generationszusammenhang») – актуальное поколение, ассоциация, которая основана на сходстве жизненных проблем и интересов, вытекающих из одинаковости положения. Манн-

гейм объясняет, каким образом во время смены поколений меняется общество. В ходе поколенной взаимосвязи, новое поколение слегка изменяет социальный контекст, выбирая или исключая какие-либо компоненты (Mannheim, 1952: 292). Таким образом, в каждый исторический момент, по мнению Маннгейма, старшее поколение обеспечивает преемственность, а младшее получает возможность для изменения. В результате, мы получаем с одной стороны плавный эволюционный процесс, так как социальная связь между поколениями никогда не прерывается, с другой стороны каждое новое поколение может привнести в этот процесс что-то свое, в зависимости от своего уникального опыта, чем и обеспечивается поколенческое единство (Mannheim, 1952: 400).

3. Поколенное единство («Generationseinheit»), которое предполагает осознание своей поколенной общности и выработку соответствующего самосознания, а также общих идеалов и видов деятельности. К. Маннгейм определяет поздний подростковый возраст как ключевой период для формирования социальных и политических взглядов (Mannheim, 1952: 280). Если в жизни группы людей происходит примерно одно событие в тот же период позднего подросткового возраста, они, скорее всего, приобретут коллективное сознание. Это означает, что это поколение сгруппировано на основе их опыта крупного события, которое повлияло на их мысли и чувства. Таким образом, поколение формирует определенную социальную идентичность, которая является результатом общего опыта и влияет на личность человека.

К. Маннгейм отмечает также, что социальные изменения могут происходить постепенно, без крупных исторических потрясений, но эти события более вероятны в периоды ускоренных социальных и культурных изменений. Члены поколения подвергаются внутреннему расслоению (по месту их расположения, культуре, классу и т.д.). Поэтому они могут рассматривать разные события под разными углами и,

следовательно, не являются полностью гомогенными (Mannheim, 1952: 298).

Таким образом, К. Маннгейм выделил поколение как самостоятельный феномен. С помощью теории поколения Маннгейм объясняет причины и механизмы социального обновления. Для данного автора смена поколений это естественный процесс, который объясняет, как меняется общество. Однако взгляды Маннгейма во многом не соответствовали господствующей в 1930-1940-е годы точки зрения позитивизма в социологии, а потому особого распространения не получили. Теория Карла Маннгейма описывает мирный плавный эволюционный прогресс, где одно поколение сменяет другое, старшее поколение передает опыт, обеспечивая преемственность, каждое поколение похоже на своих отцов, но в тоже время привносит и что-то свое. Талкотт Парсонс был во всем согласен с Маннгеймом, кроме того, что молодежь для Парсонса была очагом девиации, но он отмечал, что в процессе социализации представители молодежи становятся нормальными членами общества.

Если мы посмотрим на теории поколений конца XIX и начала XX веков, то мы увидим, что тема поколений не является мейнстримом тогдашней социальной мысли, потому что конфликт поколений тогда еще не успел образоваться. Первый момент, когда конфликт поколений стал широко обсуждаемым, а не просто представлял собой ворчания стариков на молодежь, произошел в первой половине XX века, когда начали образовываться революционные движения и массовые партии, где молодежь играла основную роль. После Второй мировой войны западный мир столкнулся с новым явлением с новым явлением, а именно с появлением молодежных субкультур. По мере того как в XX веке молодежь в рамках массового общества становится самостоятельной движущей силой, у многочисленных авторов возникает интерес к теории поколений и они начинают активно изучать данное явление.

С 1968 года возникла потребность

объяснить не то, как одно поколение плавно меняет другое, а то, почему новое поколение 1960-х годов отказалось унаследовать отцам, и почему поколенческая взаимосвязь в данном случае не получилась. Ответ на этот вопрос попыталась дать Маргарет Мид.

М. Мид, будучи антропологом и используя накопленный этнографический материал, выстроила собственную концепцию культурно-исторического процесса, в котором взаимодействуют поколения, исходя из доминирующих в обществе механизмов трансляции знаний. Согласно американской исследовательнице отношения между поколениями, определяются принадлежностью общества к одному из трех типов культур:

(1) постфигуративная культура, где существенную роль играет передача культурного наследия от старшего поколения к младшему; в таких традиционных обществах дети знают столько же, сколько знают отцы и унаследуют все знания данные отцам (Гурова, 2000: 32-34).

(2) кофигуративная культура (индустриальное общество), где опыта старших поколений уже не хватает для принятия верного решения, и молодежь больше ориентируется на сверстников и на их одобрение. В обществе, основанном на кофигуративной культуре, активно формируются юношеские и молодежные группы, сильна молодежная солидарность, возможны конфликты между поколениями. Здесь родители не могут научить своих детей всему, что им требуется в жизни (Гурова, 2000: 45-46).

(3) префигуративная культура, где темп социальных, экономических и технологических изменений очень существенен, а принимать правильные решения, чтобы выстроить успешную жизнь, опираясь только на опыт старших поколений, уже невозможно. По словам М. Мид: «Еще совсем недавно старшие могли говорить: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был мо-

лодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь» (Гурова, 2000: 67-68). Здесь для молодежи источником знаний становятся не только старшие поколения, но и сверстники, СМИ, а конфликт поколений и молодежный политический экстремизм становится нормой.

По мнению М. Мид, поколение бунтарей 1960-х годов принадлежало именно к третьему типу культуры, и соответственно молодежь была префигуративной. Именно поэтому поколенческая связь прерывается.

Шмуэль Ной Эйзенштадт разделяет возрастные группы на гетерогенные (семья) и гомогенные (сверстники). По словам исследователя: «Гомогенные возрастные группы склонны образовываться в тех обществах, в которых семейство или родовой союз не в состоянии гарантировать достижение полного социального статуса его членами или даже препятствуют этому» (Добренков, 2006). Таким образом, в традиционном и раннеиндустриальном обществах семья передавала свой социальный статус своим детям, то есть дети дворян всегда были дворянами, а дети крестьян – крестьянами (иначе говоря, дети богатых всегда были богатые, дети бедных – бедные).

Но в 1960-е годы происходит переломный момент, когда развитие общества ускоряется, мобильность увеличивается и семейного капитала оказывается недостаточно, чтобы стать полноправным членом общества (достичь полный социальный статус), поэтому молодежь вынуждена изобретать свою собственную культуру и конкурировать как со своим, так и со старшим поколением. Именно поэтому, по мнению, Ш. Н. Эйзенштадта и появляются молодежные бунты.

В СССР, в социальных науках долгое время господствовала теория поколений, копировавшая западные страны. Еще до революции статистик и историк А. П. Рославский-Петровский подходит к поколению сугубо демографически: делит все население на подрастающее поколение (до 15 лет, до трудовой возраст), цветущее по-

коление (от 16 до 60 лет, трудовой возраст) и увядающее поколение (старше 60 лет, пенсионеры). При этом данный подход не решает никакой научной задачи, а преследуется лишь цель учета и наименования.

Советский демограф Б.Ц. Урланис следует идеям А. П. Рославского-Петровского, по сути, делает тоже самое – делит все население на три поколения: до рабочего возраста (до 15 лет), рабочего возраста (от 16 до 59 лет) и после рабочего возраста (старше 60 лет). Советский философ Г. Л. Смирнов выделяет поколения своих современников по их пережитому опыту (Октябрьская социалистическая революция, первые пятилетки строительства основ коммунизма, Великая Отечественная Война, освоение целинных земель и космоса). Данная теория поколений также не несет никакой научной значимости и новизны.

Первым кто подробно пересказал западные теории и познакомил советский народ с полноценной теорией поколений был И. С. Кон, в своей книге «Социология личности» в 1967 г. и в статье «Понятие поколения в современном обществознании» в 1979 г. В приведенных трудах И. С. Кон дал четкое определение термину поколение и изложил современные, на тот период времени, мысли по проблеме поколений в мировой социологии. По словам, социолога Теодора Шанина: «В Советском Союзе поколенческая тематика не вписывалась в обязательный канон «того, что и впрямь важно» в историческом анализе, первое ознакомление с этой «западной» темой произошло в 1970-х годах в работах И. С. Кона, но влияние его статей в академической среде осталось ограниченным» (Вагин, 2017).

Основываясь на работах И. С. Кона уже другие советские социологи пытаются переложить западные теории на российскую действительность. Ю. А. Левада, выделяет шесть «значимых» поколений (поколенческих групп) и характеризует условия их социализации (Леваду интересуют «значимые» группы поколения, т.е. элита,

а не массы): 1. «Революционный перелом» 1905-1930 гг. 2. «Сталинская» мобилизационная система 1930-1941 гг. 3. Военный и послевоенный период 1941-1953 гг. 4. «Оттепель» 1953-1964 гг. 5. «Застой» 1964-1985 гг. 6. Годы «перестройки и реформ» 1985-1999 гг. (Дубов, 2003).

Б. В. Дубин, буквально пересказывает идеи Маргарет Мид 1960-х годов. Он рассматривает понятие «поколение» с точки зрения трех представлений, в зависимости от типа общества: традиционно – иерархического (опыт младшему поколению передается через семью, именно в семье прививаются духовно-нравственные ценности подрастающему поколению), модерна (главным транслятором ценностей для молодого поколения является элита общества, активные группы людей и их лидеры), постмодерна (главная роль в трансляции опыта молодому поколению принадлежит социальным институтам общества). Осуществляя переход от традиционного общества к обществу модерна, а далее – постмодерна, все большее количество социальных институтов участвуют в передаче опыта и духовно – нравственных ценностей от старшего поколения к младшему.

Таким образом, в советских социальных науках не было сформировано своей собственной теории поколений. Советские социологи лишь в лучшем случае адаптировали западные теории под советскую действительность, а в худшем просто переводили текста западных авторов.

Заключение (Conclusions). Таким образом, можно сделать самый главный вывод о том, что помимо научно-популярной теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува, есть и научная традиция изучения поколений, от которой можно оттолкнуться для изучения поколенческих феноменов на практике и в современных реалиях.

Вторым выводом является то, что традиция рассмотрения поколений, обозначает поколение как социальное явление, то есть как группу сверстников, ро-

дившуюся в одно время, пережившую определенные события, которые формируют их ценности, установки и отличия, как от предыдущего, так и от последующего поколения. То есть, поколение это не родовое понятие, а социальное.

Третьим выводом является ответ на вопрос: что же делает поколение поколением – внешние обстоятельства или внутренние установки. С одной стороны вслед за К. Маннгеймом следует отказаться от предположения, что неким мистическим образом люди одного поколения мыслят одинаково. С другой стороны, столь же несостоятельны и позитивистские трактовки, делающие поколение реальной социальной группой только на основании схожих дат рождения. Действительно, схожие черты поведения и культуры одного поколения можно объяснить вполне конкретными обстоятельствами их социализации, но только с одной важной оговоркой: в каждой возрастной когорте мы можем выделить разные по своим установкам, ценностям и паттернам поведения группы. Это объясняется как неоднородностью социальных условий, например, в городе и деревне, в центре и на периферии, так и различием габитусов у представителей разных социальных сообществ (Бурдые, 2001). Иными словами, «поколенческие» черты всегда будут соединяться с габитусными установками, что порождает не типовых «игриков» и «зетов», а бесконечное многообразие практик и смыслов.

Проведенное нами исследование, выявляет недостатки как научных, так научно-популярных теорий поколений, так как данные теории как минимум не отвечают на два очень важных вопроса:

1. Смена поколений происходит одновременно во всем обществе или в некоторых сегментах общества оно происходит раньше или позже? При чем эта проблема, проблема неравномерности смены поколений может быть рассмотрена в территориальном, географическом, пространственном и в социальном измерении (пространственные измерение – большие, мелкие города, социальное – разные слои общества).

2. На сколько теория поколений является верифицируемой и как теория поколений должна проявляться в практической жизни, поведении людей и управлении. Недостатком существующих теорий является то, что они рассматривают общество слишком гомогенно, без учета его территориальной и социальной дифференциации.

Теоретические и эмпирические ответы на данные вопросы еще предстоит дать исследователям.

Список литературы

Арлес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева. Екатеринбург. Издательство Уральского Университета, 1999. 420 с.

Бурдые П. Практический смысл / Перевод с франц. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Институт экспериментальной социологии. 2001, 562 с.

Вагин Д. М. Преемственность поколений в сфере духовно-нравственных ценностей современной молодежи России: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2017. 228 с.

Гурова Р. Г. Современная молодежь: социальные ценности и нравственные ориентации // Педагогика. 2000. № 10. С. 32-38.

Добренков В. И. России необходима национальная идеология // Социология. 2006. № 3-4. С. 13-19.

Дубов И. Г. Ценности и поведение: анализ взаимосвязи // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 182-204.

Лезгина Д. В. Проблема преемственности поколений (в западноевропейской философии): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 168 с.

Cowley M. Exile 's Return a narrative of ideas. New York: Norton, 1934.

Erikson E. Childhoodnd Society. New York: Norton, 1950.

Hamblett C., Deverson J. Generation X. London: Tandem Books, 1965.

Hoover E. The Millennial Muddle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradictions // The Chronicle of Higher Education. 2009.

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future 1584-2069. New

York: Harper perennial, 1991.
Lagemann E. A Generation of Women. Boston: Harvard University Press, 1979.
Leonard A. The Boomers' Babies // The New York Times. 1993.
Levinson D. The Seasons of a Man's Life. New York: Ballantine Books, 1978.
Lind M. Generation Gaps // New York Times Review of Books. 1997.
Mannheim K. The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & K. Paul, 1958.
Piccoli S. 13ers; The story of the new "lost generation" (and America's hottest sound bite) // The Washington Times. 1991.
Sheehy G. Passages: Predictable Crises of Adult Life. New York: Penguin Group, 1976.

References

Ares, F. (1999), *Child and family life under the Old Order*, Translated by Startseva, J., Publisher Ural University, Yekaterinburg, Russia. (In Russian).
Bourdieu, P. (2001), *Practical sense*, Translated by Shmatko, N. A., Aletheia, St.-Petersburg, Institute of Experimental Sociology, Moscow, Russia. (In Russian).
Vagin, D. M. (2017), "Continuity of generations in the field of spiritual and moral values of modern youth in Russia", Ph.D. Thesis, St. Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia. (In Russian).
Gurova, R. G. (2000), "Modern youth: social values and moral orientations", *Pedagogika*, (10), 32-38. (In Russian).
Dobrenkov, V. I. (2006), "Russia needs a national ideology", *Sociologiya*, (3-4), 13-19. (In Russian).
Dubov, I. G. (2003), "Values and Behavior: Nexus Analysis", *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategy. Symbols. Myths], Moscow, Russia, 182-204. (In Russian).
Lezgina, D. V. (2004), "The problem of continuity of generations (in Western European philosophy)", Ph.D. Thesis, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, St.-Petersburg, Russia. (In Russian).
Cowley, M. (1934), *Exile 's Return a narrative of ideas*, Norton, New York, USA.
Erikson, E. (1950), *Childhood and Society*, Norton, New York, USA.

Deverson, J. and Hamblett, C. (1965), *Generation X*, Tandem Books, London, UK.
Hoover, E. (2009), "The Millennial Mud-dle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradictions", *The Chronicle of Higher Education*.
Howe, N. and Strauss, W. (1991), *Generations: The History of America's Future 1584-2069*, Harper perennial, New York, USA.
Lagemann, E. (1979), *A Generation of Women*, Harvard University Press, Boston, USA.
Leonard, A. (1993), "The Boomers' Babies", *The New York Times*.
Levinson, D. (1978), *The Seasons of a Man's Life*, Ballantine Books, New York, USA.
Lind, M. (1997), "Generation Gaps", *The New York Times*.
Mannheim, K. (1952), *The Problem of Generations: Mannheim K. Essays on the Sociology of Knowledge*, Routledge & K. Paul, London, UK.
Piccoli, S. (1991), "13ers; The story of the new 'lost generation' (and America's hottest sound bite)", *The Washington Times*.
Sheehy, G. (1976), *Passages: Predictable Crises of Adult Life*, Penguin Group, New York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ковин Егор Андреевич, аспирант кафедры культурологии, музыковедения и музыкального образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Лысенко Олег Владиславович, кандидат социологических наук, доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Egor An. Kovin, Post-graduate Student, Chair of Cultural Studies, Musicology and Music Education, Perm State Humanitarian Pedagogical University

Oleg V. Lysenko, PhD in Sociology, Associate Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University

УДК 001.18, 316.023

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14

Леньков Р.В.
Богданов В.С.

Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

r_lenkov@mail.ru

valarf@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-1223-9727

ORCID iD: 0000-0003-0176-1007

*Статья поступила 29 октября 2019 г.; принята 25 ноября
опубликована 30 декабря*

Аннотация. В статье с позиции социолого-управленческого дискурса даны результаты анализа проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации. Под интеллигенцией авторы понимают не только класс, занятый в производстве социально и культурно значимых для общества образцов, но и процессы группообразования, а также функционирование определенной субъектности (взаимодействие индивидуумов и групп), которые ответственны за формирование и достижение образа будущего на принципах реализации социогуманитарного подхода и становления управления с инфосоциальной обратной связью. Представлен исторический опыт «сборки» и интерпретировано современное состояние российской интеллигенции. Исследовательская проблема «сборки» будущей российской интеллигенции связывается с проектно-сетевым социумом, где высока роль социальных площадок реализации творческих идей в форме социальной самоорганизации. В заключение обосновывается авторская позиция по вопросу о необходимости актуализации социологии управления как отраслевой социологической дисциплины, изучающей проблемы управляемости социальных процессов, осуществляющей анализ механизмов генезиса, функционирования и трансформации управленческих структур в условиях социокультурных изменений при воздействии стремительного развития информационных технологий. Авторы полагают, что научно-исследовательские практики, ориентированные на интеллигенцию и солидарные с ней слои населения в новом пространстве координат «человек – компьютерные сети – Интернет» в условиях проектно-сетевого социума, в первую очередь должны концентрироваться на изучении спонтанных и преднамеренных, то есть целерациональных изменений в саморазвивающихся сообществах.

Ключевые слова: российская интеллигенция; «сборка» интеллигенции; социокультурная модернизация; социальный порядок; механизмы регуляции; инфосоциальный тип развития; проектно-сетевой социум; «поколение Z»; социология управления.

Информация для цитирования: Леньков Р. В., Богданов В. С. Проблемы «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации: социолого-управленческий дискурс // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 163-175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14

Roman V. Lenkov
Vladimir S. Bogdanov

The problems of «assembly» of future Russian intellectuals as a potential of socio-cultural modernization: sociological and management discourse

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
r_lenkov@mail.ru
valarf@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-1223-9727
ORCID iD: 0000-0003-0176-1007

*Received October 29, 2019; accepted November 25, 2019
published December 30, 2019*

Abstract. The article presents the results of the analysis of the problem of “assembly” of the future Russian intellectuals as a potential for sociocultural modernization from the perspective of sociological and managerial discourse. Intelligentsia or intellectuals are seen by the authors not only as a class engaged in the production of socially and culturally significant patterns for society, but also group-formation processes, as well as the functioning of a certain subjectivity (the interaction of individuals and groups), which are responsible for the formation and achievement of the image of the future on the basis of the implementation of the socio-humanitarian approach and formation of management with infosocial feedback. The historical experience of “assembly” is presented and the current state of the Russian intelligentsia is interpreted. The research problem of the “assembly” of the future Russian intelligentsia is associated with the project-network society, where the role of social platforms for the implementation of creative ideas in the form of social self-organization is high. In conclusion, the authors substantiate the position on the need to actualize the sociology of management as an industry sociological discipline that studies the problems of manageability of social processes, analyzes the mechanisms of the genesis, functioning and transformation of managerial structures in the context of sociocultural changes under the influence of the rapid development of information technologies. The authors believe that research practices focused on the intelligentsia and segments of the population that are in solidarity with it in the new coordinate space “man – computer networks – Internet” in the context of a project-network society should primarily focus on the study of spontaneous and deliberate, that is healing changes in self-developing communities.

Keywords: russian intelligentsia; «assembly» the intelligentsia; sociocultural modernization; social order; regulatory mechanisms; infosocial type of development; projecting-network society; «generation Z»; sociology of management.

Information for citation: Lenkov R. V., Bogdanov V. S. (2019), "The problems of "assembly" of future Russian intellectuals as a potential of socio-cultural modernization: sociological and management discourse", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 163-175. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-14

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* В социокультурном пространстве России на протяжении всей ее истории существовали различные социальные аттракторы¹, выполнявшие функцию воспроизводства и поддержания институтов, которые отвечали за рост и социальное развитие, конструктивные подходы к организации и самоорганизации общества. К числу таких аттракторов относится интеллигенция, реально способная, с нашей точки зрения, запустить механизм самодостраивания и социокультурной модернизации страны и ее регионов.

Различных определений интеллигенции – множество. Наиболее универсальное определение, видимо, принадлежит П. Бурдье, давшему характеристику интеллигенции как «классу производителей символических благ». Это означает, что интеллигентом может считаться каждый, кто занят в производстве культурно значимых для общества образов – и священник, и писатель, и художник, музыкант и ученый и др. (Вершинин, 2013). Кроме того, интеллигенцию часто наделяют особым наследственным качеством – «обостренным нравственным чувством» (и даже «духовной озабоченностью»), обозначив его линией раскола интеллигенции в конце 1980-х гг. (Кара-Мурза, 2008).

Однако в указанной интерпретации отсутствует конструктивное начало, закрепляющее за данным классом (общностью) социальную функцию системной интеграции, позволяющую ему стать зоной

локальной упорядоченности, доминирующим генератором идей, ценностей и смыслов. В таком контексте под интеллигенцией подразумеваются процессы группообразования и функционирование определенной субъектности (взаимодействие индивидуумов и групп) (Мерзляков, 2018) с высокими показателями человеческого и социального капитала для конкретного предметного взаимодействия в рамках формирования и достижения образа будущего на принципах реализации социогуманитарных подходов и становления управления с инфосоциальной обратной связью. Следует уточнить, что авторы не призывают к массовому вовлечению интеллигенции в процессы конструктивного группообразования с целью социокультурных изменений. Важнее и правильнее говорить об исследовании предметных областей и феноменах, деформирующих баланс развития между обществом и государством, в том числе и с целью познания, и правильного преодоления барьеров, мешающих модернизации, ее идейному наполнению «снизу» и выработке адекватных механизмов регуляции по их сопровождению «сверху». Над указанными проблемами работают ученые Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, занимающиеся исследованием состояния и динамики технико-технологической, социоэкономической и социокультурной компонент модернизации (Атлас модернизации, 2016), а также сотрудники Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, осуществляющие диагностику и мониторинг институционально-регулятивной компоненты модернизации (Россия: реформирование, 2016; Проблемы реформирования, 2017; Тихонов, 2017). Последняя компонента определена как феномен властно-

¹Аттрактор социальный (от англ. attract – привлекать, притягивать) – структура, возникающая в самоорганизационной модели социальной динамики общества. Представляет собой форму социального объединения, которая внутренне присуща социальной системе. Согласно самоорганизационного видение механизма социальной динамики, является той базовой социальной структурой, к которой естественно тяготеет процесс социального формо и группообразования (от авторов).

управленческой вертикали, способный при определенных обстоятельствах обеспечить преодоление синкретизма власти, ответственности и управления (Тихонов, 2010). Она же должна обеспечить интеграцию российского общества через воспроизводство регулятивных средств и механизмов обеспечения процессов модернизации при переходе от индустриального типа сознания и отношений к проектно-сетевой форме организации и новому, инфосоциальному типу общественного развития.

Методология и методы (Methodology and methods). Целью исследования выступает анализ проблем «сборки» будущей российской интеллигенции как потенциала социокультурной модернизации.

Актуальные вопросы для социолого-управленческого анализа:

1) как выделить аттракторов социального порядка – российскую интеллигенцию и солидарные с ней слои населения, способные взять на себя интегрирующую функцию выработки стратегического вектора социокультурной модернизации страны и ее регионов;

2) как организовать «обратную связь» между властью и активной частью населения для воспроизводства конструктивных форм взаимодействия и поддержания принципов социального государства и гармоничного развития;

3) как обеспечить соответствующие условия социокультурной модернизации для активизации и реализации потенциала социальных интеграторов.

Исторический опыт «сборки» и современное состояние интеллигенции. Как было отмечено нами ранее, в истории России возникали различные аттракторы социального порядка, которые выполняли социальную функцию роста и развития общества. С IX века указанная функция отходит к монастырям, выступающим центрами православной культуры и просвещения. С приходом Петра I она начинает постепенно концентрироваться и в светском обществе, формируя у россиян ценностную мотивацию на сферу духовного, в

том числе на аспекты познания и образования, и обеспечивая понимание интеллигентности как представления о дворянской чести и достоинстве.

Российскую интеллигенцию создало государство. Официально интеллигенция, как социальная прослойка, возникла по указу Петра III «О даровании вольности дворянству» (1762 г.). Екатерина II подтвердила его в «Жалованной грамоте дворянству» (1785 г.), тогда же у дворян стало высвобождаться дополнительное время для чтения и самообразования. В итоге к XIX веку сформировалось массовое образованное разночинство, которое не признавало авторитета церкви и даже оспаривало ее. Это обстоятельство усугубило противостояние либеральных и консервативных ценностей в традиционном (феодално-сословном) обществе.

Но не будем подробно останавливаться на имперском периоде и последствиях социального раскола того времени. Под интеллигенцией и присущей ей свойством интеллигентности будем понимать качества того населения, которое является «разумной, образованной, умственно развитой частью жителей» (по В. И. Далю), и добавим – готовой при определенных условиях пожертвовать своими ценностями ради всеобщего блага в виде консолидированных и конструктивных преобразований в обществе.

К такой интеллигенции авторы склонны причислить группу профессионалов – научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию, задававшую темпы модернизации страны и характер ее прогресса в советский период. Ко времени индустриализации данная группа не только выделилась в класс профессионалов, но и повлияла на формирование определенных моделей управления (например, НОТ – научной организации труда). По мнению ряда ученых, модернизация по-советски, реализуемая интеллигентами-профессионалами, хотя и носила «догоняющий» характер по сравнению с Западом, но в результате смогла воспроизвести це-

лый ряд отраслей жизнедеятельности советского общества, свойственных модерну (Аксенова, 2016).

Отдельно следует сказать, что указанная группа способствовала в дальнейшем концентрации традиций профессиональной деятельности, обеспечивая развитие страны как военной державы.

Современная Россия после распада Советского Союза, массовой утечки научно-технической и гуманитарной интеллигенции, и как следствие – перекоса в профессиональной дифференциации, столкнулась с кризисом потенциала социокультурной модернизации. Согласно данным Всемирного банка, на сегодняшний день имеется лишь 50% необходимого для запуска процессов модернизации (Атлас модернизации, 2016). Эти факты существенно повлияли на трансформацию качества и характер нынешних аттракторов, отвечающих, по сути, за содержание и возможности социокультурной модернизации «снизу».

Ж. Т. Тощенко так ставит актуальные вопросы о потенциальном образе интеллигенции в контексте перспектив развития российского общества в условиях текучести, нестабильности и неопределенности мирового геопространства: «Вступив в новый этап развития, мы вернулись к извечной проблеме: существует ли интеллигенция в том смысле, в котором это понятие употреблялось в течение двух столетий? Не наступает ли век интеллектуалов по западному образцу? Наследует ли молодежь то, что было накоплено предшествующими поколениями? В ходе кардинальных изменений возник вопрос: сохраняется или разрушается такой феномен, как российская интеллигенция? Без преувеличения, произошли события, поставившие под сомнение существование феномена российской интеллигенции. Стало очевидно, что говорить об интеллигенции как о социальной общности невозможно и даже абсурдно. Практически нет ни одного элемента (кроме формального – наличия высшего образования), который был бы присущ если не

всем, то большинству интеллигентов, поэтому следует определить реальные типы, при помощи которых можно было бы описать нынешнее состояние российской гуманитарной интеллигенции, обращая внимание на наиболее яркие ее проявления и не претендуя на безусловный показ всего, что творится в ее среде. Нужно сосредоточиться на типологических группах, олицетворяющих лицо российской интеллигенции, характеризующих активную ее часть, которая приняла или стремилась принять участие в проводимых преобразованиях» (Тощенко, 2000).

Авторы согласны с заявленным посылом, учитывая тот факт, что на протяжении двух десятилетий стабильно наблюдаются предпосылки социокультурного раскола идентичности (самоидентификации) россиян, в том числе и в социальном сообществе российской интеллигенции. Это констатируют и ученые Института социологии ФНИСЦ РАН, говоря о том, что в «условиях кризиса, в логике «вызов – ответ», россияне проявили себя нестандартно: у нас обнаружены, например, предпосылки социокультурного раскола респондентов на самоотверженных «пассионариев», готовых бороться за счастье Родины до конца, на «неопределившихся», сочетающих активистские и пассивистские жизненные установки, а также на собственно «пассивистов», не включенных в борьбу за общие интересы» (Российское общество, 2017).

Подобные предпосылки социокультурного раскола российской интеллигенции могут быть фрагментарно представлены в разрезе следующих групп: «новые диссиденты» (энтузиасты демонтажа советского режима, содействующие становлению декларируемых принципов построения нового общественного строя); «блуждающие игроки» или «шатуны» (перемещающиеся по спектру политических сил к тем, кто находится ближе всех к власти); «мутанты» (участники воплощения в жизнь определенного советского мировоззрения, но переродившиеся в сторонников

прямо противоположных идей и убеждений); «мародеры» (полностью лишившиеся каких-либо нравственных начал, строящие свое благополучие за счет ущемления интересов других); «шовинисты» или «бытовые шовинисты» (декларирующие приверженность к общечеловеческим ценностям, но одновременно способные пойти на унижение и дискредитацию имеющих иные убеждения) (Тощенко, 2000).

Такая констатирующая дифференциация теоретического конструкта к изучению научно-технической и гуманитарной интеллигенции позволяет подойти к разработке инструментария для исследования ее образа, который возможно изучать как в сетевом пространстве Интернета, так и в реальности; интерпретировать факты наличия/отсутствия виртуальной (онлайн) и оффлайн рецепции интеллигенции как явления; диагностировать выявленные признаки агентов онлайн взаимодействия в соответствии с оффлайн показателями социальной структуры (группы, институты, ресурсы и т.п.).

Но это только изучение образа интеллигенции. Авторы с позиций социологии управления, как научно-исследовательской программы, интересуется другая сторона проблемы. В первую очередь - это перспективы воспроизводства и готовности российской интеллигенции выступить в качестве потенциала социокультурной модернизации, сыграть роль *системного конфигулятора*² конструктивной субъектности.

Мы полагаем, что этот опыт может быть апробирован в рамках изучения и преодоления проблемы социальной бессубъектности, во-первых, как феномена реинтеграции российского общества, во-вторых, как реверсивности этого процесса в тенденциях конфигурации (протосборки)

и активизации социокультурного потенциала (конструктивной силы) для социальных преобразований в системе взаимодействия общества и власти. В частности – в выработке «мини/макс стратегий» индустриальной и постиндустриальной (информационной) модернизации страны и ее регионов (Атлас модернизации, 2016).

Следует отметить, что консолидированные и конструктивные преобразования с достижением баланса интересов власти и общества, будут носить более объективный характер, если управление будет отделено от власти и воспринято российской элитой как институт для качественных системных преобразований, консолидирующих власть и общество. Только при указанных обстоятельствах интеллигенция имеет шанс проявить себя в лучших традициях и выступить «снизу» спонтанной силой социокультурной модернизации. Эти тенденции отмечаются и в нашем исследовании, результаты которого указывают на необходимость запуска рационально-обоснованной трансформации отечественной властно-управленческой вертикали на принципах обратной связи и на знаниях об управлении, а не на рациональности диады «власть-собственность» со стагнирующими подходами менеджерального управления (Россия: реформирование, 2016).

Также согласимся с выводом Ж. Т. Тощенко, что выявление образа гуманитарной интеллигенции является первоочередной задачей и в части возможности обособления из этого класса социокультурных интеграторов и инноваторов, готовых к запуску системных целесообразных изменений³ (Тощенко, 2000).

Названные обстоятельства требуют разработки специальной научно-исследовательской программы, которая

²Понятие системного *конфигуратора* заимствовано авторами у В. А. Лефевра, который предлагал использовать свою идею в научно-исследовательской практике социальных ученых с целью структуризации наблюдаемого объекта и соотнесения на этой основе ее элементов (Лефевр, 2003).

³Мы считаем, что на российском пространстве повсеместно необходимо формирование условий для социокультурного инноваторства. Это возможно через «выдвижение» конструктивной субъектности на местах. Она, в свою очередь, могла бы на основе комплексных исследований комбинировать факторы социокультурной модернизации в регионах.

позволила бы уже сегодня наблюдать за процессами воспроизводства будущей интеллигенции как аттрактора и креативной общности процессов модернизации; исследовать состояния и условия, деформирующие/способствующие поддержке действий властно-управленческой вертикали и механизмам обеспечения высокого уровня солидарности российского общества в решении задач социокультурной модернизации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Социальная проблема современной «сборки» будущей интеллигенции.* В условиях социального расслоения общества, когда 10% наиболее обеспеченных россиян владеет 89% совокупного благосостояния страны (Рост социального расслоения, 2017), когда власть всячески нацелена на поддержание такой формы распределения собственности и ее защиту, сложно говорить о сокращении разрыва между бедными и богатыми, в том числе о воспроизводстве механизмов социальной солидарности в реализации комплексных изменений с широким участием различных категорий населения. По сути, сегодня большая часть российского общества поставлена в условия выживания и ориентирована лишь на поддержание минимальных стандартов качества жизни. Такое положение дел, скорее, способствует закреплению в общественном сознании норм индивидуального обеспечения собственного выживания на принципах быстрого обогащения и ориентированности на гедонизм, унаследованные из 1990-х гг. и навеянные Западом через либеральные смыслы и ценности организации жизни.

Это характерно и в качестве основной для группообразования таких форм интеллигенции, которые Ж. Т. Тощенко называет «мародерами», пропагандирующими лозунги типа: «Если ты такой умный, то почему ты бедный?» (Тощенко, 2000). Получается, что, если ты обладаешь каким-либо интеллектуальным капиталом, то все ресурсы должен бросить на удовле-

творение своих потребностей в духе индивидуализма и гедонизма. Уже сегодня мы видим, как у поколения так называемого «обозримого будущего», которое рождено (или будет рождено) в 2004-2024 гг. и условно обозначенное «Z» (Strauss, Howe, 1991; Социология молодежи, 2015: 24), ориентирами в жизненных стратегиях становятся отрицание иерархии, наглость, нарциссизм и эгоизм. На этом фоне формируются их лидерские и предпринимательские качества. Представителям «поколения Z» чужда корпоративная культура, что становится возможным за счет полного погружения в виртуальную реальность – сетевое онлайн взаимодействие, где прослеживается тотальное влияние массмедиа.

Основным для будущей интеллигенции становится возможность управлять одновременно и профессиональными, и личными брендами, то есть заниматься самопрезентацией, чтобы суметь вписаться в дуальную реальность и быстро выделиться при этом в качестве лидера сетевого онлайн сообщества. В частности, это подтверждают результаты исследования Сбербанка России (совместно с маркетинговой компанией «Validata»), который озадачился тем моментом, что к 2020 г. более 1/4 экономически активного населения будут являться представителями «поколения Z»⁴.

В ходе названного исследования были выявлены следующие характеристики указанного поколения:

- «главный запрос от жизни – быть счастливым (наслаждение жизнью, получение от нее удовольствия, ценность каждого мгновения, любовь к себе);
- успех может быть легким и быст-

⁴В 2016 г. Сбербанк России опубликовал данные качественного исследования «поколения Z». Итогом 18-ти фокус-групп с детьми и молодежью в возрасте от 5 до 25 лет, пяти фокус-групп с родителями, ряда глубинных интервью с родителями и учителями-экспертами, а также анализа блогов молодых людей из разных городов России и общения с представителями молодого поколения в ходе проведенных последними экскурсий по своим городам стал отчет о жизни современной молодежи, который помогает понимать потребителей здесь и сейчас, предлагая им актуальные услуги и коммуникацию».

рым (о чем говорят многочисленные статьи в онлайн СМИ);

- стать счастливым можно только, если найдешь свой путь, трудности означают, что путь выбран неверно;

- жизнь должна быть разнообразной, в ней должны сочетаться работа, семья, увлечения, путешествия, общение с друзьями, иначе она кажется скучной, а человек «деградирует»;

- признание должно вести к популярности на работе, среди друзей, в социальных сетях;

- слова «карьера» и «престижная работа» практически не звучат;

- работа должна приносить удовольствие и доход, не отнимать много времени⁵.

По словам Президента Сбербанка Г. Грефа, вопрос смены поколений – один из главных трендов на рынке труда сегодня. В компании обратили внимание на эту тенденцию после того, как текучесть кадров достигла 35%. «Когда мы проанализировали демографический состав людей, которые покидают нашу компанию, оказалось, что это все-таки поколения Y и Z» [Поколение 20-летних, 2016]. Также стоит задуматься над тем, что данное поколение занято собой, саморазвитием и постоянно говорит о личностном «самосовершенствовании», не испытывая уверенности, что постепенные усилия приведут к конкретным целям. История России последних лет продемонстрировала «поколению Z», что все может пойти не так. Можно предположить, что на этом фоне личностная стабильность без особых трудностей становится нормой для будущей интеллигенции. Это надо принять во внимание и задуматься, а сможет ли интеллектуальная элита XXI века стать потенциалом социокультурной модернизации. И если нет – то, что для изменения этого следует предпринять?

Исследовательская проблема «сбор-

ки» будущей интеллигенции в проектно-сетевом социуме. Ряд ученых считает, что «жизнь без смысла означает, что человек лишен внутренней мотивации, внутреннего стержня и «мотора», которые позволили бы ему взять собственную судьбу в руки и ощутить себя участником реальных социальных процессов» [Тощенко, 2016]. При таком подходе мы приближаемся к социологической интерпретации смысла.

Что касается социологии, понимание смысла жизни подготовила эпоха Просвещения (конец XVII – середина XVIII вв.). Ее выдающиеся представители: Ш. де Монтескье, К. А. Гельвеци, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах и др., сосредоточили внимание на обосновании роли и значения смысла, по-разному трактуя его. Так, де Монтескье говорил об ориентации на закон, Гельвеций – на материальный интерес, Руссо – на чувства, Гольбах – на соединение в мышлении людей научных и, нередко, стихийных, неосознаваемых представлений и обыденных забот. Но все мыслители сходились в одном: здравый смысл (а именно к нему они сводили назначение жизни) выступает способностью самостоятельно решать вопросы общественной и личной жизни, обостряет стремление к ее нормальному протеканию и рациональной организации.

Все действительно так, однако сегодня меняются способы организации социальной реальности за счет самих средств ее изменения. Технично-технологические средства (гаджеты и виджеты) начинают изменять не только способы восприятия окружающего мира, но и подходы к его изменению. Деятельность и взаимодействие смещаются в символическую среду онлайн взаимодействий. Г. Л. Тульчинский справедливо говорит, что сегодня новые информационно-коммуникативные технологии, от Интернета до блокчейна, совершенно по-новому структурируют социум. Иерархические структуры по степени влияния на социальные процессы все более уступают сетевым (горизонтальным) структурам. Квалификации современного

⁵30 фактов о современной молодежи. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 09.10.2019).

социума как массового, информационного дополняются новыми характеристиками типа «проектно-сетевых», где актуальными становятся такие формы социальной самоорганизации, как краудфандинг и краудсорсинг, то есть социальные площадки реализации творческих идей и социально-значимых проблем. Ученый подчеркивает необходимость в новых трансформационных условиях проектно-сетевого социума задуматься о разработке концептуального аппарата, ориентированного на процедуры его порождения, построения и реализации.

Авторы также полностью согласны с утверждением, что в фокус науки должен сегодня попасть учет конструктивного (порождающего) характера человеческой активности и научного познания данного процесса. Но вместе с тем, практика государственного управления, оставляя на периферии внимания научно-исследовательские изыскания, все больше делает ставку на автоматизацию процессов управления в виде тотального цифрового контроля за всем и вся, предотвращения каких-либо рисков на различных уровнях организации жизнедеятельности (Тулчинский, 2013), и которое на государственном уровне теперь обозначается как «умное регулирование».

Вопросы выяснения тех смыслов, ценностных ориентиров и средств, за счет которых «поколение Z» собирается включаться в рациональные изменения социокультурного пространства для формирования образа будущего, построения концепций его достижения, выработки новых механизмов управления (регуляции) социальными процессами, остаются на периферии внимания государства и общества. Это требует повышенного внимания и специальных исследований.

Сегодня поднимается вопрос о потенциале социокультурной модернизации и выделении тех акторов, которые реально смогут запустить ее механизмы. Но, как показывают данные ряда исследований, в сознании россиян устойчиво закрепились

стереотипы того, что «главными лидерами среди социальных групп, способствующих развитию России в глазах населения – это рабочие и крестьяне. При этом роль рабочих позитивно оценивается практически всеми возрастными, социально-профессиональными и доходными группами, так что их восприятие как акторов прогресса уже не может рассматриваться как отголосок советской эпохи, выступая скорее отражением характерного для индустриального этапа развития любой страны повышенного внимания именно к роли рабочего класса». Далее, как показывают результаты измерения: «заметно отстают от рабочих и крестьян, но, тем не менее, выступают в глазах большинства населения опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс». Тормозом развития России и модернизации выступают в глазах граждан государственные чиновники (Тихонова, 2011).

Необходимо задуматься как о восстановлении индустриального уровня, так и о вторичной, информационной модернизации, о чем говорится в «Атласе модернизации России и ее регионов», тем более что через 30-50 лет 50% рабочих и традиционных профессий просто исчезнет (Атлас модернизации, 2016). Иными словами, нужно изучать, выделять и готовить социокультурный потенциал преобразований – научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию, а также солидарную с ней часть населения, в условиях гибридизации социального и информационно-технологического пространств.

Вышесказанное требует специфических методологических средств и исследовательских подходов для более четкой интерпретации внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов воспроизводства и функционирования новых, саморегулирующихся и саморазвивающихся систем типа «человек – компьютерные сети – Интернет» в качестве обособленных объектов в контексте постнеклассической науки (Степин, 2003).

Помимо В. С. Степина «постнеклассическими проблемами» занимаются также Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, В. Е. Лепский и др. В частности, В. Е. Лепский констатирует, что в начале XXI века доминирующей становится парадигма управления «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда» («субъект – метасубъект»), адекватная специфике постнеклассической научной рациональности. В центре внимания такой рациональности оказывается этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред, ориентированная как на проблему сохранения целостности субъектов, так и на их «сборку». В контексте постнеклассической научной рациональности имеет место интеграция механизмов обеспечения целостности управления, характерных для всех видов научной рациональности: целевого (классика), сетевого (неклассика) и метасубъектного (постнеклассика). Указанным механизмам соответствуют свои формы обеспечения целостности управления (иерархическая, сетевая и средовая). Именно в таком разрезе необходимо исследовать и реализовывать комплекс компонент модернизации, отражающих фактический уровень цивилизационного развития и положение дел изменения антропокультурных и социоэкономических отношений в стране и регионах, а также состояние и наличие институциональных условий для воспроизводства регулятивных средств и механизмов социокультурной модернизации. Последние должны позволить субъектам управления (регионам) адекватно отвечать на внешние и внутренние вызовы и угрозы, способствовать конструктивным преобразованиям на всех уровнях (вертикальном и горизонтальном) взаимодействия, обеспечивать всю систему жизнедеятельности в рамках стратегических подходов двухуровневой модернизации – индустриальной и информационной.

Заключение (Conclusions). Авторская позиция. Если говорить о перспективности модернизации в части достижения ее информационного уровня, то в исследо-

ваниях «сборки» и реализации социокультурного потенциала не обойтись без переосмысления концепций и теорий информационного (постиндустриального) общества.

Речь идет о содержательных определениях, которые закрепились и активно используются научным сообществом для экспликации явлений и процессов современного общества, в том числе саморазвивающихся и саморегулирующихся систем с управлением. Среди них - теория «постиндустриального общества» Д. Белла; теория «сверхиндустриального общества» Э. Тоффлера; концепция «сверхразнообразного общества» Э. Гидденса; концепция «сетевого общества» Э. Кастельса; теория «сверхтекучего общества» З. Баумана; концепция «общество риска» У. Бека. Разработки указанных теорий и концепций дают общие характеристики социокультурной трансформации современного общества, которые, по сути, определяют контуры зарождающейся инфосоциальной цивилизации, то есть цивилизации, где детерминантами развития становятся процессы гибридизации социальных и информационных отношений, ведущих к появлению принципиально новых форм локальностей и локализаций.

Назовем их основные характеристики:

- быстро меняющаяся и усложняющаяся социальная структура общества;
- цифровые технологии, которые становятся инструментом преобразования физического мира;
- сверхмобильность капиталов, людей и информации;
- большие возможности и высокие риски (это те условия, при которых большие возможности определяются цифровыми технологиями, но таят в себе непредсказуемые последствия);
- новые инфосоциальные формы гражданского участия (здесь речь идет об активизации инфосоциального участия населения для социальных преобразований своей среды жизнедеятельности);
- транснациональные институты ре-

гуляции, решающие, как глобальные, так и локальные проблемы.

Такие характеристики определяют характер и формы локализации (группообразование субъектности) как процесса оформления локальностей. Это спонтанные, самоорганизующиеся социальные процессы (присущие упомянутым выше «системам с управлением») и возникающие в ходе/результате конструирования искусственной надстройки над естественным процессом взаимодействия людей по поводу решения совместных проблем. В искусственных информационных надстройках типа глобальных (Интернет) и локальных (интрасети организаций, регионов, государств), имеют место обозначенные локализации (самоорганизующиеся социальные процессы и явления), а также сконструированные паттерны в условиях определенной социальной среды.

С учетом названных условий воспроизводства сегодня необходимо подойти к изучению будущей российской интеллигенции и близкой ей части населения со схожими идейными позициями и ценностными ориентирами, которые должны в итоге обеспечить двухуровневую модернизацию в стране.

В реалиях ускоряющихся и усложняющихся процессов модернизации многократно повышается роль социогуманитарных наук, в том числе и социологии управления. А. В. Тихонов справедливо полагает, что ее место и роль требуют актуализации в качестве отраслевой социологической дисциплины, изучающей проблемы управляемости социальных процессов, осуществляющей анализ механизмов генезиса, функционирования и трансформации управленческих структур (Тихонов, 2010). От себя добавим – в условиях социокультурных изменений, происходящих под воздействием стремительного развития цифровых технологий. Поэтому исследовательские практики в первую очередь должны концентрироваться вокруг изучения спонтанных и преднамеренных, то есть целерациональных, изменений в са-

моразвивающихся системах.

Это касается интеллигенции и солидарных с ней слоев населения в новом пространстве координат «человек – компьютерные сети – Интернет» в складывающемся проектно-сетевом социуме, в котором социальная активность приобретает проектный характер на разных уровнях сетевых (горизонтальных) отношений, изменяя традиционную иерархию и вертикаль воздействия.

Список литературы

Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Л. И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Вершинин А. «Собрать» интеллигенцию: исторический опыт. URL: <http://old.centero.ru/opinions/sobrat-intelligentsiyu-istoricheskij-opyt> (дата обращения: 9.10.2019).

Кара-Мурза С. Интеллигенция: распад или новая сборка? URL: http://news.km.ru/intelligencziya_raspad_ili_nova (дата обращения: 9.10.2019).

Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М., 2003. 92 с.

Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4. С. 95-104.

Поколение 20-летних готово работать до смерти. URL: <https://mel.fm/novosti/2306845-mellinials> (дата обращения: 9.10.2019).

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / Е. М. Акимкин [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ИС РАН, 2016.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов [и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Российское общество и вызовы времени / под ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир. Кн. 5. 2017. 419 с.

Рост социального расслоения в современной России как вызов и Партия нового типа как ответ. URL: <http://rusrand.ru/ideas/rost-socialnogo-rassloeniya-v-sovremennoy-rossii-kak-vyzov-i-partiya-novogo-tipa-kak-otvet> (дата обращения: 09.10.2019).

Социология молодежи: учебник для академического бакалавриата / под ред. Р. В. Ленькова. М.: Издательство Юрайт, 2015. 416 с.

Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-17.

Тихонов А. В. Об институционализации управления в современной России // Управленческое консультирование. 2010. № 1 (37). С. 59-75.

Тихонов А. В., Леньков Р. В. Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 5. С. 158-168.

Тихонова Н. Е. Актеры российской модернизации в восприятии населения и в реальности // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 120-140.

Тощенко Ж. Т. Гуманитарная интеллигенция: Начало конца? // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции. 2000. С. 6-11.

Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3-14.

Тульчинский Г. Л. Когнитивный менеджмент и проектно-сетевой социум // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 113-116.

Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.-Y.: Morrow, 1991. 649 p.

References

Aksenova, O. V., (2016), *Social action paradigm: professionals in Russian modernization*, Moscow, Russia. (In Russian).

Lapin, N. I., (2016), *Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems*, Moscow, Russia. (In Russian).

Vershinin, A., (2013), "Collect' the intelligentsia: historical experience" [Online], available

at: <http://old.centero.ru/opinions/sobrat-intelligentsiyu-istoricheskij-opyt> (Accessed 9 October 2019). (In Russian).

Kara-Murza, S., (2008), "Intelligentsia: decay or a new assembly?" [Online], available at: http://news.km.ru/intelligencziya_raspad_ili_novaya (Accessed 9 October 2019). (In Russian).

Lefevre, V. A. (2003), *Conflicting structures*, Moscow, Russia. (In Russian).

Merzlyakov, A. A. (2018) "The problem of subjectivity in the sociology of management", *Sociological science and social practice*, (4), 95-104. (In Russian).

"Generation of 20-year-olds ready to work until death", (2019), [Online], available at: <https://mel.fm/novosti/2306845-mellinials> (Accessed 9 October 2019). (In Russian).

Tikhonov, A. V., (2016), *Problems of reforming the power and managerial vertical in the context of the processes of socio-cultural modernization of regions*, Moscow, Russia. (In Russian).

Gorshkov, M. K. and Petukhov, V. V. (2017), *Russian society and the challenges of the time*, Moscow, Russia. (In Russian).

"The growth of social stratification in modern Russia as a challenge and a new type of party as an answer", (2017), [Online], available at: <http://rusrand.ru/ideas/rost-socialnogo-rassloeniya-v-sovremennoy-rossii-kak-vyzov-i-partiya-novogo-tipa-kak-otvet> (Accessed 9 October 2019). (In Russian).

Lenkov, R. V., (2015), *Sociology of youth*, Moscow, Russia. (In Russian).

Stepin, V. S. (2003), "Self-developing systems and post-non-classical rationality", *Voprosy filosofii*, (8), 5-17. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2017), *Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions*, Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2010), "On the institutionalization of management in modern Russia", *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, (1), 59-75. (In Russian).

Tikhonov, A. V. and Lenkov, R. V. (2017), "The role of the institute of higher education in solving the issues of socio-cultural modernization of regions", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10 (5), 158-168. (In Russian).

Tikhonova, N. E. (2011), "Actors of Russian modernization in the perception of the population and in reality", *Vestnik Instituta sotsiologii*, (3), 120-140. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T., (2000), "Humanitarian intelligentsia: The beginning of the end?", *Tsenostnaya i sotsial'naya identichnost' rossiyskoy gumanitarnoy intelligentsii*, 6-11. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2016), "The meaning of life: the experience of analysis from the standpoint of the sociology of life", *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, (11), 3-14. (In Russian).

Tulchinsky, G. L. (2013), "Cognitive management and design network society", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (2), 113-116. (In Russian).

Strauss, W. and Howe, N. (1991), *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, Morrow, New York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Леньков Роман Викторович, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, член-корреспондент Академии военных наук РФ.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Roman V. Lenkov, PhD in Economic, Assistant Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member, Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Vladimir S. Bogdanov, PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute for Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15

Тихонов А.В.
Мерзляков А.А.

Управляемость процессов социального группобразования
в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации

Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия

alvast39@mail.ru

merzliakov@mail.ru

ORCID iD: 0000-0002-4283-8333

ORCID iD: 0000-0001-8846-1423

Аннотация. В центре внимания статьи находится научно-теоретическая постановка проблемы выполнения инвектив «гражданского договора» между властью и обществом в условиях исторически определённых вызовов и угроз, которая является частью работы Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН по теме управления процессами социального группобразования и представляет собой продолжение нашего исследования по гранту РНФ №15-18-30077 в 2015-2017 гг. в условиях реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Статья носит постановочный характер и акцентирует внимание на описании научной проблемы, на решение которой направлен научный проект. Проблема в том, что из-за низкой чувствительности органов власти и управления к социальным последствиям принимаемых решений, процессы группобразования на региональном и местном уровнях склонны принимать неуправляемый характер. Необходимо научиться не только их предусматривать, но и упреждать. Это, несомненно, трудновыполнимая задача. Особое значение приобретает её решение в свете майского Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». К числу новых задач, как это видно из данного Указа, относится выработка адекватного ответа на внутренние вызовы путём осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, что призвано повлиять на решение демографической проблемы, на повышение уровня жизни граждан, а также на расширение возможностей самореализации и раскрытия талантов каждого человека. Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости и возможности получения нового знания относительно управления процессами группобразования в регионах с разным уровнем социокультурного развития и пространственного местоположения. В статье представлено обоснование достижимости поставленных в рамках проекта задач и возможности получения запланированных результатов.

Ключевые слова: уровни социокультурной модернизации регионов; отношение населения к работе органов власти и управления; реальное участие и поддержка населением прорывных проектов; оценка управляемости процессов спонтанного группобразования; методология и методы социологического мо-

нитинга реализации прорывных проектов.

Благодарности: Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда, проект № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группобразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

Информация для цитирования: Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Управляемость процессов социального группобразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 176-183. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15

Aleksandr V. Tikhonov
Andrey A. Merzlykov

Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization

Center for Management Sociology and Social Technology,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
alvast39@mail.ru
merzliakov@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-4283-8333
ORCID iD: 0000-0001-8846-1423

Abstract. The focus of the article is the scientific and theoretical presentation of the problem of execution of the «civil contract» between the government and society in the conditions of historically defined challenges and threats, which is a part of work of the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the RAS for a subject of management of processes of social grouping and represents continuation of our research on RNF No. 15-18-30077 in 2015-2017 in the conditions of implementation of the Decree of the Russian President of May 7, 2018 No. 204 «On the national purposes and strategic problems of development of the Russian Federation until 2024». The article is staged and focuses on the description of the scientific problem at which the scientific project is aimed, its scientific significance and relevance. The scientific novelty of the study is to justify the necessity and possibility of obtaining new knowledge about the management of group formation processes in regions with different levels of sociocultural development and strategic spatial location. The rationale for the feasibility of achieving the project objectives and the possibility of obtaining the planned results is presented.

Keywords: levels of socio-cultural modernization of regions; attitude of the population to the work of authorities and management; real participation and support of the population of breakthrough projects; assessment of manageability of processes of spontaneous grouping; methodology and methods of sociological monitoring of implementation of breakthrough projects.

Acknowledgments: The research was carried out under a grant of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00345 «Academic project: controllability of processes of a social group forming in regions with different level of sociocultural modernization and support by the population of the strategy of development for the Russian Federation till 2024».

Information for citation: Tikhonov A. V., Merzlykov A. A. (2019), "Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 176-183. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15

Введение (Introduction). Управляемость социальных процессов беспокоит государство и граждан не в меньшей степени, чем уровень инфляции, безработицы или обороноспособности и заставляет постоянно учитывать внутренние противоречия между интересами различных социальных групп и категорий населения, как и своевременно отвечать на внешние вызовы и угрозы. Однако, на возникающие в этой связи вопросы, нельзя ответить без проведения соответствующих исследований. В этом отношении правы те, кто отводят социологам роль включённых в систему управления специализированных экспертов. Как показали наша работа в 2015-2017 гг. по гранту РФ №15-18-30077, именно групповые интересы населения в территориальных образованиях и, прежде всего в системах местного самоуправления, меньше всего учитываются властно – управленческой вертикалью (Проблемы реформирования, 2016). Эта асимметрия ещё недостаточно исследована. Она может дорого обойтись стране и регионам, если на её последствия своевременно не будет обращено особое внимание. Проблема в том, что из-за низкой социальной чувствительности вертикально ориентированных структур власти и управления к социальным последствиям принимаемых решений, процессы группобразования на различных уровнях склонны принимать неуправляемый характер. Необходимо научиться не только их предусматривать, но и упреждать. Это сложная задача приобретает особую актуальность после выхода Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. К числу новых за-

дач, как это видно из этого Указа, относится адекватный ответ на внутренние вызовы, такие как «необходимость увеличения численности населения, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека»². Возникает вопрос, справляются ли власть и гражданское общество с таким набором социальных проблем, и если да, то каким образом? Это представляет сегодня не только практический, но и большой научный интерес. Речь идёт, с одной стороны, о политическом вмешательстве центральных органов власти и управления в процессы социально-экономического развития регионов на основе «прорывных» проектов, а с другой о том, в какой мере и как откликнутся на них различные категории граждан, как при этом сработает механизм их социальной самоорганизации. Реализация Указа потребует, прежде всего, перемен в работе аппарата управления (всех звеньев властно-управленческой вертикали) и не только путём создания т.н. «умного управления», но и обеспечения реальной поддержки со стороны населения. И это при том, что регионы развиваются с «разными скоростями» т.е. находятся на разных уровнях цивилизационного развития, и по способам решения поставленных задач, «у нас нет единства не только в обществе, но и среди специалистов» (см., выступление академика А. Агангебяна на секции экономики Президиума РАН в октябре 2018 г., где эта программа Правительства в целом названа «трудновыполнимой»). Совокупность всех этих обстоятельств подводит к мысли о необходимости исследовать проблему выполнения «прорывных» проектов

¹Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 07.12.2018).

²Там же.

на практике, исходя не только из состояния экономики, но и из отношения различных социальных групп населения к действиям властей. Для этого предлагается проведение фундаментального академического исследования механизмов, структур и функций различных видов группообразования населения страны в отдельных регионах. Особое значение имеет и то, что на основе исследований последних лет у нас уже имеются надёжные данные об особенностях группообразования в отдельных регионах. Т.о. появляется уникальная возможность провести сравнительные измерения проявлений группообразования в условиях нового «гражданского договора», содержание которого определяется майскими Указом Президента. Своевременная экспликация последствий такой политики, как мы надеемся, будет содействовать как внесению необходимых корректив в социологическую теорию управления процессом социального группообразования, так и в практику приведения российской системы управления в соответствие с современными требованиями.

Методология и методы (Methodology and methods). О чём, собственно говоря, идёт речь, когда социологи заявляют об актуальности проблемы управления социальным группообразованием в конкретных условиях поиска ответов на внешние и внутренние вызовы и угрозы? Есть ли здесь какие – либо надёжные сведения, закономерности, на которые управление могло бы опереться, чтобы упреждать неблагоприятные следствия властно-управленческих действий? Это как раз те вопросы, на которые мы собираемся ответить в своём исследовании. Многие социологи знают научные труды С. Г. Кирдиной, О. Э. Бессоновой, С. Г. Кордонского и М. Ф. Черныша, О. И. Шкаратана и В. В. Радаева, Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова и др. авторов (см, например, Карачаровский, Шкаратан, 2017; Черныш, 2015). Вступая с ними в научную дискуссию А.И. Липкин на страницах журнала «Мир России», констатирует: «для оценки транс-

формационных процессов в современной России вполне дееспособной является теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной» (скажем «вертикальной»), базирующаяся на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной» (скажем «горизонтальной « идущей ещё от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка между властью и обществом» (Липкин, 2012). Как показали наши исследования последних лет этот подход может оказаться, перспективным. В докладе на международной конференции ФНИСЦ РАН в октябре 2017 года нами отмечалось, «что специфика сложившейся в России ситуации предопределяется необходимостью осуществления системной модернизации как по горизонтали, так и по вертикали, охватывая все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни» (Россия и мир., 2017). Отдельно отметим, современное российское общество сегодня готово принять не все предлагаемые нормы теории модернизации, а также из того что задумано реализовать Правительством РФ и властями регионов. Можно сказать, что это является тем основанием, которое сегодня направляет российское общество на поиски новых путей развития и общенационального согласия, что может позитивно сказаться на процессах социального группообразования. Но это пока теоретическое предположение, которое требует репрезентативной эмпирической проверки. В частности, мы учитываем стратегическое значение и результатов исследований института социологии РАН, о которых говорил академик М. К. Горшков. Они получены в ходе реализации исследовательского проекта под названием «Динамика социальной трансформации в современной России в социально-экономическом, теоретическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах» (Горшков, 2016). Наше новое исследование, можно сказать, является в какой-то степени его продолжением.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Научная проблема состоит в получении нового социологического знания относительно механизмов управления процессами социального группообразования в условиях изменения национальных целей и постановки «прорывных» стратегических задач в развитии страны. В самом общем виде, речь идёт о модификации классической социологической теории «гражданского договора» применительно к г проблемам трансформации Российской Федерации в условиях современных вызовов и угроз и, конкретно, о разработке новой для отечественной и мировой социологии социально-диагностической технологии оценки уровня социальной сензитивности властно-управленческих структур к спонтанным изменениям социального группообразования населения. Опыт России может оказать неопределимую услугу решению такого рода задач и в других странах мира. В создании новых технологий используется ряд опробованных нами процедур: зондажно-информационная, социально-историческая, информационно-картографическая, интенционально-целевая, контактная и дистанционная о контент-анализ СМИ и социальных сетей. Эти технологии позволяют отделять естественные процессы социального группообразования от управляемых и оценивать их последствия по конечному результату: ценностным установкам, ориентациям и поведению групп населения различной социо-структурной принадлежности в отношении политики социокультурной модернизации в регионах и в стране в целом (критерий «субъектности») и индексу социального самочувствия в регионах с разным уровнем социокультурного потенциала (китайская методика Хэ и её российская адаптация Н. И. Лапина (Обзорный доклад, 2011)). При этом технологизация управления процессом группообразования корректируется консолидацией потенциальных социальных групп через механизм рационализации управления и обратной связи. Проект направлен на создание и опробование механизма упреждения дисфункций и устра-

нения социальных барьеров и повышения, тем самым рациональности процедур подготовки, принятия и реализации социально-приемлемых управленческих решений в контексте группообразования.

Для становления отечественной социологии управления, в отличие от теорий социального управления и от социологии менеджмента, именно управляемость социальных процессов выступает основной проблемой социологических исследований. Наиболее актуальной сегодня, как нам представляется, является разработка измерительных процедур для определения латентной роли властно-управленческой вертикали в появлении феномена органической субъектности в ходе образования номинальных статистических групп при изучении влияния политики «прорывных» проектов «на спонтанную самоорганизацию населения. Это, по существу, новое слово в науке управления и новая культура практики управления, поскольку наука управления на общеметодологическом уровне (кибернетика, синергетика) не рассматривает процессы группообразования в обществе, а практика управления, в свою очередь, не отделяет себя от власти и не рефлексивирует относительно социальных последствий принятия управленческих решений. Практическая актуальность проекта состоит в повышении роли научных знаний о процедурах подготовки, принятия и реализации решений за счет углубления представлений о непредвиденных социальных результатах целевых воздействий.

Научная актуальность связана с получением нового знания относительно возможностей измерения степени управляемости социальных процессов и прогноза их последствий как для населения, так и для всей вертикали органов власти и управления. Научная значимость выбранного подхода состоит в привлечении социологической науки в область измерения латентных последствий деятельности лиц, аппаратов и органов управления, что сегодня остается скрытой переменной в системах управления. Полученные результаты позволят внести определённые изменения в такой раздел социологического знания,

как методологическая организация социологических исследований в области социологии управления. В частности, может быть осуществлено введение в исследовательский цикл методологии таких разделов как диагностика проблемной ситуации в управлении, технология социально-прогнозного проектирования на входе и особенностей технологий обратной связи на выходе.

Решение перечисленных выше задач относится к перспективным направлениям развития отечественной социологии управления и в этом отношении являются научной новизной. Об этом, кстати, речь шла и на организованном нами вместе с журналом «Социологические исследования» круглом столе, материалы которого опубликованы в №2 этого журнала за 2018 год (Тихонов, 2018). Там было показано, что избранное нами направление не имеет аналогов ни в российской, ни в зарубежной практике проведения социологических исследований. В нём речь идёт об исследовании латентных процессов социального группобразования, которые относятся к фундаментальным проблемам социального познания, прогнозирования и управления. Для их систематического изучения в структуре ИС РАН было создано специальное подразделение – Центр социологии управления и социальных технологий, который с 2005 года проводит исследование проблем управления, обсуждает результаты на ежегодных конференциях и публикует их в научных изданиях. Результаты исследований широко обсуждаются на международной научно-практической конференции 2017 году (Россия и мир, 2017). В этот же период научной общественности представлены выводы об отношении населения к работе властно-управленческой вертикали в зависимости от уровня социокультурной модернизации регионов. (Россия: реформирование..., 2017). Первые шаги в этом направлении отмечены уже в 2010 году, когда произошел запуск Мета-проекта «Готовность отечественной системы управления к решению задач модернизации экономического развития» (Тихонов, 2010). Однако ис-

следование не получило своего должного развития по причине отсутствия финансовых средств на выполнение последовательности обязательных этапов. С научной позиции указанный Проект затрагивает фундаментальный аспект современной общественной науки: проблему влияния социокультурных факторов на отношения государства и общества (теория «общественного договора») и проблему управления спонтанным социальным группобразованием. Пока что она имеет только негативную коннотацию в образе «арабской весны» или «цветных революций». Обоснованность научных результатов достигается многолетним опытом исследовательских коллективов в части социологического анализа динамики общественных изменений, наличием опросной сети, структурами которой исследовательский коллектив имеет многолетние отношения сотрудничества, а также многофакторным анализом и обоснованием предлагаемых управленческих подходов и решений с учетом динамики социокультурных ценностей, установок и запросов, форм участия групп в органах власти и управления, их связи с институциональным порядком. Все это дает возможность и обеспечивает достижимость исследования заявленных технологий социального контроля и управления, которые позволяют корректировать достижения целей социального управления через создаваемые и игнорируемые механизмы обратной связи.

Заключение (Conclusions). Мы солидаризируемся с российскими разработками концепции цивилизационного выбора и поисками путей реформирования российской системы управления на основе построения новых конфигураций фундаментальных ценностей (Лапин, 2015) и развитием социологии управления как отраслевой научной дисциплины в соответствии с долгосрочной программой развития этой отрасли знания в работе Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН (Тихонов, 2018). Конкретно нами решаются следующие задачи:

- аналитические – планируем провести эмпирический анализ интенционально-

го содержания оценок различными социальными группами населения властно-управленческой вертикали в стране и в регионах с позиций уровня их жизни и потенциала проявлений субъектности. В дальнейшем эти материалы предполагается использовать для разработки программ управления группообразованием в регионах в качестве эксперимента с реформирования системы государственного управления и местного самоуправления на основе с инфо-коммуникативных моделей с социальной обратной связью.

- методические – планируем разработку методов социальной диагностики и гражданской экспертизы с использованием дистанционного анализа для исследовательских целей и практического применения инфо-коммуникативных технологий обратной связи, способных работать в режиме мониторинга для решения перспективных проблем управления группообразованием в регионах.

- прогнозные – разработка процедур и мероприятий в контексте социально-прогнозного проектирования, а также отработка вариантов прогнозных решений повышения / понижения возможностей и способности органов власти и управления отвечать на внутренние и внешние вызовы, решать проблемы управляемости группообразованием в регионах с разным уровнем социокультурного развития. Мы надеемся, что результаты нашего исследования дадут некоторое приращение социологических знаний. Поскольку в этой научной дисциплине до сих пор проблемы власти и управления не связываются с их ролью в процессах социального группообразования и не учитывают особенностей трендов регионов с разным уровнем цивилизационного развития. Это тем более актуально в переживаемых нами уникальных условиях декларации перехода государственной политики на стратегию «прорыва» в технико-экономическом и социальном развитии страны.

Обнародование результатов исследования и их практическое использование планируется осуществить посредством составления аналитических докладов, их

размещения на электронных ресурсах Института социологии РАН, участия в научно-практических конференциях, в публикации коллективной монографии, разработке программ управления социальным группообразованием в отдельных регионах на договорной основе. Предварительные результаты будут представлены на VI Всероссийском социологическом конгрессе (2020 г.), где планируется проведение отдельной секция, посвященной нашему исследованию.

Список литературы

Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): В 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. Т. 1. 416 с.

Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению // Мир России. 2017. Т. 26, № 2. С. 6-37.

Лапин Н. И. Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 44-45.

Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть II. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 3-17.

Липкин А. И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. 2012. Т. 21, № 4. С. 40-62.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Пер. с англ.; Под общей редакцией Н. И. Лапина / Предисл. Н. И. Лапин, Г. А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов [Электронное издание] / [А. В. Тихонов и др.]; Отв. ред. А. В. Тихонов // ИНАБ № 1 – 2016. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с.

Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Тихонов А. В. К обоснованию программы сетевого мета-проекта / Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзеvских чтений / Редколлегия: А. В. Тихонов отв. ред., Е. М. Акимкин, Ю. Н. Дуберман, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова. М.: ИС РАН, 2010. С. 165-182.

Тихонов А. В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 102-113.

Черныш М. Ф. Теория институциональных матриц: критический анализ // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 74-83.

References

Gorshkov, M. K. (2016), *Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics)*, Novy Chronograph, Vol. 1, Moscow, Russia. (In Russian).

Karacharovsky, V. V. and Shkaratan, O. I. (2017), "The social price of social change and the search for approaches to its measurement", *World of Russia*, 26 (2), 6-37. (In Russian).

Lapin, N. I. (2015), "Distances between the modernization of macroregions and the stages of integrating modernization of Russia", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 44-45. (In Russian).

Lapin, N. I. (2015), "Fundamental values of civilizational choice in the XXI century. Part II. Axiological background of the civilizational choice of Russia", *Questions of philosophy*, (6), 3-17. (In Russian).

Lipkin A. (2012), «Russia between non-modern «command» institutions and modern democratic culture», *World of Russia*, 21 (4), 40-62. (In Russian).

Review report on modernization in the world and China (2001-2010), (2011), Translated from English, in Lapin, N. I. (ed.), Publishing house «VesMir», Moscow, Russia. (In Russian).

Problems of reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2016), in Tikhonov, A. V. (ed.), INAB 1, Institute of Sociology of RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Russia and the world: global challenges and strategies of socio-cultural modernization. Materials of the International scientific-practical conference (2013), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Tikhonov, A. V. (2010), "To the justification of the network meta-project program", *Social justification of urban, regional and corporate development strategies: problems and research methods. Proceedings of the IX Dridzev Readings*, Moscow, Russia, 165-182.

Tikhonov, A. V. (2018), "Sociology of management: yesterday, today, tomorrow (materials of the round table)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 102-113. (In Russian).

Chernysh, M. F. (2015), "Institutional Matrix Theory: A Critical Analysis", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 74-83.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, Руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Aleksandr V. Tikhonov, Doctor of Sociology, Professor, Head of Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Andrey A. Merzlykov, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-16

Щербина В. В.¹
Попова Е. П.²

Вуз как специфический тип организации, его функции и взаимоотношения с внешним окружением

¹⁾ Центр социологии управления и социальных технологий
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, 117218, Россия
sherbina.vyacheslav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4700-6560

²⁾ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, г. Москва, 101000, Россия
eppopova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4648-5213

Аннотация. Актуальность анализируемой проблемы связана с необходимостью определения ориентиров организационного развития вузов. Источником организационного развития выступает динамичная внешняя среда. В статье анализируются проблемы взаимоотношения вузов с внешней средой. Авторы рассматривают различные подходы к трактовке организационной специфики вуза. Воссоздавая организационную специфику, особое внимание уделяется результирующему продукту деятельности вуза. Его определение – наиболее дискуссионный вопрос. Но именно от определения результирующего продукта и его заказчиков зависит выбор оптимальных способов адаптации, а, следовательно, и ориентиров организационного развития. Далее анализируются формы взаимодействия организации с внешней средой. Авторы не ставят под сомнение, что вуз может быть рассмотрен как специфический тип деловой организации. Однако его специфика (деятельности, типа персонала, характеристик внешней среды и др.) не предполагает развития гибких структур. Принимая во внимание задачи вуза – подготовку специалистов и развитие науки, – ставится под сомнение возможность использования форм и методов адаптации, связанных с ориентацией на клиента как главного фактора изменения содержания образовательных программ. Рассматривая заказчиков на результирующий продукт деятельности вуза, авторы считают, что ориентация вуза на производство образовательных услуг и на клиента (потребителя этих услуг) противоречит выполнению важнейших социальных функций вуза – подготовке квалифицированных специалистов и развитию науки.

Ключевые слова: вуз как организация; внешняя среда вуза; результат деятельности вуза.

Информация для цитирования: Атласкиров А. Р. Трансформации в системе ценностных ориентаций молодежи Кабардино-Балкарской Республики // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, N 4. С. 184-199. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-16

Vyacheslav V. Shcherbina¹
Elena P. Popova²

University as a specific type of organization, its functions
and relationships with the external environment

¹) Center for Sociology of Management and Social Technologies,
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
sherbina.vyacheslav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4700-6560

²) National Research University “Higher School of Economics”
20 Myasnitckaya St., Moscow, 101000, Russia
eppopova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4648-5213

Abstract. The relevance of the analyzed problem is associated with the need to determine the guidelines for the organizational development of universities. The source of organizational development is a dynamic external environment. The article analyzes the problems of the relationship of universities with the external environment. The authors consider various approaches to the interpretation of the organizational specifics of the university. Recreating organizational specifics, special attention is paid to the resulting product of the university. It is on the definition of the resulting product and its customers that the choice of optimal adaptation methods and, consequently, the guidelines for organizational development depends. Next, the forms of interaction of the organization with the external environment are analyzed. The authors do not doubt that the university can be considered as a specific type of formal organization. However, its specificity (activities, type of personnel, environmental characteristics, etc.) does not imply the development of flexible structures. Taking into account the tasks of the university – the training of specialists and the development of science – the possibility of using forms and methods of adaptation associated with customer orientation as the main factor in changing the content of educational programs is being questioned. Considering customers on the resultant product of the university’s activities, the authors believe that the university’s orientation toward the production of educational services and the client (consumer of these services) contradicts the fulfillment of the university’s most important social functions – the training of qualified specialists and the development of science.

Keywords: university as an organization; the external environment of the university; the result of the activities of universities.

Information for citation: Shcherbina V. V., Popova E. P. (2019), “University as a specific type of organization, its functions and relationships with the external environment”, *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 184-199. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-16

Введение (Introduction). Последние десятилетия перед российскими вузами (вуз и университет мы будем рассматривать как синонимы, делая акцент только на

одном отличии университетов – наличии научной деятельности) была поставлена задача повысить качество образовательных услуг и вписаться в требования высоко-

конкурентной среды рынка образовательных услуг.

Университеты (и не только российские) часто трактуются как организации, обладающие специфическими структурными характеристиками, не соответствующими динамичной среде. В этом смысле эталоном развития для вузов предлагается рассматривать бизнес-организации, стремящиеся приспособиться к изменениям динамичной внешней среды. Непосредственным экономическим показателем эффективности бизнес-организации является получение прибыли. Но актуальность проблемы внешней среды демонстрирует тот факт, что для получения прибыли, бизнес-организация должна каким-либо образом отреагировать на запрос клиента.

Мы рассматриваем вузы как деловые организации (используя терминологию А. И. Пригожина), производящие какой-либо результирующий продукт, обладающие формальной структурой и выполняющие определенные социальные функции (Пригожин, 2003). При этом они обладают своей спецификой, но также существуют в условиях динамичной внешней среды. Однако структура внешней среды дифференцирована, и различные ее элементы «предъявляют» разные требования к вузам. А это предполагает разные векторы и критерии их развития. Таким образом, развитие вузов связано, прежде всего, с вопросом, что является его критерием.

Один из распространенных подходов оценки вузов – попадание в рейтинги. Следовательно, можно предположить, что критерии, по которым строятся рейтинги могли бы стать ориентирами развития. Но известно, что рейтинги как показатель степени развития университета (и опосредованно – степени развития национальной системы высшего образования) критикуются как отечественными, так и западными исследователями (Каримова, 2016; Кем, 2016). Не в последнюю очередь критика обусловлена спецификой вуза, связанной с трудностью определения выходного продукта и, соответственно, сложностью его

подсчета. Поэтому попадание в рейтинги, скорее, можно рассматривать как внешний индикатор соответствия вуза институциональным требованиям, не вполне отражающим способности вуза к выживанию и эффективной деятельности в изменяющихся условиях внешней среды (DiMaggio, Powell, 1983).

Вуз, как деловая организация, предполагает деятельность, направленную на какой-либо результат. Определение критерия развития вуза как раз связано с определением результирующего продукта. От определения результирующего продукта зависит, какая группа во внешней среде может выступать главным субъектом оценки деятельности вуза.

Последние годы получила распространение точка зрения, что образовательные организации (вузы, школы) предоставляют образовательные услуги. В этом смысле основные их клиенты – родители и дети. Именно они должны выступать главным фактором изменений в вузах, а их удовлетворенность должна быть главным критерием оценки вуза.

Но, на наш взгляд, такой акцент не позволяет вузам выполнять социальные функции. Очевидные из них: образовательная, социализации, контроля, развития науки. Сегодня называют и другие, показывающие, что принципиально изменился взгляд на клиента вуза (об этом далее).

Мы утверждаем, что студенты и их родители не могут выступать фактором изменения формы и содержания образовательной деятельности вуза (учебных программ). Необходимо учитывать других заказчиков на продукт этой деятельности – государственные и бизнес-структуры, являющиеся потенциальными работодателями.

Рассмотрение в качестве клиентов вуза студентов и их родителей актуализирует и другую проблему – отказ от упорядоченной деятельности и от структур, дающих возможность такую деятельность производить, обоснованный постоянно изменяющимся и дифференцированным спросом.

Речь идет о необходимости сделать бюрократические структуры традиционных университетов более органичными, легко приспосабливающимися к изменениям рынка труда и потребностям междисциплинарных исследовательских программ (Mainardes, Alves, Raposo, 2011: 131-132; Birnbaum, Shuslok Jr., 2001: 59-84). В качестве своего рода стратегического эталона предлагается гибкая организация, которая является максимально приспособленной к предельно неопределенной (т.е. динамичной и сложной) внешней среде. Для университетов гибкая организация предлагается в виде предпринимательского университета (Clark, 1998). В отечественной реальности гибкость обеспечивается постоянным изменением содержания образовательных программ и управлением программами.

На наш взгляд, в таком подходе не учитывается организационная специфика вуза, что приводит к невозможности выполнения их ключевых задач.

Таким образом, задачами данной статьи мы видим следующие:

- показать специфические черты вуза как деловой организации;
- выделить основные подходы к исследованию внешней среды организаций и возможность их использования при выборе способов взаимодействия вузов с внешней средой;
- проанализировать способы адаптации к динамичной внешней среде, используемые российскими вузами, в контексте проблемы выполнения ими своих основных социальных функций.

Методология и методы (Methodology and methods). Вуз как организация особого типа. В западной организационной науке существуют немало исследований, посвященных проблеме развития университетов как организаций (исследования Дж.Томпсона, исследования в рамках теории организационной экологии и др.) (Пью, Хиксон, 1994). Более того, их организационная природа не вызывает сомнения. В то же время среди исследователей

высшего образования вопрос о принадлежности университетов к классу организаций достаточно дискусионен (Grücken, Meier, 2006: 241-257.) Частично это связано со специфическим пониманием организации.

Некоторые исследователи противопоставляют организации институтам, понимаемым как учреждение: зависимое от государства, негибкое, плохо реагирующее на изменяющиеся запросы внешней среды. «Организации более динамичны и более сильно характеризуются разделением труда и иерархической координацией» (Kehm, 2013: 245).

При этом под организациями понимаются исключительно бизнес-организации, действующие в ситуации неопределенной и динамичной внешней среды. А их специфической чертой видятся гибкие структуры – менее централизованные и менее формализованные, а потому легко адаптирующиеся к внешним изменениям. В рамках такой логики университеты рассматриваются как не соответствующие современным запросам времени, а потому для их развития предлагается использовать управленческие принципы и инструменты, применяемые для бизнес-организаций.

В реальности не все бизнес-организации могут функционировать как «динамичная организация», «гибкая организация». А черты бюрократической организации присущи любой эффективной крупной организации (Пью, Хиксон, 1994). Что касается учреждений, то, действительно, они функционируют как бюрократии, но это также никак не отрицает их эффективность.

Скорее, различать необходимо не организации (бизнес-организации) и институты (учреждения), а предприятия и учреждения (Пригожин, 2003), поскольку в первом случае результирующий продукт «очевиден» и легко поддается подсчёту, а во втором – это не так. Вузы, являясь организациями, обладают характеристиками учреждений, поскольку вопрос о результирующем продукте дискусионен (образо-

вательные услуги, образование, подготовленный специалист), в связи с чем его трудно посчитать, а к определению критериев эффективности до сих пор остается много вопросов.

В другом подходе, пытаюсь определить организационную специфику университетов, авторы делают акцент на проблеме принятия решений (Musselin, 2006: 63-84; Hardy, Fachin, 1990). Выделяют 4 модели. Согласно первой «коллегиальной» модели, университеты видятся как академическое сообщество, разделяющее определенные нормы и ценности и ориентированное на достижение консенсуса при принятии решений. Таким образом, влияние специфических ценностей видится как отличительная черта университетов среди других организаций.

Вторая модель делает акцент на политической природе принятия решений, подчеркивая, что университеты наполнены конфликтами и борьбой за ресурсы. Здесь рассматриваются, например, факторы получения доступа к ресурсам. Дж. Пффефер и Дж. Саланчик выявили, что тот, кто получает поддержку из внешней среды, обеспечивает себе доступ к ресурсам внутри организации. Нельзя сказать, что это специфическая черта университетов. Например, этот тезис вполне соотносится с выводом Астонской группы, что тот, кто контролирует источник неопределенности в значимой для организации сфере, получает реальную власть в организации.

Третья модель – это подход, предложенный П. Блау и базирующийся на исследованиях таких социологов, как Р. Мертон, А. Гоулднер, Ф. Селзник. Университеты в этой логике рассматриваются как децентрализованный тип бюрократии. Сходная позиция была предложена Г. Минцбергом в модели «профессиональной бюрократии» (Минцберг, 2002).

Четвертая модель описывает университеты как «организованные анархии» (термин К. Вейка), а для объяснения принятия решений здесь используется модель мусорной корзины (Дж. Марч и Дж. Ол-

сен) (Musselin, 2006: 63-84).

На наш взгляд, каждая из этих моделей достаточно адекватно объясняет какой-либо аспект функционирования университетов. Принципы построения организации (характеристики оптимальной структуры) описываются в рамках третьей модели. Особенности реального распределения власти в университетах можно объяснить, опираясь на вторую модель, а особенности организационной культуры – опираясь на первую модель. Четвертая модель позволяет оценить управленческие решения с точки зрения рациональности (или ее «отсутствия»). В то же время эти модели в большой степени описывают общеорганизационные процессы, которые являются характерными не только для университетов.

Большое число исследований рассматривают природу организаций (и, в частности, университетов), используя метафоры (Ouchi, 1980; Morgan, 1986). Однако такой подход не позволяет оценить структурные характеристики, с точки зрения их оптимальности, и соответственно, предполагает только описание, но не прогнозирование, как себя будет вести организация при изменении структурных характеристик.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Попытаемся воссоздать организационную специфику университета. Каков продукт деятельности этой организации? Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», цель высшего образования – «обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации». Таким образом, *конечный результат деятельности вуза*, как минимум, двояк: предоставление обра-

зования и подготовка специалиста (для ряда вузов «вторая» базовая деятельность – исследовательская, результатом которой является развитие науки, т.е. получение нового знания. Внешние показатели – количество статей, индекс цитируемости и т.д.).

Однако в последние годы, рассматривая базовую деятельность вуза, все чаще говорят о предоставлении образовательных услуг, а не образования. Это подчеркивает изменение статуса вуза – от образовательной организации к организации, предоставляющей услуги. Здесь кроется немало противоречий. Одно из них заключается в том, что само получение образования, его уровень и качество в большой степени связано с приложением интеллектуальных усилий «потребителя», что противоречит представлению о качественной услуге.

На наш взгляд, логично вспомнить, что продукты деятельности вуза различны, как различны и *заказчики* на эти продукты. Соответственно различны субъекты и критерии оценки эффективности деятельности вузов. Как результат деятельности вуза, кроме образовательных услуг, традиционно называли квалифицированных специалистов для разных сфер деятельности.

Вузы могут готовить три группы специалистов. Во-первых, это ученые-исследователи, во-вторых, это инженеры-технологи, разработчики технологий, в-третьих, это рядовые пользователи технологий.

Государство является единственным заказчиком на производство ученых-исследователей, а также может выступить заказчиком на инженеров-технологов и на рядовых инженеров. Количество разработчиков технологий зависит от имеющегося заказа как государства, заинтересованного в развитии той или иной отрасли, так и соответствующих бизнес-структур (выступающих работодателями).

Заказ на подготовку специалиста – пользователя технологий может поступать и от государства, и от бизнес-структур (ра-

ботодателей, испытывающих потребность в том или ином типе специалистов). Эту образовательную услугу могут купить и отдельные семьи. Но для отдельной семьи практически не важно, есть ли потребность на рынке в таком типе специалиста. Более того, такой «заказ» реагирует на рынок с опозданием: это реакция на успешность уже состоявшихся специалистов того или иного профиля. Но домохозяйства не готовы вкладывать инвестиции в развитие науки и подготовку ученых ввиду достаточно «неопределенного» социального статуса ученого (Попова, 2012).

Для того чтобы производить указанный продукт, организация (вуз) должна обеспечить определенный уровень порядка, который фиксируется в организационной структуре.

Оптимальность *организационной структуры* вуза задается спецификой связи между подразделениями, технологией деятельности, типом персонала.

Являясь профессиональной бюрократией (в терминологии Г. Минцберга), вуз характеризуется средним уровнем централизации, специализации, стандартизации, формализации (Минцберг, 2002). Необходимость бюрократических характеристик у организаций этого типа обусловлена не только размером организации, но и рутинной технологией базовой деятельности – образовательная деятельность предполагает определенную рутину и ориентирована на определенные проверяемые результаты (получение студентами знаний и умений).

В ряде вузов в качестве еще одной базовой реализуется научная (исследовательская) деятельность. Речь идет, прежде всего, о классических университетах и научно-исследовательских университетах. Это две противоположные по своей ориентации и характеристикам деятельности: исследовательская деятельность – поисковая, ориентированная на получение нового знания; образовательная деятельность не является ни поисковой, ни инновационной. Возможность их реализации на уровне одного субъекта (преподавателя) требует как

его высокой квалификации, так и создания условий для ее осуществления. Такими условиями может рассматриваться оптимальная организационная структура, обеспечивающая упорядоченность взаимодействия и деятельности.

Какие *структурные характеристики* оптимальны для вузов? Вуз можно отнести к типу организаций, где подразделения не связаны друг с другом напрямую, но связаны опосредованно через вклад в поддержание целого – коллективная зависимость в терминологии Дж.Томпсона. Оптимальной для такого типа организаций Томпсон рассматривает дивизиональную структуру. Эта структура характеризуется тем, что центр полностью выключен из текущей деятельности, а подразделения (факультеты) достаточно автономны в принятии решений. Рутинная (образовательная) деятельность дополнена возможностью для персонала (преподавателей) корректировки способов деятельности в зависимости от состояния клиентов – средний уровень стандартизации и формализации. Таким образом, это структура со средним уровнем централизации, стандартизации, формализации (Пью, Хиксон, 1994).

Кроме того, в структуре присутствуют такие образования, как советы (ученые советы факультетов и вуза в целом), которые позволяют решать проблемы, актуальные для всех подразделений, через нахождение компромисса. Слабость центра в дивизиональной структуре и наличие ученых советов, в которых решения принимаются коллегиально, символизируют то, что называется «академической свободой».

Технология работы с клиентом в этом типе организаций может быть определена как интенсивная – предполагающая возможность изменения способа работы с клиентом в зависимости от его состояния (Дж.Томпсон) (Thompson, 1967). Это предъявляет особые требования к персоналу: реализовать такую деятельность могут только высококлассные профессионалы. Поэтому одна из ключевых проблем для вузов – удержание профессионалов (Иванова, Попова, 2017).

Именно эти структурные характеристики позволяют осуществлять как образовательную, так и исследовательскую деятельность, и в целом не противоречат функционированию вуза как учреждения.

Однако остаётся вопрос, как вуз, обладая такой спецификой, может эффективно существовать в условиях изменяющейся внешней среды?

Внешняя среда организаций: основные проблемы исследований.

Проблема внешней среды стала актуальной в западной организационной науке и управленческой практике с 1960-х гг. Интерес был обусловлен насыщенностью рынка на Западе, и организациям потребовалось искать новые способы взаимоотношений с внешней средой – новые рынки сбыта, новые источники сырья, технологий и др.

На сегодняшний день в организационно-управленческой литературе получило распространение убеждение, что внешняя среда является главным фактором, определяющим функционирование организации, а адаптационное изменение – основная форма организационного развития (известный лозунг «Изменяйся или погибнешь!»). Ряд тезисов стал рассматриваться как не вызывающий сомнения:

- быстрая рациональная адаптация к изменениям внешней среды является гарантией развития организации;
- условием, обеспечивающим адаптивную способность организации, является гибкая структура – с минимальным уровнем централизации, специализации, стандартизации, формализации;
- развитие организаций связано с обеспечением гибкости структуры, которая, в свою очередь, даёт им возможность максимально приспособливаться к изменениям внешней среды. Гибкая структура стала ассоциироваться с наиболее высоким уровнем развития организации.

Однако логика взаимоотношений организации и внешней среды значительно сложнее не может быть сведена к рациональной адаптации.

Разберёмся с вопросами:

- как понимается внешняя среда;
- действительно ли отношения организации с ней сводятся к механизму рациональной адаптации и существуют ли другие механизмы взаимоотношения с ней;
- зависит ли выживание и развитие организации от ее способности быстро адаптироваться к изменениям внешней среды;
- может ли организация постоянно меняться в условиях динамичной среды;
- может ли организация полностью поменять свою структуру в ответ на принципиальные изменения внешней среды?

Как понимается внешняя среда?

Напомним, что внешняя среда – важнейшее понятие, позволяющее рассматривать организацию не изолированно, а в богатстве ее социальных связей. Среда выступает как источник ресурсов; как сфера конкуренции и конфликта; как сфера сотрудничества и обмена ресурсами; как источник неопределенности для организации, который необходимо контролировать; как источник изменения организационной структуры, стратегии и т.д. для обеспечения выживания в новых условиях.

Принято выделять микро- и макроуровень внешней среды. При этом под микроуровнем понимаются группы и организации, непосредственно контактирующие с организацией и влияющие на постановку и достижение её целей (так называемое «целевое окружение»). Это клиенты, заказчики, конкуренты, государственные организации, создающие условия и ограничения на деятельность анализируемой единицы. По сути, это и внешние стейкхолдеры (по терминологии соответствующей модели) – группы во внешней среде, заинтересованные в поддержании существования организации.

Действительно ли отношения организации с ней сводятся к механизму адаптации и существуют ли другие механизмы взаимоотношения с ней?

Как известно, интерес к внешней среде поставил под сомнение возможность

использования для объяснения функционирования организации в условиях динамичной среды модель закрытой системы. Однако и модель открытой системы, предполагающая адаптацию организации к изменениям внешней среды, также рассматривается сомнительной при объяснении указанных процессов.

Ряд исследователей (П. Лоуренс и Дж. Лорш, Дж. Томпсон) отметили, что любая крупная организация должна одновременно решать две плохо совместимые задачи: сохранять самоидентичность, воспроизводя структуру, и соответствовать меняющейся внешней среде, изменяя структуру. Решение этой задачи, по мнению авторов, возможно, если часть подразделений или управленческих уровней берут на себя функции взаимодействия с внешней средой, а другие подразделения (уровни) вообще не реагируют на изменения внешней среды, фокусируясь на внутренних процессах. Таким образом, для описания функционирования организации в условиях динамичной среды была предложена модель организации как частично открытой системы (Lawrence, Lorsch, 1967; Thompson, 1967). Такая модель вполне подходит для объяснения функционирования университетов, где могут быть созданы (и по факту создаются) подразделения по работе в сферах, критичных для существования университетов, – отделы по работе с абитуриентами; международные отделы, обеспечивающие условия для мобильности студентов и преподавателей и др. При этом для базовой деятельности должны быть созданы стабильные условия. Это никак не отрицает использования в преподавательской деятельности новых методик преподавания, равно как и новых технико-технологических средств. Но ставится под сомнение эффективность изменений, принципиально нарушающих организационный порядок.

Кроме того, способы взаимодействия внешней среды и организации меняются в зависимости от этапа жизненного цикла организации.

Рядом исследователей (А. Холи, А. Стинчкомб) было отмечено, что наибольшее влияние внешняя среда оказывает на ранних этапах существования организации (Hawley, 1950; Stinchcombe, 1965). По мере ее старения нарастает закрытость организации (А. Холи), которая отнюдь не обусловливает гибель последней. Дело в том, что у старой организации появляются серьёзные преимущества перед молодой, связанные с наличием большого набора поведенческих шаблонов под разные типы внешних ситуаций, позволяющие без особых ресурсных затрат быстро и успешно реагировать на изменения внешнего окружения (Hannan, Freeman, 1989).

Ещё одна проблема – рациональность адаптации, т.е. действительно ли предпринятые адаптационные изменения отражают стремление организации сделать свою деятельность более эффективной? Например, неинституционалисты считают, что выживание организации зависит от эффективности деятельности только на этапе юности. Выживание зрелых организаций зависит от институционального изоморфизма – способности организации следовать требованиям институциональной среды вне связи с рациональностью деятельности. При этом институционально изоморфными организации становятся посредством трех механизмов: принудительного (следствие политического влияния и проблемы легитимности); подражательного (реакция на неопределённость; нормативного (следствие профессионализации) (DiMaggio, Powell, 1983).

Кроме того, была поставлена под сомнение рациональность адаптации в том смысле, что результаты, полученные в процессе изменений, как правило, не совпадают с тем, что было заложено в проектах этих изменений.

Зависит ли выживание и развитие организации от ее способности быстро адаптироваться к изменениям внешней среды, т.е. изменяться в соответствии с изменениями внешней среды?

Организационные экологи (популя-

ционно-селекционная версия) (М. Хэннен, Дж. Фримен и др.) предложили механизм селекции как наиболее точно отражающий процесс взаимодействия организации с внешней средой (Hannan, Freeman, 1989). Именно эти специалисты поставили под сомнение прямолинейную связь между адаптацией организации и ее развитием. Тезисы, отражающие позицию организационных экологов, следующие:

- большая часть жизни организаций проходит в состоянии равновесия;

- взаимодействие с внешней средой не осуществляется непосредственно: организация взаимодействует с внешней средой через наличный поведенческий репертуар (шаблоны, которые она освоила в течение предшествующей жизни, решая проблем, в том числе и связанные с внешней средой). Чем шире репертуар, тем для организации проще выживать;

- организация развивает структуры, позволяющие выживать в разных конфигурациях окружения, а не стремится выработать структурные характеристики, оптимально приспособленные к каждому изменению внешней среды;

- закономерности организационного развития проявляются только на уровне популяции организаций (однотипных организаций, эксплуатирующих одни и те же ресурсы), на уровне единичной организации процесс развития случаен;

- источником развития популяции и отдельных организаций выступают принципиальные изменения внешней среды;

- на первом этапе все организации популяции пытаются адаптироваться, разрабатывая инновационные проекты для решения возникшей проблемы. Но адаптация здесь – только намерение;

- на втором этапе с течением определенного времени происходит отбор наиболее удачных способов решения проблемы. Образцы, предложенные организациями, оказавшимися успешными, запоминаются всеми организациями в популяции. Только тогда можно сказать, что организация адаптировалась, когда ее проект оказался

«одобренным» внешней средой (Щербина, Попова, 2011).

Таким образом, адаптация не обеспечивает выживание, результат адаптационных изменений случаен. То, что организация адаптировалась, можно заключить только после того, как она выжила (укрепила свою позицию).

Может ли организация постоянно меняться в условиях динамичной среды?

Проблема обеспечения баланса с внешней средой как одно из условий (функций) выживания социальной системы была поставлена Т. Парсонсом (Парсонс, 2002).

Однако, кроме адаптации, в качестве обязательных для выполнения назывались функции целеполагания, интеграции и латентности (сохранения культурного образца). Реализация двух последних функций предполагает институционализированные отношения. Сам организационный порядок предполагает определенный уровень институционализации. Постоянные изменения не позволяют институционализировать оптимальные способы решения проблем, а потому разрушают организационный порядок, являющийся условием организационной деятельности.

Может ли организация полностью поменять свою структуру в ответ на принципиальные изменения внешней среды? Другими словами, до какой степени организация может себе позволить изменяться без угрозы своему существованию?

Ответ на этот вопрос был дан Т. Бёрнсом и Г. Сталкером при анализе попыток изменения структуры с механической на органическую.

Наиболее адекватной структурой для предельно динамичной и неопределенной внешней среды является органическая структура, описанная Т. Бернсом и Г. Сталкером. Именно органическая структура представляет собой противоположность бюрократической (или «механической», как ее назвали авторы). И как раз эта структура позволяет организации быть предельно гибкой, максимально приспособ-

сабливающейся под изменения внешней среды. Однако она не может рассматриваться как эталон для развития всех, даже коммерческих организаций. Как у любой структуры, существуют ограничения на ее использование. Это, прежде всего, некаленифицированный, не мотивированный на деятельность и не идентифицирующий себя с целями организации персонал; автоматизированное производство, рутинная деятельность, крупный размер организации, стабильная внешняя среда. Учитывая специфику университета, можно утверждать, что такая структура не подходит для осуществления образовательной (достаточно рутинной) деятельности и не может быть ориентиром для развития вуза как организации особого типа.

Однако Т. Бёрнс не только описал эти типы структур, но впервые выявил проблему цены глобальных инноваций. Рассматривая проблему принципиального разрушения организационного порядка и попытки замены его неформальной регуляцией, Бёрнс зафиксировал в качестве непереносимых последствий нарушение коммуникации, снижение лояльности персонала, увеличение числа конфликтов, усиление борьбы за власть, снижение значимости организационной деятельности, а также уход из организации профессионалов (Burns, Stalker, 1961).

Адаптация вузов к динамичной внешней среде как форма организационного развития?

Что же предлагается для вузов в качестве формы адаптации и ориентира адаптационных изменений?

Последние годы российские вузы и вся система образования претерпевают постоянные изменения. Конкретные цели этих изменений в свою очередь меняются по мере достижения предыдущих (встраивание в Болонский процесс, попадание 5 отечественных вузов в сотню мировых университетов; попадание в сотню лучших университетов в предметных рейтингах).

Но есть и общие цели. Это модернизация всей системы высшего образования

и повышение эффективности вузов.

Чем обусловлены проводимые изменения?

Изменения, произошедшие в сфере высшего образования не только в нашей стране, но и в европейских странах, обосновываются следующими положениями:

1. В последние десятилетия происходят кардинальные и все более ускоряющиеся изменения в экономике, заключающиеся, в частности: в сужении сферы производства и расширении сферы услуг; в переходе к экономике знаний. Все это делает невозможным прогнозировать изменения рынка труда. Следовательно, снимается необходимость и возможность глубокой профессиональной подготовки нужного количества специалистов в определенных сферах деятельности, которые будут востребованы на рынке труда в будущем.

2. Вузы должны готовить не специалистов, а квалифицированных потребителей, что соответствует широкому проникновению новых технологий во все сферы социальной жизни и кардинальным изменениям в экономике развитых стран.

3. Неотъемлемой характеристикой современного мира является стремление большого числа людей к получению высшего образования. Это рассматривается как позитивный тренд, соответствующий темпам научно-технического прогресса. Тезис о необходимости массового высшего образования связан с убеждением, что в экономике знания не будет необходимости в неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силе, а также с убеждением, что потребность в знании, получаемом в рамках высшего образования, является всеобщей. Кроме того, подчеркивается, что высшее образование является основой формирования среднего класса (Клячко, 2016).

Исходя из этих оснований, главным принципом эффективного функционирования вуза становится клиентоориентированность. Она проявляется, в частности, в следующем.

- Субъектом оценки эффективности

и качества деятельности вуза становится клиент (родители абитуриентов и сами абитуриенты как потенциальные клиенты и студенты), а критерии оценки лежат в плоскости удовлетворенности клиента и его успешности при выходе на рынок труда.

- В основе подготовки студента лежит набор различных курсов: чем более разнообразными они будут, тем больше перспективы у выпускника на рынке труда.

- Указанные изменения обуславливают специфический набор функций вузов. Например, ряд исследователей выделяют такие функции вуза: сигнальная (сообщает о престижности вуза), воспроизводство человеческого капитала (обеспечивает востребованность выпускника и ожидаемый размер зарплаты), барьерная (обеспечивает однородность студенческого состава по способности набрать нужное количество баллов для поступления или способности оплатить обучение), научно-исследовательская (проводит научные исследования), инновационная (регистрирует результаты интеллектуальной деятельности), предпринимательская (является площадкой для становления малых инновационных компаний) (Земцов, Еремкин, Барина, 2015: 205). Как видно из списка, большая часть функций ориентирована на клиента – студента.

Однако названные характеристики противоречат организационной специфике вуза. Вуз, как уже сказано выше, может быть определен как профессиональная бюрократия (Г. Минцберг), где стандарты деятельности задаются в большой степени извне (профессиональным сообществом, а также государством). Соответственно сложно оценить эффективность и качество деятельности персонала: такая оценка может быть произведена только специалистами на основании профессиональных стандартов (Минцберг, 2002: 330). Такая организационная специфика делает невозможным оценку качества образования основным «потребителем услуги» – студентом. Например, нет жесткой связи между качеством образования и успешностью бу-

душей карьеры выпускника. Для других заказчиков – государства и бизнес-структур – в принципе, существуют объективные основания оценки, связанные с представлением заказчика о том, сколько и каких специалистов необходимо подготовить.

Однако ориентированность вуза на интересы студента не только не обеспечивает эффективности образовательной деятельности и качества образования, но и противоречит развитию науки. Подготовка ученого предполагает длительность и системность. А система подготовки «4+2» (бакалавриат и магистратура) символизируют нарушение системности образования, поскольку при поступлении в магистратуру не требуется окончания бакалавриата по той же специализации.

Кроме того, на выбор вуза абитуриентом наибольшее влияние оказывает бренд вуза, успешность его выпускников, доходы и обеспеченность вуза преподавателями; «научно-исследовательская деятельность ведущих вузов России оказывает слабое прямое влияние на их востребованность» (Земцов, Еремкин, Барина, 2015: 219). Это соотносится с выводом, что доля студентов, ориентированных на НИОКР, в России невелика (Зубова, Андреева, Антропова, 2008).

Таким образом, изменения в вузах ориентированы на клиента – получателя образовательных услуг, а не на заказчика – бизнес-структуры и государство, заинтересованные в специалистах. Интересно, что эта ориентация отражается и в некоторых рейтингах вузов, когда оценивается успешность трудоустройства выпускников, выраженная в уровне их зарплат (например, рейтинг QS Graduate Employability, который ежегодно составляет британская компания Quacquarelli Symonds).

Какие ориентиры выбирают? Основными ориентирами развития вузов становятся: увеличение количества студентов (которые для ряда вузов являются единственным источником финансирования);

постоянные изменения образовательных технологий, программ обучения; обеспечение мобильности как преподавателей, так и студентов.

В качестве ориентира развития предлагаются гибкие структуры, позволяющие предоставлять «университетские услуги, адаптированные уникальным образом и предоставляемые по-разному» (Вок, 2003), что реализуется в модели предпринимательского университета (Dill, Sporn, 1995; Dopson, McNay, 1996).

Эта модель предполагает постоянные изменения программ обучения, что реализуется в университетах в новой форме управления – управлении программами.

Такая форма управления необоснованно нарушает ключевой принцип управления, создавая двойственность подчинения (руководителю департамента и руководителю программы), увеличивая потенциал конфликта в организации. Кроме того, изменение программы не обосновывается требованиями рынка (хотя предполагается обсуждение программы с потенциальными работодателями): анализ требований рынка сложен, поэтому заменяется оценкой дисциплины студентами. Это (а не выстроенная система подготовки специалиста) может стать основанием для исключения дисциплины из программы. Т.е. гибкость структуры опять же связана с клиентоориентированностью.

Интересно, что гибкость структуры в смысле постоянного изменения образовательных программ соседствует с увеличением формальных правил проведения обучения и контроля. Программа обучения предполагает введение четких прописанных критериев оценки выполнения различных форм контроля, что демонстрирует не только недоверие к профессиональным стандартам оценки, но и предполагает возможность для студента (клиента) оценивать адекватность оценки его знаний.

Заключение (Conclusions). Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Вуз, несомненно, может быть рас-

смотрен в качестве деловой организации, имеющей результирующий продукт деятельности («делающей дело»), выполняющей определенные социальные функции и обладающей формальной структурой как условием осуществления этой деятельности.

2. Результат деятельности может быть рассмотрен по-разному. На наш взгляд, определение результирующего продукта (как образовательной услуги или как квалифицированного специалиста для разных сфер социальной деятельности) принципиально меняет взгляд на социальные функции вуза, ориентиры его развития, способы взаимодействия с внешней средой, а также субъекта и критерии оценки эффективности организационной деятельности.

3. Если мы определяем результирующий продукт как образовательные услуги, то заказчик – абитуриенты, студенты, их родители – все, кто заинтересован в получении такой услуги. В этом случае основная функция вуза – дать знания и компетенции, чтобы выпускник был конкурентоспособен на рынке и смог занять позицию, обеспечивающую высокую заработную плату. При этом, поскольку речь идет об услуге, то главным субъектом оценки становится ее получатель, а главным критерием оценки качества предоставляемой услуги – интерес получателя и его способность овладеть знанием или умением. Именно этим обосновано введение управления программами и постоянное изменение их содержания.

Очевидно, что нет никакой жесткой связи между этой оценкой и будущими возможностями клиента поступить на ту или иную вожделенную позицию в престижной организации. Но здесь возникает вопрос о том, зачем государство должно оплачивать получение таких услуг через создание бюджетных мест, если никаких социальных функций в отношении государства такие вузы не выполняют?

4. Если мы определяем в качестве результирующего продукта деятельности вуза квалифицированного специалиста в

определенной сфере, то заказчиками могут выступать государственные и бизнес-структуры, заинтересованные в использовании таких специалистов. Тогда мы можем оценивать вуз, с точки зрения выполнения социальных функций – насколько вуз обеспечивает потребности производства в специалистах разного профиля и уровня квалификации, а также потребности государства в учёных.

Ориентироваться при формировании содержания программ на рынок достаточно трудно, потому что потребность в определенных компетенциях проявляется через какое-то время. Государство также до сих пор не определяет четко заказ. Это проблемы, которые, действительно, требуют решения.

Но только в отношении вузов, ориентированных на подготовку специалистов, а не на предоставление образовательных услуг, обоснованно говорить о необходимости создания и увеличения бюджетных мест.

5. Способы, которыми российские вузы пытаются адаптироваться к изменяющейся внешней среде (речь идет, прежде всего, о создании гибких организационных структур), не бесспорны и в отношении бизнес-организаций. А в отношении вузов ущербны, поскольку не позволяют выполнять ключевые для вузов задачи – обеспечивать работодателей специалистами и развивать науку.

Список литературы

Земцов С. П., Еремкин В. А., Барина В. А. Факторы востребованности ведущих вузов России. Обзор литературы и эконометрический анализ // Вопросы образования. 2015. № 4. С.201-233.

Зубова Л. Г., Андреева О. Н., Антропова О. А. Ориентация выпускников на научно-исследовательскую деятельность // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 119-213.

Иванова Н. Л., Попова Е. П. Профессионалы и проблема внедрения инноваций в вузе // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 184-206.

Каримова А. Б. Латентные функции международных образовательных рейтингов //

Социологические исследования. 2016. № 6. С. 110-120.

Кем Б. М. Рейтинги университетов – воздействия и непредвиденные побочные эффекты // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 71-80.

Клячко Т. Л. Высшее образование: больше, лучше или дешевле // Демоскоп Weekly. 1-24 января 2016. № 669-670. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/print.php> (дата обращения: 29.02.2016).

Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб.: Питер, 2002.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

Попова Е. П. Эффективность как критерий организационного развития университетов и заказчики образовательных услуг // Вопросы управления. 2012. № 4. С. 171-176.

Пригожин А. И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003.

Пью Д., Хиксон Д. Исследователи об организациях. Краткое изложение работ признанных авторитетов в теории и практике менеджмента. Хрестоматия. М.: Линк, 1994.

Щербина В. В., Попова Е. П. Организационное развитие: теория и практика. М.: Шк. изд. и медиа бизнеса, 2011.

Birnbaum R., Shuslok Jr. F. The “Crisis” Crisis in Higher Education: Is that a Wolf or a Pussycat at the Academic Door? // In Defense of American Higher Education; Altbach P., Gumport P., Johnstone D. (eds.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001. Pp. 59-84.

Bok D. Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.

Burns T., Stalker G. M. The Management of Innovation. Tavistock, 1961.

Clark B. Creating Entrepreneurial Universities: Organisational Pathways of Transformation. Oxford: Pergamon, 1998.

Dill D., Sporn B. The Implications of a Postindustrial Environment for the University: An Introduction // Emerging Patterns of Social Demand and University Reform: Through a Glass Darkly; Dill D., Sporn, B. (eds.). Oxford: Pergamon, 1995. Pp. 128-141.

DiMaggio P. J., Powell W. W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // Amer-

ican Sociological Review. 1983. 48 (April, 2). Pp. 147-160.

Dopson S., McNay I. Organizational Culture // Higher Education Management: The Key Elements; D. Warner and D. Palfreyman (Eds.). Buckingham: SRHE and Open University, 1996. Pp. 16-32.

Hannan M., Freeman J. Organizational Ecology. Cambridge, 1989.

Hardy C., Fatchin R. Managing Strategy in Academic Institutions: Learning from Brazil. Berlin and New York: Walter de Gruyter & Co, 1990.

Hawley A. Human Ecology. N.Y.: Ronald, 1950.

Kehm B.M. Universities as Specific and Incomplete Organizations? New Theories of ‘Universities as Organizations’ // Presentation at the 4th International Conference «University Traditions: A Resource or A Burden?», 26 to 28 September. Moscow: Higher School of Economics, 2013.

Krücken G., Meier F. Turning the university into an organizational actor // World society and the expansion of formal organization; G. Drori, J. Meyer, & H. Hwang (eds.). Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. Pp. 241-257.

Lawrence P. R., Lorsch J. W. Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration. Boston, 1967.

Mainardes E. W., Alves H., Raposo M. The Process of Change in University Management: From the «Ivory Tower» to Entrepreneurialism // Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2011. № 33 E. Pp.124-149.

Musselin C. Are Universities Specific Organizations? // Towards a Multiversity? Universities between Global Trends and National Traditions / Ed. by G. Krücken, A. Kosmützky, M. Torka. Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. Pp. 63-84.

Morgan G. Images of Organization. London: Sage Publications, 1986.

Ouchi W. (1980) Markets, Bureaucracies and Clans // Administrative Science Quarterly. 1986. Vol. 25, № 1. Pp.129-141.

Stinchcombe A.L. Social Structure and Organizations // Handbook of Organizations; ed. by J. G. March. Chicago, 1965.

Thompson J. D. Organization in Action. New-York: McGraw-Hill, 1967.

References

Zemtsov, S. P., Eremkin, V. A. and Barinova, V. A. (2015), “Factors of Attractiveness of the

Leading Russian Universities. Overview of Literature and Econometric Analysis”, *Voprosy obrazovaniya*, (4), 201-233. (In Russian).

Zubova, L. G., Andreeva, O. N. and Antropova, O. A. (2008), “Graduating College Students' Orientations toward Scientific Research Activity” *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 119-213. (In Russian).

Ivanova, N. L. and Popova, E. P. (2017), “Professionals and the Problem of Implementing Innovation in University”, *Voprosy obrazovaniya*, (1), 184-206. (In Russian).

Carimova, A. B. (2016), “Latent functions of international educational rankings”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 110-120. (In Russian).

Kehm, B. M. (2016), “Universities' ratings – the impact and unforeseen side-effects”, *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 71-80. (In Russian).

Kliatchko, T. L. (2016), “Higher education: bigger, better, or cheaper?”, *Demoscope Weekly*, January 1-24 [Online], available at: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0669/print.php> (Accessed 29 February 2016). (In Russian).

Mintzberg, H. (2002), *Structure in Fives: Designing Effective Organizations*, Piter, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian).

Parsons, T. (2002), *The Social System*, Academic Prospect, Moscow, Russia. (In Russian).

Popova, E. (2012), “Efficiency as a criterion of the organizational development of universities and consumers of educational services”, *Voprosy Upravleniya*, (4), 171-176. (In Russian).

Prigozhin, A. (2003), *Methods of Organizational Development*, MCFER, Moscow, Russia. (In Russian).

Pugh, D. S. and Hickson, D. J. (1994), *Great Writers on Organizations*, Link, Moscow, Russia. (In Russian).

Sherbina, V. V. and Popova, E. P. (2011), *Organizational Development: Theory and Practice*, Shkola izdatelskogo i media biznesa, Moscow, Russia. (In Russian).

Birnbaum, R. and Shuslok, Jr. F. (2001), “The ‘Crisis’ Crisis in Higher Education: Is that a Wolf or a Pussycat at the Academic Door?”, in Altbach, P., Gumport, P. and Johnstone, D. (eds.), *In Defense of American Higher Education*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, 59-84.

Bok, D. (2003), *Universities in the Marketplace: The Commercialization of Higher Education*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.

Burns, T. and Stalker, G. M. (1961), *The Management of Innovation*, Tavistock, UK.

Clark, B. (1998), *Creating Entrepreneurial Universities: Organisational Pathways of Transformation*, Pergamon, Oxford, UK.

Dill, D. and Sporn, B. (1995), “The Implications of a Postindustrial Environment for the University: An Introduction”, in Dill, D. and Sporn, B. (eds.), *Emerging Patterns of Social Demand and University Reform: Through a Glass Darkly*, Pergamon, Oxford, 128-141.

DiMaggio, P. J. and Powell, W. W. (1983), “The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields”, *American Sociological Review*, 48 (April, 2), 147-160.

Dopson, S. and McNay I. (1996), “Organizational Culture”, in Warner, D. and Palfreyman, D. (eds.), *Higher Education Management: The Key Elements*, SRHE and Open University, Buckingham, 16-32.

Hannan, M. and Freeman, J. (1989), *Organizational Ecology*, Cambridge, USA.

Hardy, C. and Fachin, R. (1990), *Managing Strategy in Academic Institutions: Learning from Brazil*, Walter de Gruyter & Co, Berlin and New York.

Hawley, A. (1950), *Human Ecology*, Ronald, N.Y., USA.

Kehm, B. M. (2013), “Universities as Specific and Incomplete Organizations? New Theories of ‘Universities as Organizations’”, *Presentation at the 4th International Conference “University Traditions: A Resource or A Burden?”*, Higher School of Economics, Moscow, Russia. (In Russian).

Krücken, G. and Meier, F. (2006), “Turning the University into an Organizational Actor”, in Drory, G. etc. (eds.), *Globalization and Organization: World Society and Organizational Change*, Oxford Univ. Press, Oxford, 241-257.

Lawrence, P. R. and Lorsch, J. W. (1967), *Organization and Environment: Managing Differentiation and Integration*, Boston, USA.

Mainardes, E. W., Alves, H. and Raposo, M. (2011), “The Process of Change in University Management: From the «Ivory Tower» to Entrepreneurialism”, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, (33 E), 124-149.

Musselin, C. (2006), “Are Universities Specific Organizations?”, in Krücken, G., Kosmützky, A. and Torca, M. (eds.), *Towards a Multiversity? Universities between Global Trends*

and National Traditions, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany, 63-84.

Morgan, G. (1986), *Images of Organization*, Sage Publications, London, UK.

Ouchi, W. (1980), "Markets, Bureaucracies and Clans", *Administrative Science Quarterly*, 25 (1), 129-141.

Stinchcombe, A. L. (1965), "Social Structure and Organizations", in March, J. G. (ed.), *Handbook of Organizations*, Chicago, USA.

Thompson, J. D. (1967), *Organization in Action*, McGraw-Hill, New-York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Щербина Вячеслав Вячеславович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий

Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Попова Елена Павловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории организаций департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Vyacheslav V. Sherbina, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Center for Sociology of Management and Social Technologies, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Elena P. Popova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Organization Theory, School of Public Administration, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.